

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

О жизни и творчестве Игоря Ерёмкина

Амурская областная научная библиотека
имени Н. Н. Муравьева-Амурского

Отдел обслуживания

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

О жизни и творчестве Игоря Ерёмина:
к 85-летию со дня рождения

Информационно-методические материалы

Благовещенск
2020

По зову сердца : о жизни и творчестве Игоря Ерёмина : к 85-летию со дня рождения: информ.-метод. материалы / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьёва-Амурского ; сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2020. – 176 с. + 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – (Русские судьбы: амурские писатели ; вып. 14).

Составитель : В. В. Соломенник
Ответственный за выпуск : Н. Г. Долгоруков
Верстка и дизайн : М. И. Гнускова

© Амурская областная научная библиотека
имени Н.Н. Муравьева-Амурского

Содержание

От составителя	4
«И Я СУДЬБЫ НЕ ЗНАЮ ЛУЧШЕЙ...»: жизненный и творческий путь Игоря Ерёмина	6
«СПЛАВ МЫСЛИ И ЧУВСТВА...»: грани таланта Игоря Ерёмина	31
«И строчки в душе не стихали...»: поэзия	31
«Я о жизни вот какого мнения...»: публицистика	102
«ОН С НАМИ, ХОТЯ ЕГО НЕТ...»: Игорь Ерёмин в воспоминаниях и оценках современников	118
«СВЕТОМ СТАТЬ И ПЕРЕЖИТЬ СЕБЯ...»: методические рекомендации к изучению жизни и творчества Игоря Ерёмина на уроках литературного краеведения	154
«Всё, что в жизни было, не около прошло, а душу зацепило...»: беседа о поэтическом творчестве Игоря Ерёмина	154
ЛИТЕРАТУРА	160
Произведения И. А. Ерёмина	160
Литература о жизни и творчестве И. А. Ерёмина	170

От составителя

*А жизнь и вправду слишком уж мала.
Чтобы объять по праву бесконечность.
И если всё же нам доступна вечность,
Тому причиной добрые дела.*

*Они и после нас, о нас трубя,
Живут, как свет звезды давно потухшей.
И я судьбы пока не знаю лучшей,
Чем светом стать и пережить себя.*

Игорь Ерёмин

Игорь Алексеевич Ерёмин (17.09.1934 – 25.04.1983) – амурский поэт, который ещё в начале 1970-х годов стал известен широкой читательской аудиторией и получил всероссийское признание благодаря многочисленным публикациям в литературно-художественном журнале «Наш современник».

В предисловии к сборнику стихов Игоря Ерёмина «Зрелость» близкий друг поэта, баснописец и прозаик Николай Фотьев написал: «Критика тех лет называла Игоря Ерёмину в числе лучших поэтов России». Высоко оценивал творчество амурского поэта и главный редактор литературно-художественного журнала «Наш современник» Сергей Викулов – автор предисловия к сборнику Игоря Ерёмина «Земные корни». А на преждевременную кончину поэта он откликнулся пронзительной статьёй «Не из глубинки – из глубины».

Игорь Ерёмин – автор шести сборников стихотворений: «Ладони» (1972), «Земные корни» (1973), «Сердцевина» (1976), «Окоём» (1978), «Большак» (1982), «Зрелость» (1984).

Предлагаемые информационно-методические материалы «По зову сердца», приуроченные к 85-летию со дня рождения Игоря Алексеевича Ерёмина, освещают основные вехи его жизни и творчества, определяют значимость его художественного наследия.

Данный сборник состоит из четырёх разделов.

В первом разделе – «И я судьбы не знаю лучшей...» – прослеживается жизненный и творческий путь Игоря Ерёмина.

Во втором разделе – «Сплав мысли и чувства...» – анализируется поэзия Игоря Ерёмина, обозначаются её тематика, проблематика и поэтика; а также рассматривается публицистика, как важная составляющая многогранного таланта амурского автора.

В третий раздел – «Он с нами, хотя его нет...» – включены воспоминания об Игоре Ерёмине и оценки его творческого наследия друзей, близких, коллег, писателей, журналистов, учёных-филологов.

Четвёртый раздел – «Светом стать и пережить себя...» содержит методические рекомендации к изучению жизни и творчества Игоря Ерёмина на уроках литературного краеведения.

Литература в библиографическом списке сгруппирована в двух разделах: «Произведения И. А. Ерёмина» и «Литература о творчестве И. А. Ерёмина».

Сведения, предложенные в сборнике, могут быть полезны широкому кругу пользователей: библиотечным работникам, преподавателям, учащимся, всем, кого интересует творчество амурских писателей. Материалы сборника могут использоваться читателями и сотрудниками библиотек в разнообразных целях: для удовлетворения краеведческих запросов; для проведения библиографического информирования по краеведению; для выявления необходимых материалов при подготовке и составлении пособий, сборников, альманахов и других изданий краеведческого содержания; для организации краеведческих мероприятий.

Данные информационно-методические материалы являются четырнадцатым выпуском из краеведческого цикла «Русские судьбы: амурские писатели».

К сборнику прилагается диск, содержащий электронную версию информационно-методических материалов «По зову сердца: о жизни и творчестве Игоря Ерёмина: к 85-летию со дня рождения»; фрагменты изданий и фотографии И. А. Ерёмина; мультимедийные презентации о жизни и творчестве И. А. Ерёмина.

«И Я СУДЬБЫ НЕ ЗНАЮ ЛУЧШЕЙ...»: жизненный и творческий путь Игоря Ерёмина

*Ну, кто бы знал, какой огонь
Мог наконец-то в нём родиться!
Он просто ждал, а был он птицей,
Зажатой до поры в ладонь.*

*И пробует он силу крыл.
Пусть не лететь к другой планете,
И пусть не выше всех на свете,
Но выше, чем он прежде был.*

Игорь Ерёмин

Игорь Алексеевич Ерёмин родился 17 сентября 1934 года в селе Понзари Сампурского района Тамбовской области. Он был старшим ребенком в большой и дружной семье. Потом родились Эдуард, Лев, Владимир и Лариса.

Отец – Ерёмин Алексей Акимович (1911–1968), родился в деревне Александровские Верхи Тамбовского уезда. С десяти лет работал пастухом. С будущей женой познакомился во время учёбы в Тамбовском педагогическом техникуме в 1930–1932 годы. В декабре 1943 года был призван на фронт в должности командира огневого взвода. С января по май 1944 года проходил курсы младшего лейтенанта в Тамбовском артиллерийском оружейно-техническом училище. В звании гвардии старшего лейтенанта в январе 1945 году за умелое отражение контратаки противника награждён Орденом Красной Звезды. После окончания войны работал директором школы в селе Понзари. В 1952 году вместе с семьёй переехал в Волачаевку Нерчинского района, Хабаровского края. В 1952–1954 годы трудился в должности директора Семилетней школы в Волачаевке. В 1958–1967 годы стал завучем школы, вёл уроки истории, географии и конституции СССР. Скончался в 1968 году во время школьного урока. Похоронен в Волачаевке.

Мать – Ерёмина (Чванова) Зоя Васильевна (1914–1978) родилась в селе Ковылка Кирсановского уезда. В 1930 году окончила 7 классов в Кирсановской Девятилетней школе. В 1930–1932 годы училась в Тамбовском педагогическом техникуме. По окончании вела уроки в начальных классах в школах Веселовке, Понзари и Сампуре. Во время Второй мировой войны работала в детском доме. Переехав в Волочаевку занималась домашним хозяйством. После смерти мужа в 1968 году продала дом и уехала из Волочаевки вместе с дочерью к Игорю в Биробиджан. В начале 1969 они переехали в Уссурийск к сыну Эдуарду, летом этого же года во Владивосток к сыну Льву. Во Владивостоке работала дворником, жила в цокольном этаже и стояла в очереди на квартиру. *«Я встречался с ней однажды в Белогорске, когда она приезжала провести внучек. Это была женщина среднего роста, со светло-рыжеватым лицом, такое же лицо имел Игорь. Она была очень внимательна к собеседнику и немногословна. Чувствовалось, что за плечами этой женщины нелёгкий путь, но пройденный достойно. Во Владивостоке она имела квартиру в районе Столетия городу за кинотеатром «Искра». Квартира эта располагалась в цокольной части дома, куда солнце проникало лишь к вечеру. Я был здесь единственный раз, и когда зашёл сюда и увидел Игоря и Зою Васильевну рядом, то в очередной раз очень удивился внешней схожести матери и старшего сына. А Льва Алексеевича, сидевшего в углу стола и всё порывавшегося завести какой-то разговор, можно было принять за постороннего человека, так, зашедшего в гости. Черты лица его были острее, чем у брата и матери, русые волосы прямо зачесаны, скулы обтягивала сухая тёмная кожа. В тот мой первый и последний приход к Ерёминым во Владивостоке у них шёл разговор об отце, чью могилу в Волочаевке, очевидно, сыновья давно не посещали. Чтобы не мешать семейной беседе, я договорился с Игорем об отъезде в Белогорск и ушёл. Я знал, как трепетно относился Игорь к памяти отца»,* – вспоминает поэт и журналист Анатолий Филатов.

В 1954 году после окончания школы Игорь Ерёмин поступил на историко-филологический факультет Благовещенского государственного педагогического института (ныне университет).

Первые стихи Игорь Ерёмин начал писать в старших классах, хотя интерес к поэзии у него начал проявляться с детства. В 1974 году в интервью газете «Амурский комсомолец» Игорь Ерёмин ска-

зал: *«Всегда приятно вспоминать детство. Когда мне было лет десять, мне совершенно случайно попала в руки вырванная страница из книги со стихами: «Погиб поэт. Невольник чести. / Пал оклеветанный молвой...». Не было на странице ни имени автора стихов, не знал я, о каком поэте идёт речь, но сами стихи поразили настолько, что самому захотелось написать что-нибудь».*

С творчеством других поэтов познакомила бабушка Прасковья Прохоровна: она пела песни на стихи Лермонтова, Никитина, Некрасова: *«В ту пору едва ли я думал о том, что это меня учит пониманию поэзии, но, видимо, так оно и было. Читал запоем «Кому на Руси жить хорошо». После познакомился с творчеством Заболоцкого, Твардовского, Блока, ставшими одними из его любимейших поэтов».*

В старших классах Игорь Ерёмин стал более серьёзно относиться к чтению стихотворений: возникло желание постичь тайны творчества. Однажды Игорь прочитал статью о детском творчестве, где была такая фраза «Луна, как спелая дыня». Удивлённый сравнением и тем, что автор его ровесник, втайне стал писать и сам. Первое стихотворение было о весне, о Первом мая. Игорь Алексеевич вспоминал: *«Но в ту пору разве думал или смел думать я, что с годами поэзия станет главным в моей жизни? Да и писал я время от времени. Причём, сказать об этом кому-либо стеснялся. Как-то, однако, мать узнала о моём увлечении и показала стихотворения одному преподавателю литературы. Ознакомившись с первым пробам пера, тот вынес «приговор»: «Ну, Пушкина из него не получится. А, впрочем, пусть пишет». Сам процесс писания увлекал меня тогда не меньше, чем мальчишеские игры. К стихам тянуло».*

В студенческие годы Ерёмин втайне даже от самых близких людей писал стихи. Представить своё творчество широкой читательской аудитории начинающий поэт решился в 1956 году. В небольшом коллективном сборнике состоялась первая публикация Еремина – стихотворение-биография «Старый слесарь». Прототипом главного героя был одарённый рабочий-металлист Белогорского моторемонтного завода (ныне «Амурсельмаш»), с которым автор познакомился через своего друга со студенческой скамьи Ивана Полтавцева. Многим ранее в газете «Амурская правда» был напечатан очерк И. Полтавцева «Слесарь Алексеев». До поступления в институт Полтавцев несколько лет проработал на этом заводе, поэтому ему было поручено описать жизнь родного ему предприятия. После посещения

токарного цеха и знакомства с талантливым героем газетного очерка, у Игоря Ерёмина возникло желание написать о нём и его работе стихотворение. Вот несколько строк из него:

За сорок лет – немалый срок –
Привык к заводу очень.
Как врач, лечил любой станок,
Как мать, ухаживал, берёг.
Учил тому рабочих.

Не спит ночами, а заснёт,
То, как нарочно, снится
Неумолкающий завод,
Рабочих видит лица.

По цеху из конца в конец
Идёт и проверяет,
Не «подрывает» ли резец
И помпа как качает.

Сборник с этим стихотворением И. Ерёмина, с дарственным автографом начинающего поэта от 5 августа 1956 года хранится в семье Ивана Полтавцева.

Будучи студентом, Ерёмин вёл более чем скромную в материальном плане жизнь, поэтому в 1957 году, учась на четвёртом курсе, И. Ерёмин перешёл на заочное отделение своего факультета и был принят на работу в газету «Амурский комсомолец». Сначала на должность литературного сотрудника, позже был назначен заведующим отделом комсомольской жизни. Литератор и бывший редактор газеты Ю. П. Залысин вспоминал, что уже тогда писал Ерёмин «свежо, интересно». Залысин в те годы был членом редколлегии литературно-художественного альманаха «Приамурье». Вряд ли мы ошибёмся, если предположим, что именно он порекомендовал к публикации на страницах этого издания стихотворений Игоря Ерёмина. И в 1957 году в шестом номере альманаха было напечатано стихотворение И. Ерёмина «Родился сын».

Родился сын.
И бабы у колодца
Шептали:

– Настя сына прижила, –
Злорадствуя, что горько ей придётся...
Так поделом,
Коль честь не сберегла.
А в доме
Бабка истово вздыхает,
Дед с гулким кашлем курит самосад.
Мальчишка спит.
Пока не понимает,
Что в жизни невпопад.
Мать у корыта встала сиротливо.
Пелёнка на пол выпала из рук.
Припомнилось,
Как девочкой смешливой
Бежала на свиданье через луг.
И ночью, бесшабашная от счастья,
Порывисто шептала:
– Дорогой...
Но всё прошло.
Оставил парень Настю,
И, говорят,
Женился на другой.
Пусть бабы насмеются над нею,
Обидные слова бросают вслед –
Была бы бабка с внуком понежнее,
Да был бы с ним поласковее дед.
Она найдёт и силы и уменье.
Ведь ей бы только воспитать его,
Чтоб мальчик,
Незаконный от рожденья,
Стал сам владельцем счастья своего.
Пусть ляжет жизнь на плечи, как усталость,
Она снесёт.
А ты, сынок, живи
И знай:
У мамы для тебя осталась
Частица нерастраченной любви.

В 1958 году Амурское книжное издательство выпустило в свет первый (и как впоследствии оказалось, единственный) номер альманаха «Приамурье» для детей. На страницах ставшего библиографической редкостью альманаха представлены молодые амурские писатели и поэты: Любовь Антонова, Дмитрий Цирулик, Николай Фотьев и др. Произведения, разные по художественной ценности, говорят о растущем мастерстве авторов, о глубоком знании детской психологии, о стремлении авторов не только занять юного читателя, но и пополнить его знания. Альманах для детей был хорошим началом. Для типографских возможностей 1958 года он неплохо оформлен, умело подобран иллюстративный материал: рисунки и этюды с натуры, выполненные учениками студии рисунка и живописи Благовещенского Дома пионеров. В этом номере альманаха было опубликовано и стихотворение Игоря Ерёмина «Письмо».

Звенит звонок,
Но класс не покидая,
К столу мальчишки двинулись гурьбой,
Пришло письмо к ребятам из Китая,
От школьника по имени Цю-бо.
Письмо письмом: обычный цвет бумаги,
В простую клетку разграфлённый лист.
Одна беда – загадочные знаки
Пучками по странице разбрелись.
Подобного не встретишь в наших книжках,
Нет, не учили этому ребят.
Умолкли загрузившие мальчишки,
С надеждой на учителя глядят.
Решил учитель:
– Переводчик нужен.
Но кто-то вдруг взволнованно сказал:
– Написано по-русски слово «Дружба»!.. –
И осветились радостно глаза.
Письмо китайца школьники листают
И, не вдаваясь в тайны языка,
Они и так прекрасно понимают,
Что хочет друг сказать издалека.

Необходимо отметить, что это поэтическое произведение Ерёмина впервые было напечатано в газете «Амурская правда» за 15 ноября 1956 года.

Звенит звонок, но, класс не покидая,
К столу мальчишки двинулись гурьбой.
Пришло письмо ребятам из Китая
От школьника по имени Цю-бо.
Письмо письмом: обычный цвет бумаги,
В прямую клетку разграфлённый лист.
Одна беда: загадочные знаки
Жучками по страницам разбрелись.
Подобного не встретишь в наших книжках,
И не учили этому ребят.
Примолкли загрустившие мальчишки,
С надеждой на учителя глядят.
Потупил взор сконфуженный учитель...
Но кто-то вдруг взволнованно сказал:
– По-русски «мир» написано, смотрите!
И засияли радостно глаза.
Письмо китайца школьники листают...
И не вдаваясь в тайны языка,
Они и так прекрасно понимают,
Что хочет друг сказать издалека.

В 1959 году Игорь Ерёмин уехал в Волочаевку, где стал работать учителем русского языка и литературы в семилетней школе № 11. Институт Ерёмин закончил в 1960 году.

Словесный портрет Ерёмина тех лет нарисован Иваном Полтавцевым: *«Голова у него была красно-рыжая, лицо с конопатинками. Глаза светло-голубые, выпуклые, слегка навывкате. Фигура статная. Костюм, хотя и недорогой, но всегда идеально подогнан, выглажен. Ворот рубашки – белой или в полоску – аккуратно отутюжен. Галстук он носил редко. Лицо и особенно губы подчёркивали собранность и волю. На улыбку Игорь был скуп. Походка несуетная, строгая, прямая. Аккуратно подстрижен, обувь начищена. А по выходным и праздникам он вообще имел «конфетный» вид».*

В Волочаевке Игорь Ерёмин познакомился с Кобелевой Галиной

Никитичной (1941–2015), которая приехала туда после распределения, окончив Усманский сельскохозяйственный техникум. На третий день знакомства она стала его женой.

В 1962 году Ерёмин переехал с семьей в Белогорск. В браке родились три дочери: Светлана (1962), Наталья (1963) и Вера (1965). Старшая, Светлана, пошла по стопам отца: получила филологическое образование, работала учительницей в школе, живёт в Белогорске. О средней дочери поэта, Наталье, почти ничего не известно, кроме того, что из Белогорска она переехала в Кемеровскую область и стала матерью восьмерых детей – у неё четыре дочери и четыре сына. Младшая Вера живёт в Санкт-Петербурге. Своего сына она назвала в честь отца.

Необходимо отметить, что старшей дочери Светлане Игорь Ерёмин посвятил трогательное стихотворение «Дочери», которое было опубликовано 9 января 1970 года в газете «Амурская правда».

Странное какое бытие!
Будто всё туда меня уносит,
Где была с пшеничным хлебом осень.
И дожди холодные её.

Или я тогда не замечал,
Или всё, что позади, то легче,
Или верно, что отцу на плечи
Падала всегда моя печаль?

Но, казалось, жизнь не так грозна.
А когда ни молока, ни хлеба,
Утешали чистые, как небо,
Ласковые мамины глаза...

И сегодня осень, да дожди.
Лист опавший с грязью перемешан.
Но опять я радостен и нежен,
Словно в сердце лампочку зажгли.

В дверь войду, и шапку на крючок,
И вперёд шагну, когда спросонок
Бросится из комнаты ребёнок –
Девочка Светлана, Светлячок.

Я её пирожным накормлю,
Из кармана яблоко достану,
Буду думать, как мою Светлану,
Странствуя, урывками люблю.

...Вот опять звучанье колес.
Взгляд последний трогательно светел.
Пронеси над ней печали, ветер,
И ко мне на плечи урони.

Но вернёмся в 1960 годы, которые стали для Игоря Ерёмина временем напряжённого поиска своего места в жизни. С апреля 1962 года по февраль 1967 Игорь Ерёмин трудился сначала заведующим отделом писем культуры и быта в районной белогорской газете «Ленинский путь». В то время в редакции подобрался коллектив, заражённый тягой к писательству, поэтому в газете часто выходила литературная страничка, которую готовил Ерёмин.

Редакционная работа несколько тяготила поэта, а творчество увлекало. В 1963 году вышла первая подборка стихотворений Игоря Ерёмина под названием «Вёсны», в коллективном сборнике молодых амурских поэтов «Берёзовые окна» (1963), в которой также были представлены стихотворения В. Колыхалова, В. Смирнова, С. Демидова, В. Могильникова, В. Петрова.

Поэтическую подборку «Вёсны», открывающую сборник, составили следующие стихотворения: «В час затишья, в час бешенных гроз...», «Уважайте человека», «Давайте верить в лучшее», «Спят девочки», «Предостережение», «Осень на Амуре», «Махорка», «Отъезд», «Сундуки в полкомнаты...», «Деньги», «Дождь», «Напоминание», «От совершенства к совершенству». Стихотворение «Осень на Амуре», на наш взгляд, является одним из лучших стихотворений подборки.

Какая тихая погода!
Амур спокоен, в небе синь.
Вся в ожидании захода
Стоит осенняя теплынь.

Листва летит, летит на землю
И шепчет солнечную песнь.

Ах, осень, я тебя приемлю
Такой, какой ты вечно есть.

А я вступил в тревожный возраст,
Когда всё думаешь о том.
Как было раньше, стало позже
И что произошло потом.

Не знаю как: по молодости или
В связи с суровостью борьбы –
Не только я, но все мы были
И угловаты и грубы.

И пусть не каменной породы,
Но всё равно кривили рот
От пышной щедрости природы
И от иных других щедрот.

Я знаю цену тем потерям,
Когда по глупости грубил,
Как откровенью не поверил
И этим друга оскорбил.

А годы шли тревожным маршем,
Спокойно делая людей
Пусть некрасивее и старше,
Но мужественней и добрей.

Мы и теперь всегда в движении,
Мы и теперь всегда в борьбе.
Но чуткость, чуткость поколенья
Я узнаю в самом себе.

Я всё приму – и боль, и радость,
И хмурость дня, и яркость дня,
И жизнь, и смерть –
Всё это рядом,
Всё это в сердце у меня.

Говоря о раннем творчестве Игоря Ерёмина, амурский баснописец и прозаик Николай Фотьев отмечал, что его *«тогдашние стихи, как бы не соответствуя возрасту и опыту автора, уже привлекали внимание честной простотой и отсутствием всякой рисовки, мелкотемья и мнимой многозначительности, которой часто грешат молодые»*.

Все, кто знал Ерёмину лично, запомнили его прямодушным и принципиальным человеком, правдолюбом, жёстко отстаивающим свою позицию. В том числе и дочь Вера Игоревна: *«Он был стойким и категоричным в своих убеждениях. Как-то в редакцию газеты «Ленинский путь» принесли стихотворение участника Великой Отечественной войны. Отец отказался его публиковать. Его вызвали в горком и попросили объясниться. Он ответил, что уважает автора как участника войны, но не видит у него творческих способностей. Стихотворение так и не было напечатано в газете»* (22 марта 2018 г.)

Как вспоминает журналист и писатель Анатолий Филатов: *«Ерёмин написал статью о спорте и высказал в ней мнение, отличное от мнения райкома партии. После партсобрания, на котором Игорь Алексеевич не изменил своих взглядов и отказался публично признать свои ошибки, он был вынужден оставить редакцию «Ленинского пути»*.

В 1967 году Ерёмин с семьёй переехал в Биробиджан, где в течение двух лет работал старшим литературным сотрудником в областной газете «Биробиджанская звезда». За организацию статьи «Ответственность учителя, родителей, ученика» 27 августа 1968 года премирован из фонда литературного гонорара 20 рублями. В Амурской области поэта не забывали: его стихи читали по радио, публиковали в областных и районных газетах.

Как утверждает Иван Полтавцев, в 1968 году вышел первый поэтический сборник Игоря Ерёмина «Через много лет», состоявший из 11 стихотворений. До сих пор не удаётся отыскать этот сборник.

В Белогорск Игорь Алексеевич вернулся в 1969 году. Белогорский период – время творческого взлёта поэта. В это время он много работал и публиковался.

В 1969 году поэзию Игоря Ерёмина впервые представил читателям литературно-художественный журнал «Наш современник», опубликовав четыре стихотворения: «Ходоки», «В дни войны»,

«Санная дорога», «Из детства». В 1970 году стихи Ерёмина были опубликованы на страницах этого издания дважды: в третьем номере – стихотворение «Любовь», в девятом номере – «Пулями пробитые стихи», «В купе, с гитарой наготове...», «Кино в селе».

Вот что об этом пишет член редколлегии журнала «Наш современник», Вениамин Колыхалов: *«В прошлом году мне было приятно рекомендовать подборку стихов Игоря Ерёмина для московского журнала «Наш современник». Стихи были хорошо встречены редколлегией и опубликованы в июльской книжке этого журнала. Среди четырёх стихотворений были «Ходоки». Игорь Ерёмин (он наш земляк, сейчас живёт в Белогорске) со времени публикации первых своих стихов («Берёзовые окна», Амурское книжное издательство, 1963 год) сделал серьёзный шаг в творчестве. Об этом говорят, на мой взгляд, и те стихи, которые я предлагаю «Амурской правде». Кстати, журнал «Наш современник» в новом году предполагает опубликовать вторую подборку стихов Игоря Ерёмина» («Амурская правда», 1970, 9 января).*

В 1970 году Игорь Ерёмин в составе группы молодых литераторов Амурской области принял участие в краевом семинаре молодых литераторов, организованным Хабаровской писательской организацией и Хабаровским книжным издательством, который проходил в Хабаровске. Своими впечатлениями о прошедшем семинаре поделился его участник, член бюро областного литературного объединения Станислав Демидов на страницах газеты «Амурский комсомолец» (1970, 23 декабря, с. 3). Здесь же было опубликовано несколько стихотворений участников семинара, в том числе поэтическая зарисовка Игоря Ерёмина «Снег».

Снег падал и падал,
Прилежно беля
Дороги и пади,
Леса и поля.

Летел канителя,
У окон жилья...
И дома безделья не выдержал я.

С лопатой совковой
Шагнул за порог.

Испробовать новый
Решил черенок.

Отструган, отглажен
Ножом и стеклом,
К железу прилажен
И скреплен гвоздём.

Весёлая сила,
Широкий замах.
Ходила красиво
Лопата в руках.

И было приятно,
Устав, покурить
И вновь аккуратно
Тропинку торить,

И думать о счастье,
Которое в том,
И ищешь отчасти,
Чтоб рядом – твой дом.

И в том, что вот выйдешь
На утренний свет,
И дышишь, и видишь,
Как падает снег.

В 1972 году в Хабаровском книжном издательстве вышла поэтическая книга «Ладони», ставшая итогом почти десятилетней работы Игоря Ерёмина. В сборнике отчётливо обозначилась главная тема всего творчества поэта – судьбы родины и народа. Своё название книга получила по одноимённому стихотворению, лирический герой которого – труженик, всю жизнь посвятивший работе на земле, а в страшные военные годы самоотверженно защищавший её от захватчиков.

Он устал и в тени у верб
Сел, откинувшись на тропе.

Обращённые к небу вверх,
Отдыхают его ладони.

Чуть расслабились и легли,
Наработавшись спозаранок,
Потемневшие от земли,
Пожелтевшие от сигарок.

Задубевшие... Не в перстнях –
Сплошь в мозолях они, в порезах.
На ладонях, как на весах,
Тяжесть добрая дел полезных.

Оттого и покойны так,
Что покойны леса и пашни.
Но сжималась ладонь в кулак,
И врагу становилось страшно.

Всё тепло на земле – от них!
Вот и сын, что с кваском в бидоне
Шёл к отцу, – вот и он притих,
И глядит на его ладони.

И лежат они, тяжелы,
Отдыхая, его ладони.
В мире света и тишины,
Как в сработанном ими доме.

В час обеденный, в перерыв
Трактора загорают в поле.
Плуги, в землю носы зарыв,
Встали около на приколе.

Облака, будто гор гряда.
Неподвижны на небосклоне.
Отдыхает весь мир, когда
Отдыхают его ладони.

В рецензии на сборник Станислав Демидов, обращая внимание на гражданственную направленность лирики поэта, написал:

«Скажем прямо, в своей книге И. Ерёмин предстал перед читателями как вполне сложившийся поэт со своим негромким, но запоминающимся голосом. Чёткой и определённой гражданской позицией, со своей главной темой – Родина и Человек. В целом сборник «Ладони» – большая удача автора. Он, безусловно, заинтересует и духовно обогатит каждого, кто его прочтёт».

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Благовещенского государственного педагогического университета И. С. Назарова отмечает: *«Своё название книга получила по одноимённому стихотворению, лирический герой которого – труженник, всю жизнь посвятивший работе на земле, а в страшные военные годы самоотверженно защищавший её от захватчиков. Ладони в стихотворении – символ человеческого трудолюбия».*

Ровно через год после «Ладоней» в московском издательстве «Современник» вышел сборник стихотворений Игоря Ерёмкина «Земные корни» (1973) с предисловием известного поэта, а в те годы главного редактора журнала «Наш современник», Сергея Викулова. Давая оценку поэзии автора сборника, он отмечал: *«Не скрою, она доставила мне огромную радость! Я увидел, что поэтический голос Игоря Ерёмкина по-настоящему окреп; словно в его стихах теперь знает и чувствует своё место, его, как говорится, ни заменить, ни выбросить, ни переставить; а главное, сформировалось мировоззрение поэта, обострились его гражданские чувства».*

Об опубликованном в сборнике стихотворении «Письмо» (так был озаглавлен фрагмент из ещё незавершённой к тому времени поэмы «Солдатка») С. Викулов писал: *«Чувство здесь передано с такой искренностью, с такой правдивостью, что невольно мурашки по спине и слёзы на глаза. Это уже свойство настоящей поэзии!».* По его мнению, творчество И. Ерёмкина – *«внешне безыскусный, но абсолютно точный психологический рассказ о человеке, а в общей сложности – о народе».* Обозначив главную тему поэзии И. Ерёмкина – человек и судьбы народа, С. Викулов одновременно подчеркнул её непреходящую ценность.

В 1974 году в интервью районной газете «Авангард» Игорь Ерёмин так прокомментировал выход своих первых поэтических книг «Ладони» и «Земные корни»: *«Поэту, даже если он очень талантлив, нужна литературная среда, общение с хорошими и знающими коллегами. И неудивительно, что в предисловии к моему сборнику*

«Земные корни» поэт Сергей Викулов пишет о значении литературной среды для молодого поэта. Этой среды мне не хватало постоянно. Поэтому и зрелость наступала трудно, долго. Помогли мне в Москве, в журнале «Наши современники». Все мои стихи там были прочитаны, чувствовалось, что товарищеская заинтересованность в моей работе, они дали мне много добрых и полезных советов. За какой-то год я прошёл хорошую школу. Такое отношение к поэту настраивает на усиленную работу, рождает вдохновение. И вот первые сборники вышли».

В беседе со Станиславом Демидовым Игорь Ерёмин рассказал о «поэтической и гражданской основе» его первых поэтических книг: *«Мне всегда хотелось писать о серьёзном. Это было и раньше: и во время учёбы в Благовещенском педагогическом институте, и когда я работал в редакции областной молодёжной газеты «Амурский комсомолец». Осталось это и теперь. Всё дело в умении. Раньше получалось не совсем удачно, сейчас – лучше. Темы мои, по существу, остались прежними: военное детство, труд рабочего человека. Тут как раз естественно возникновение вопроса о гражданственности поэзии. Спорят об этом много. Моё мнение, которое я пытаюсь подтвердить своими стихами: гражданственно в поэзии то, что отвечает главным интересам общества. Чем оно живёт? К чему стремится? Что его волнует? Вот такие вопросы должны волновать и поэта»* («Амурский комсомолец», 1974, 6 февраля, с. 4).

В статье «Несколько штрихов к недописанному портрету Игоря Ерёмина» И. С. Назарова пишет: *«Как и все творческие люди (может быть, за редким исключением), Ерёмин вёл жизнь во многом неупорядоченную. Будучи автором многочисленных публикаций в коллективных сборниках, на страницах периодических изданий (в том числе и больших поэтических подборок в журнале «Наши современники»), двух стихотворных сборников (один из которых вышел в Москве), он не торопился вступать в Союз писателей СССР. И только благодаря участию Фотьева, поэт решился на этот шаг».*

В 1974 году вышел литературно-художественный сборник «Приамурье моё», который открывался небольшой поэтической подборкой И. Ерёмина, которую составили стихотворения «Комбайнёр», «Сосед», «Опять весь день снаружи...», «Подснежник».

«Как и все творческие люди (может быть, за редким исключением), Ерёмин вёл жизнь во многом неупорядоченную. Будучи авто-

ром многочисленных публикаций в коллективных сборниках, на страницах периодических изданий (в том числе и больших поэтических подборок в журнале «Наш современник»), двух стихотворных сборников (один из которых вышел в Москве), он не торопился вступать в Союз писателей СССР. И только благодаря участию Фотьева, поэт решился на этот шаг», – пишет И. С. Назарова.

23 февраля 1974 года Ерёмин написал заявление о приёме в Союз писателей СССР. 18 апреля того же года в Хабаровске состоялось общее собрание членов писательской организации. Свои рекомендации представили Н. Фотьев – единственный из амурчан, М. Асламов и известный советский поэт, редактор журнала «Наш современник» С. Викулов. Все двадцать два члена Хабаровской писательской организации поддержали кандидатуру Ерёмина. 17 октября 1975 года решение было подтверждено в Москве. На заседании Приёмной комиссии Союза писателей РСФСР С. Викулов назвал Ерёмина «вполне сложившимся и по-настоящему талантливым поэтом». Членский билет № 02672 был выдан поэту 22 января 1976 года. Принят в Союз писателей СССР 22 января 1976 года, в Литературный фонд СССР – 14 января 1977 года.

Сканы документов, рассказывающих о приёме И. А. Ерёмина в Союз писателей СССР (личное заявление, автобиография, рекомендации, стенограммы и др.), были переданы в Литературно-краеведческий музей БГПУ внуком поэта – Игорем Мартюшевым.

Одновременно с Игорем Ерёминым в Союз писателей СССР был принят Борис Машук. Напутствуя молодых авторов, Н. Фотьев отметил это немаловажное событие для культурной жизни Приамурья, как возможность создать Амурскую писательскую организацию: «Наверное, у каждого писателя, сколько бы он ни работал, главные книги – всегда впереди, а «покой только снится». Нелёзок путь литератора, но и прекрасен. И хотелось бы, чтобы на пути этом земляки мои всегда являли пример духовной глубины и высокой гражданской заинтересованности в делах и жизни народа. Ибо это и только это отличает большую, настоящую литературу» («Амурская правда», 1976, 6 февраля, с. 4).

Вступление Игоря Ерёмина и Бориса Машука в Союз писателей СССР совпал с выходом в свет литературно-художественного сборника «Приамурье моё – 1975», на страницах которого широко были представлены лирические раздумья И. Ерёмина. Кандидат филологи-

ческий наук Николай Недельский обратил внимание на теплоту и нежность, которой наполнены стихи Игоря Ерёмина («Амурская правда», 1976, 6 февраля, с. 4).

В 1975 году поэма «Солдатка» (первоначальное название «Красно Солнышко»), которую Игорь Ерёмин писал два года (1972–1974), была удостоена премии журнала «Наш современник» в номинации лучшая поэтическая публикация года. Иван Полтавцев высоко оценил поэму: *«Получилось поистине народное сказание о русской женщине»*.

Очевидно, окрылённый успехами, Ерёмин один за другим выпустил два сборника: «Сердцевина» (1976) и «Окоём» (1978).

Поиск первоосновы человеческой нравственности, содержательности человеческого бытия – главное, что определяет лирический пафос поэтической книги «Сердцевина».

Так ли жил, не тратя даром дня,
Как казалось впопыхах доньне?
В самом деле, что там у меня –
В сердце, в середине, в сердцевине?

«Так ли жил?» – вот тот главный вопрос, ответ на который мучительно ищет лирический герой, и который определил в целом ретроспективный характер сборника.

В книгу «Сердцевина» вошло одно из самых ярких, «по-ерёмински» волнующе-острых стихотворений «Петухи», впервые опубликованное в журнале «Наш современник» в 1974 году. «Петухи» стали откликом Ерёмина на произошедший в марте 1969 года вооруженный советско-китайский конфликт в районе острова Даманский. Приведём начальные строки этого стихотворения.

Встаёт Россия с петухами.
И я в одной из деревень
Проснулся в их весёлом гаме,
Когда едва забрезжил день.

Была деревня пограничной.
Была границею река
Двух стран. И вид, и быт различный
Здесь представляли берега.

Я на одном из них, на левом,
Стоял в разбуженной тиши
И петушиным перепевам
Внимал, как песням, от души.

И видел я сквозь волоконца
Тумана лёгкого, как сон:
Народ и там с восходом солнца
Разбужен был под тот же звон.

«Это поэтическое произведение говорит о том, что поэт был уверен, что народы мудры и именно они определяют суть того или иного государства, хотя бы они живут в дружбе», – написал Анатолий Филатов, друживший с Игорем Ерёминым много лет.

Оценивая сборник стихов и поэм «Окоём», амурский поэт Олег Маслов отметил, что это – «не итоговая, а очередная книга Игоря Ерёмина. В ней собраны стихотворения и поэмы, написанные им всего лишь за два последние года. Всё ли автор увидел из того, что его окружает? Конечно, нет. Но и то, что открылось его взгляду, достаточно, чтобы судить о нём как о художнике, умеющем находить главное в жизни, способном к глубоким художественным обобщениям. Несмотря на всё разнообразие тем и образов, стихотворения сборника «Окоём» составляют впечатление единого целого, потому что их объединяет одна основополагающая тема – тема человеческого труда».

По мысли Николая Фотьева поэтическая книга «Окоём» получила такое название потому, что в ней «есть то, что способно охватить и воспринять поэтическое Око». В предисловии к этому сборнику он написал о том, что главная задача поэта – «воспеть человека и то, что ценно в нём». Притом, что в поэзии И. Ерёмина «всё понятно», она «заставляет думать и волноваться»: «Даже в самых обычных вещах и явлениях он способен открыть нечто такое, что поражает новизной и точностью».

Удивительное единство мнений, высказанных С. Викуловым и Н. Фотьевым в разное время и по поводу сборников «Земные корни» и «Окоём», может говорить только об одном: И. Ерёмин никогда не изменял себе и в своих стихах и поэмах отстаивал не надуманные, а истинные ценности, связанные с судьбой русского народа.

В 1979 году Игорь Ерёмин переехал в Благовещенск один. *«С 01 февраля 1979 года он стал жить на улице Красноармейской в доме 194, в квартире 21»*, – вспоминает Иван Полтавцев. Семья Ерёмина к тому времени уже распалась, поэтому сначала он жил один. Летом у него часто гостила младшая дочь Вера, тогда ещё школьница. Позже, поступив в Благовещенское медицинское училище, она стала жить у отца. О нём у Веры Игоревны остались только светлые воспоминания: *«Я считала его счастливым человеком: он был свободным, потому что занимался любимым делом. В детстве я гордилась своим отцом, его имя было на слуху. Все в школе знали, что он поэт. Я любила читать его произведения, особенно «Солдатку». Раньше он казался мне строгим человеком. Теперь я понимаю: всё, что в детстве привил мне отец, пригодилось в моей дальнейшей жизни»*.

Живя в Благовещенске, Игорь Ерёмин часто встречался с другими амурскими поэтами: Олегом Масловым, Виктором Алюшиным, Игорем Игнатенко, с которыми подолгу говорили о поэзии, рассматривали рукописи молодых литераторов.

В 1982 году был опубликован сборник стихотворений «Большак», в который вошли уже известные читателю поэмы «Солдатка», «Далёкий свет» и новая – «Большак». Это был последний сборник, изданный при жизни Игоря Ерёмина. По мысли кандидата филологических наук Бориса Лебедева, *«поэмы прочно сцементированы общностью темы»: «В «Солдатке» воссоздается скорбная участь женщины, обездоленной войной. «Далёкий свет» воскрешает войну через восприятие ребёнка. В «Большаке» в синтезированном виде предстаёт нелёгкий путь нашего народа сквозь историю. Тема судьбы родины и народы глубоко волнует поэта»*.

«Не трудно заметить, что в стихах Игоря Ерёмина нет ни лихо закрученных метафор, не блещут цветом и светом эпитеты. Всё просто и понятно. И за душу берёт. Такова поэзия Ерёмина», – пишет Иван Полтавцев.

В январе-феврале 1982 года в трёх номерах газеты «Ленинский путь» состоялась публикация поэмы-сказки «Мишка-никудышка». Сказка о приключениях плюшевого медведя посвящена младшей дочери поэта. Вера Игоревна вспоминает, что в детстве у них, действительно, был игрушечный медведь, который *«переходил по наследству от одной сестры к другой»*. Прочитав впервые «Мишку-

никудашку», она спросила отца, почему сказка посвящена ей, а главную героиню, хозяйку плюшевого медведя, зовут Света? Игорь Алексеевич ответил, что имя Вера плохо рифмуется.

В июле 1982 года на страницах газеты «Ленинский путь» было опубликовано стихотворение «Вот живёшь один и маешься...», в котором Игорь Ерёмин размышляет о своём одиночестве, рассматривая варианты его преодоления, предчувствуя что-то неизбежное в своей жизни:

Вот живёшь один и маешься,
Замерзаешь, как в снегу,
Сомневаешься, терзаешься,
Признаёшься: – Не могу!

А была бы рядом женщина.
Пусть болтала б ерунду,
Всё бы как-нибудь уменьшила
Эта женщина беду.

Друг пришёл бы, стукнул по столу,
Отругал бы за нытьё,
Не воспринял бы так остро я
Одиночество своё.

Или сам пошёл бы на люди,
Ожил бы... Чего ж я здесь,
Словно пешеход на наледи,
В неуверенности весь?

Игорь Ерёмин ушёл из жизни в ночь с 24 на 25 апреля 1983 года, скончался от сердечного приступа в самом расцвете творческих сил. Похоронен в Благовещенске. Алексей Воронков писал: *«Он умер в пору, когда природа просыпается после долгой и тоскливой амурской зимы. Был апрель. Теплынь. Но когда мы с товарищами рыли ему могилу, неожиданно началась пурга. Да какая! Будто силы небесные взбунтовались, посчитав смерть Поэта нелепой ошибкой природы».*

Уже после смерти поэта был опубликован сборник «Зрелость» (1984). Книгу успел подготовить к печати сам автор. «На

её 125 страницах в двух частях «Истоки» и «Пройду по родине» опубликовано 87 прекрасных стихотворений, многие из которых были напечатаны впервые», – пишет И. Полтавцев.

Николай Фотьев в выходе сборника «Зрелость» Игоря Ерёмина увидел отрадное явление: *«Может, это один из тех случаев, когда в книге почти всё ладно – и оформление, и заглавия произведений, и название книги. Хороша и обложка, что тоже немаловажно. Но главное, конечно, не то, что сверху, а то, что внутри. И опять же наперёд скажем, что внутри не просто стихи и не просто автор, а – поэзия и поэт истинные».*

По сведениям Ивана Полтавцева, в последний год жизни Игорь Ерёмин работал над романом «Мать», главы из которого читали на радио. Судя по публикациям, осталась незаконченной поэма «Земля».

Со смертью Ерёмина канул в небытие его архив. Спустя годы затерялась могила. Видимо, уже навсегда. Вспоминая, как хоронили известного поэта, Алексей Воронков писал: *«Когда-то, провожая его в последний путь, мы были уверены, что, говоря словами классика, к его могиле не зарастёт народная тропа. Что туда будут ходить и стар и млад, как ходят к могилам великих людей. Но кто сегодня помнит, где похоронен Игорь Ерёмин?..».*

К семидесятилетию со дня рождения Игоря Ерёмина, 14 сентября 2004 года на доме № 14 по улице Северной города Белогорска, где он раньше жил, установили памятную мемориальную доску. Автор – амурский скульптор Валерий Разгоняев. Инициаторами открытия мемориальной доски выступили амурские поэты и журналисты – Игорь Игнатенко, Станислав Повный, Анатолий Филатов, Амурская писательская организация, администрация и предприниматели Белогорска. На открытие пришли друзья и знакомые поэта, сотрудники управления соцзащиты населения и школьники.

Вторую мемориальную доску памяти Игоря Ерёмина установили 4 июня 2015 года в г. Благовещенске на доме № 194 по улице Красноармейской улице, где поэт проживал с 1979 года до последних лет жизни. Инициатором выступила Амурская областная общественная писательская организация. Доска была установлена за счёт средств муниципального гранта «Прогулка по литературной тропе столицы Приамурья».

В Литературно-краеведческом музее БГПУ имени А. В. Лосева оформлена экспозиция Игоря Ерёмина. *«На ней представлены ста-*

ты, рассказывающие о жизни и творчестве поэта, сборники с его автографами и несколько фотографий их архивов И. Полтавцева и Н. Фотьева. Ни рукописей, ни личных вещей, ни каких-то иных документов долгое время найти не удавалось. Даже личное дело Ерёмина, выпускника историко-филологического факультета БГПИ 1960 года, в архиве университета не обнаружили. Очевидно, оно сгорело во время пожара 1963 года. Неизвестна судьба личного архива поэта, затерялась его могила. С родственниками Ерёмина никто из его друзей и коллег по писательскому цеху связь не поддерживал», – пишет И. С. Назарова.

В 2010 году после смерти Н. И. Фотьева в архиве музея оказалось несколько писем и поздравительных открыток от И.А. Ерёмина, адресованных другу-баснописцу. Судя по этим немногочисленным посланиям, Игорь Алексеевич обладал здоровым чувством юмора, умел посмеяться не только над другими, но и над собой.

В августе 2015 года музей посетила младшая дочь поэта Вера Игоревна Ерёмина, живущая в Санкт-Петербурге. На память о своём визите она оставила трогательную записку, в которой благодарила создателей музея за бережное отношение к памяти её отца. В ней же она упомянула и о своём сыне, названном в честь деда Игорем и по иронии судьбы имеющего отчество Алексеевич. А через некоторое время он сам отправил в адрес музея сканы очень ценных документов и письмо с просьбой передать ему копии имеющихся в музее материалов (фото, автографов и др.).

Внук известного поэта, 27-летний Игорь Мартюшев, живёт в северной столице и занимается книгоиздательством. В одном из писем он рассказал о том, что подвигло его на поиск материалов о жизни и творчестве И. Ерёмина: *«Ещё с детства у меня была гордость за дедушку, что он не простой человек, а поэт. После появления Интернета я узнал, что о нём пишут и помнят, а в воспоминаниях встречаются неточности и фактические ошибки. Поэтому у меня появилась идея выпустить собрание его сочинений с полной биографией»* (18 марта 2018 г.).

Так завязалось тесное и плодотворное общение с семьёй Ерёминых-Мартюшевых, благодаря которому многое в биографии поэта (личной и творческой) прояснилось, что-то увиделось в новом свете.

В 2017 году в личном архиве сотрудницы Амурского областного краеведческого музея Людмилы Александровны Фоминых была об-

наружена запись нескольких стихотворений Игоря Ерёмина в авторском исполнении на магнитофонной ленте. Оказалось, что в записи интервью участвовал и её отец – в те годы сотрудник Амурского радио. О существовании этой уникальной записи узнали из письма И. Ерёмина Н. Фотьеву от 10 декабря 1973 года: *«Приезжал Демидов II с магнитофоном. <...> расхвалил я себя для всеобщего слушания. Может, и ты услышишь»*. Теперь и мы можем услышать голос Игоря Ерёмина.

В биографии Игоря Ерёмина остаётся много «белых пятен». Ещё предстоит отыскать рукопись или хотя бы отдельные главы незавершённого романа «Мать», замысел которого, судя по переписке с Николаем Фотьевым, возник у поэта в середине 1970-х годов. Неизвестно, сохранились ли в архиве ГТРК «Амур» записи радиопередач, в которых Ерёмин читал свои стихи и отрывки из поэм, что подтверждается документами из Государственного архива Амурской области. И, главное, необходимо найти и привести в порядок могилу поэта. Сегодня благодаря внуку поэта мы располагаем фотографиями, сделанными Верой Игоревной на кладбище в 2002 году. Как оказалось, на могиле Игоря Ерёмина установлен надгробный памятник. Её благоустройством, по сведениям Игоря Мартюшева, занималась писательская организация, видимо ещё в годы правления Бориса Мащука. Однако в 2015 году, во время своего последнего визита в Благовещенск, Вера Игоревна не смогла отыскать могилу отца.

В настоящее время активными поисками материалов, связанных с жизнью и творчеством Игоря Ерёмина, занимается Ольга Яковлевна Камоско, председатель областной общественной организации «Культурно-исторический центр» в городе Белогорске. Ей уже удалось наладить общение со старшей дочерью поэта Светланой Игоревной, передавшей в фонды центра редкие фотографии и даже личные вещи своего знаменитого отца: две картины, висевшие у него в кабинете над письменным столом, командировочный чемодан и сборники стихотворений. Среди них – «Ладони» (1972) и «Через много лет» (1968) – первая книга Ерёмина, единственное (!) упоминание о которой принадлежало И. Полтавцеву. Однако сам сборник долгое время найти не удавалось, даже возникли сомнения в его существовании. И вот такая удача! Сейчас Ольга Яковлевна работает над созданием передвижного музея «Литературный багаж Игоря Ерёмина», который по её задумке должен разместиться в большом

командировочном чемодане поэта. Также по инициативе О. Я. Камоско 17 сентября 2019 года в день рождения Ерёмина, в Белогорске возле дома № 14 по улице Северной, где несколько лет жил поэт, горожане почтили память своего талантливоего земляка, читая и слушая его стихотворения и отрывки из поэм. На мероприятии присутствовали представители администрации, Совета ветеранов, литобъединения города, старшая дочь поэта – Светлана Игоревна Ерёмина и горожане.

Надеемся, что благодаря совместным усилиям родственников, друзей поэта, исследователей-краеведов, сотрудников музеев, архивов и библиотек в скором времени удастся воссоздать целостную и объективную картину жизни талантливого русского поэта и сохранить достойную память о нём.

Главная заслуга Игоря Ерёмина, в том, что он, по существу замыкая собой социалистическую эпоху нашей страны, своими строками от имени всего народа, отразил облик многострадальной Родины, человека с его искренним патриотизмом, простого и мудрого, беспокойного и героического.

«СПЛАВ МЫСЛИ И ЧУВСТВА...»: границ таланта Игоря Ерёмина

«И строчки в душе не стихали...»: поэзия

*Всю жизнь он работал, как вол,
Ночами сидел над стихами,
И строчки в душе не стихали –
Завален бумагами стол.*

Станислав Демидов

Поэтический мир, который Игорь Ерёмин открывает своему читателю, одновременно несёт в себе конкретные, объективные приметы времени, и те самобытные факты и явления, которые поэт пропустил через призму личного миропонимания. Лирика амурского поэта пытается отразить суть эпохи, в которой он жил. Движение истории, новые события в жизни страны и народа не дают поэту оставаться равнодушным ко всему происходящему вокруг него. Личные переживания Игоря Ерёмина, его чувства, открытость души, автобиографический подтекст, создают необычное сопряжение, становятся способом выражения эмоционально-психологического состояния лирического героя, сознание которого во многом близко сознанию самого автора. Всегда за конкретной картиной жизни, изображённой автором, скрыто широкое социальное полотно, своего рода фон, на котором разворачиваются различные жизненные коллизии.

Поэзию Игоря Ерёмина отличает стойкий интерес к проблемам современности и обостренное чувство дыхания времени. Его стихотворения выделяются из череды литературных произведений о Великой Отечественной войне благодаря особенностям лирического героя, картине его переживаний, его взглядов на проблему войны. Лирический герой остро переживает человеческую трагедию, потому что детство Игоря Ерёмина выпало на тяжёлые военные годы. в своём творчестве он вновь и вновь возвращался к опалённому войной

времени. Увиденное в детстве стало для Ерёмкина мерилom жизненных, нравственных ценностей.

Не хватало тишины,
Как еды и отчей ласки.
Мы в тиши и диком лязге
Жили звуками войны.

Как душа земля стонала
По ночам, когда пальба
Нас с постели поднимала
И бросала в погреба.

Из разбитых окон школы
Крики раненых слышны.
Как ожившие иконы,
Были лица их страшны.

И играл, рыдал на хромке
Призывник в последний день.
И, роняя похоронки,
Бабы бились о плетень.

И тянули руки дети.
– Хлеба! – плакали они.
И молчали на планете
Лишь убитые одни.
(«Не хватало тишины...»)

В стихотворениях Ерёмкина, вобравших в себя события и впечатления о войне, звучит искренняя, неутихающая с годами боль невосполнимых утрат, горечь военных поражений.

Был близок май. И люди жили верой,
Что День Победы где-то недалёк.
Но шёл на смену солнечному серый,
Сырой, совсем не праздничный денёк.

И люди снова сердцем суеверным
С предчувствиями сладить не могли.

Ведь и в конце войны, как в сорок первом
Им с почты похоронные несли.

(«День Победы»)

Уже в первых строчках стихотворения «Сирень» Ерёмин рисует пронзительную, безрадостную картину: солдаты, отступая, уходят из деревни. Это значит, что скоро её займут враги. Крупным планом поэт изображает скорбные лица жителей, провожающих солдат, и детей, мало понимающих, что происходит:

Перед лицом России не солгать...
Смотрели люди горше ликов древних
На них, уставших до смерти солдат,
Без боя оставляющих деревню.

А девочка, должно быть подражая
Обычным встречам довоенных лет,
К колонне запылённой подбежала
И в чьи-то руки сунула букет.

Букет сирени. Белые цветы,
Весёлые и нежные, как детство.
И странным было этой красоты
И боли человеческой соседство.

Букет сирени, традиционно являющийся символом весны, мира, победы, в данной ситуации воспринимается солдатом как укор его, и без того, измученной совести:

Солдату слёзы застилали свет,
Ладони жёг пучок сирени бледной,
Эх, как бы кстати был он в день победный,
И как некстати был теперь букет!

Нет, девочка была не виновата,
Что принесла не вовремя сирень,
Что верила по-прежнему в солдата,
А он деревню оставлял в тот день.

Стоял солдат с подарком и, страдая,
Соцветья трогал белые на нём
И утешал, как мог: – Дай срок, родная, –
Мы с силой соберёмся. Мы придём.

Едва ли он похож был на пророка:
В крови лицо и сапоги в грязи.
Но слушали солдата без упрёка
И девочка, и все, кто был вблизи.

И вроде бы надежды проблеск слабый
Скользил по лицам, как сквозная тень.
И молоком бойцов поили бабы,
И хлеб совали в руки, и сирень.

И до конца, пока у поворота
Последний взвод не потонул в пыли,
Всё вслед они смотрели, всё кого-то
Высматривали пристально в пыли.

Фразеологизм «ладони жечь» позволил поэту очень точно передать чувства горечи и вины, переживаемые солдатом, который вместе с другими бойцами без боя оставляет деревню.

Стихотворение «Махорка» – это воспоминания поэта о военном детстве. Самая сильная эмоциональная нота стихотворения – жалость и сострадание к детям, осиротевшим при живых родителях. В жизни миллионов советских людей война расставила свои акценты: не только на фронте, но и в тылу все силы были направлены на борьбу с захватчиками:

По большаку, в тяжёлых клубах пыли,
Шли торопливо к западу войска.
Мы у бойцов, что в речке воду пили,
Тихонько попросили табака.

Они глядели на худые лица,
На одежку, что была бедна.
– От рук отбились.
– Как тут не отбиться? –
Солдат солдату говорил. – Война!

И пусть сейчас она совсем негромко
До слуха доносилась – всё равно:
За похоронкой шла к нам похоронка,
А писем с фронта не было давно.

– Беда, и только! – И кисет с махоркой
Достал солдат. – Берите ребяшня.
Курите! – крикнул он с надсадой горькой. –
Войну закончим – будет вам ремня!

Так он напомнил нам: мы были дети,
И боль отца в его слова была.
И думал я, как дальше жить на свете,
И горько мне сигарка губы жгла.

Образ отцовских рук, которых нет рядом, становится символом сиротства.

С этим стихотворением тесно связано другое – «Отцы». Действие в нём разворачивается уже в послевоенное время, но образ отцовской ладони, которая, «как крыша от невзгод», «на детскую ложится головёнку», усиливает трагический колорит «Махорки», позволяет в полной мере ощутить, как много потеряли те, чьё детство пришлось на тяжёлые военные годы.

Уже и ростом вроде бы с отца,
Но, как и прежде, нет важней работы,
А только бы высматривать с крыльца
Опять его, идущего с работы.

И щурятся от солнца сыновья.
Они себе отцов не выбирают:
Как среди родин есть одна – своя,
И он один, и лучше не бывает.

Мы – сыновья. Мы знаем по себе:
Природа редко делает ошибки,
Крепка изба, когда отец в избе,
Когда весь свет в окне – в его улыбке.

Крепка страна, когда среди войны
Идут на смерть они походкой гулкой.
На их плечах история страны
Полощется чапаевскою буркой.

Кто ж не мечтает вровень быть с отцом?
Мы, подрастая, открываем внове,
Что мы, на них похожие лицом,
Во всём от них – по духу и по крови.

И вдруг стоим, неловко шапки сняв,
И плачем, растерянные дети.
А дети нас хватают за рукав
И знать хотят, куда ушли их деды.

Ерёмин показывает голод и холод, разруху, принесённые войной в деревню. Но вместе с тем и молчаливое мужество, и сплочённость всем миром – перед лицом беды, и то, как умела колхозная деревня ценить выпадавшие в ту пору крохи тепла, радости. В стихотворении «Кино в селе» Ерёмин пишет об одном, можно сказать чуть ли ни единственном развлечении сельских жителей – просмотре фильмов.

Быть может, это вправду странно,
Но вспоминается светло
Средь буйных зарослей бурьяна
Послевоенное село.

Здесь жизнь текла по той орбите,
Где сон да труд, где много дней
Ни удивительных событий,
Ни увлекательных затей.

А впрочем, праздники бывали
И развлечения. Вот одно:
К ларьку афишу прибывали
И извещали о кино.

А в школьном коридоре парты
Весёлый поднимали гром.

Географические карты
Оконный застили проём.

В следующих строках стихотворения поэт воссоздаёт праздничную картину, изображающую жителей послевоенного села перед просмотром фильма:

И – полушалок к полушалку –
Садится дружно женский пол.
Мальчишки, мы лежим вповалку:
Партером нам протёртый пол.

Вот парни двери открывают
И сапожищами стучат.
Идут и, походя, пугают
В углу приткнувшихся девчат.

Такие детали, как «полушалок» (предмет одежды, который женщины надевали в особых случаях), «партер», напоминающий о театральной торжественности, стук сапожищ, заигрывание с девочками, передают приподнятое настроение зрителей. Но едва ли не самым выразительным в стихотворении является эпизод, в котором крайняя степень взволнованности, эмоционального напряжения героев изображена с помощью жеста:

Часы прикладывают к уху
Роскошным вывертом руки,
Киномеханика Петруху
К ответу требуют: – Крути!

И, глядя, верят без обмана
Всем чудесам киноигры.
И дым струится вдоль экрана
От ядовитой их махры.

Но два часа, как две минуты,
Мелькнут – закончилось кино.
– Жаль, – скажут дома, – почему-то
Совсем короткое оно.

Но вправду так ли это странно?
Ведь, словно солнышко в окне,
Им души грел тот свет экрана
В благоговейной тишине.

В первую послевоенную осень происходят события и в стихотворении «Возвращение». Солдат, которого считали без вести пропавшим, вернулся в родную деревню без руки. Лирический герой, чудом вернувшийся с фронта, не чувствует себя счастливым.

Он был не павший – без вести пропавший.
Его не ждали в сенокосный день.
А он пришёл, лекарствами пропахший
Пустой рукав заправлен за ремень.

Все на виду блестят его медали,
И говорили стар и млад: – Герой! –
А он вздыхал: в лугах стога метали.
А как метать ему – с одной рукой?

А как косить, раз потерял сноровку?
«Как дальше жить? – он думал. – Вот вопрос».
И хоть к плечу прилаживай винтовку,
Но только бы ему на сенокос.

Герой стихотворения, оставшись без руки и не имея возможности работать, остро ощущает свою ущербность, не только физическую, но и духовную. Преодолевая сильную физическую боль, вчерашний солдат всё же берётся за косу, и только это возвращает его к жизни:

Нужда любую преподаст науку.
Он косу вертит, бога костерит,
Приноровясь, берёт ножовку в руку,
С трудом, но что-то всё же мастерит.

И вот – укоротив наполовину –
Солдат приладил к поясу косьё.
И на лугу, сгибая круто спину,
Опробовал изделие своё.

И парой рук косить совсем непросто.
А тут одной! Где взять солдату сил?
Косьё в живот торцом кололо остро,
А щёки пот обильно оросил.

Так тяжело коса ходила, словно
Кустарник рос – не клевер – из земли.
Но он косил! Он был помощник снова,
А не помеха для своей семьи.

Пусть строчка шла неровно, словно волны.
Но так же, как и в довоенный год,
Он свой прокос оглядывал, довольный,
И улыбался, смахивая пот.

Смотри, жена!.. А та за ним несмело
Шла, нежности и жалости полна.
И не хотела плакать, не хотела
Но шла за ним и плакала жена.

Образы героев, получивших увечья на войне, не редкость в художественной литературе, в том числе и в литературе Приамурья. Можно вспомнить рассказ Николая Фотьева «Распутица», стихотворения «Учитель физкультуры» и «Учитель пения» Виктора Яганова, «Самовар» Игоря Игнатенко и др. События в них происходят тогда, когда жизнь героев уже вошла в привычную колею. Ерёмин выбирает самый напряжённый момент – возвращение солдата с фронта в горячую пору уборки урожая, позволяющий ему показать трагедию человека, тяжело переживающего свою непричастность мирной жизни.

С гордостью и тихой грустью пишет Игорь Ерёмин о русских женщинах, которые на своих плечах вынесли горести войны, испытания и лишения. Особенно ярко эта тема раскрыта в стихотворении «Россиянки»:

Про них придумали «Мадонны»!
Но что же общего в судьбе?
Ведь не мадонны, а Матрены
Соху таскали на себе.

Конечно, сходство у крестьянок,
Есть с теми, что глядят с холста.
И всё ж у наших россиянок
Своя с рожденья красота.

Взаймы бессмертья не просили,
За славой зрящей не гнались.
Как было искони в России,
По-русски бабами звались.

И пусть придумано красиво:
«Мадонны!» – думаю своё:
Есть Родина у них – Россия
У них и имя от неё.

Лирический герой стихотворения «Возвращение с войны» ждал, что отец придёт с войны героем, весь в орденах и медалях. А пришёл усталый, навоевавшийся за четыре года «полужнакомый человек».

Я ждал: отец придёт героем,
Сияньем радуя наград
И тем торжественным настроем,
С каким хоть тут же на парад.

Так детство тешится придумкой,
А явь – как на голову снег.
Вошёл в калитку с тощей сумкой
Полужнакомый человек.

Его таким ни в коем разе
Не ждал я после проводин.
Была рука на перевязи
И орденок всего один.

И блеск в глазах его печальных
Лишь оттенял следы мытарств.
И густ был запах госпитальных
В одежду вьёвшихся лекарств.

И что в тот миг: любовь, иль жалость,
Иль оба эти чувства враз
Я ощутил?.. Но так-то сжалась
Душа, что слёзы вдруг из глаз.

– Ну-ну, сынок! – И, сам готовый
Вот-вот слезу пролить, отец
Привлѣк к себе рукой здоровой:
– Не плачь, – сказал. – Войне конец!

И сумку подал, отвлекая
От грустных чувств... Мол, вот, смотри,
Не бог весть сумочка какая,
Но есть в ней кое-что внутри.

Я за подарком брал подарок,
И каждый: фляжка ль на ремне,
Иль электрический фонарик –
Живой восторг рождал во мне.

И так он, зная, в глаза бросался
Что, поглядев со стороны,
Отец и сам заулыбался,
Помолодев, как до войны.

Как будто б кто раздвинул шторы
И на негр луч солнца лёг.
И засиял на гимнастѣрке
Победным блеском орден.

Потом и впрямь, как на параде,
Мы шли с ним улицей села.
И столько в каждом встречном взгляде
Я видел света и тепла!

К отцу соседи подходили.
Ну вот, мол, жив, а ведь иных
Как в сорок первом проводили,
Так хоть бы весточки от них.

И обнимали за беседой,
Как будто брата своего,
И поздравляли – кто с победой,
Кто с возвращением его.

Многие литераторы воевали с оружием в руках на фронтах Великой Отечественной. Личный опыт фронтовой жизни придавал их произведениям убедительность документа. Не все из поэтов успели в полную силу выразить свои чувства и мысли – они погибли, защищая свою родину. Поэтам, павшим на войне Игорь Ерёмин посвятил проникновенное стихотворение «Пулями пробитые стихи».

Стихи поэтов, павших на войне, –
Как будто бы мальчишеские пробы,
Но отчего ж они живут во мне,
Как образец поэзии особой?

Любовь к России и весенний гром –
Всё в них звучало с пафосом неложным.
И та война, что грянула потом,
Входила в них предчувствием тревожным.

И в час, когда из мирной жизни в бой
Поэтов трубы Родины позвали,
Как верное оружие, с собой
Они свои стихотворенья взяли.

Они упали – кто лицом во мхи,
Кто на берлинский камень, среди гари.
А пулями пробитые стихи,
Как флаги алым цветом набухали.

О войне сегодняшнее поколение знает только по книгам, кинофильмам и рассказам фронтовиков. Стихотворения Игоря Ерёмина о своём военном детстве и событиях тех лет дарят каждому новому поколению возможность представить, понять, как трудно было в те годы, как важно беречь мир.

В лирических произведениях Игоря Ерёмина проходит история современного ему поколения: духовный опыт, нравственные ценно-

сти, связь судьбы человека с судьбой народа и его родиной, что является основой мировоззренческой позиции поэта. Он – сын благословенной Родины-матери, поэтому её боли и радости – это его боли и радости.

Лирическое чувство поэта с каждым десятилетием наполнялось новым содержанием, обогащая его художественные обобщения социальной и национальной действительности. И заслуга его, в целом его новаторство в том, что И. Ерёмин умел своеобразно, талантливо и темпераментно обратить внимание своего поколения на главную проблему века, обозначить историческую перспективу, исходя из гуманистической логики общественного развития. Так, он пламенно воспевает творческий труд человека-созидателя, труд, который украшает мир, очеловечивает всё сущее на земле. В художественно-философской концепции поэта понятие «труд» приобретает статус и функции нравственно-этической категории.

Стихотворение «Старый слесарь» (1956) стало первым в многочисленном ряду стихотворений-биографий, написанных в разное время и воспевающих нелёгкий труд людей разных профессий: «Моторщик», «Пастух», «Первый учитель», «Плотник» и др.

Величие, красота человека-труженика, мастера своего дела воспеваются Игорем Ерёминым в стихотворении «Печник». Посредством одного-единственного жеста – потирание ладоней – поэт создаёт колоритный образ печника, труженика, влюблённого в свою профессию:

Конечно, то ещё не труд,
А только трудное начало,
Когда устало спину гнут,
А чуб от пота, как мочало.

Другое дело, чтобы ловко.
Чтобы легко работа шла,
Чтобы в руках своя сноровка,
Своя особенность была.

Я видел, как печник над печкой,
С утра до ночи колдовал.
Он мастерски стучал беспечно
И кирпичи шутя кидал.

Месил он глину, напевая.
А между тем, среди избы
Печь вырастала, как живая,
От поддувала до трубы.

Её он сам же и затопит
И молча встанет в стороне.
Пускай хозяйских глаз и опыт
Оценят труд его вполне.

Хозяйка то заслонку тронет,
То дымоход. Бушует печь!
И жар такой духовка гонит,
Что в ней и хлебы впору печь.

И печнику – не в угожденье,
А из почтенья к ремеслу –
Спешат поставить угощенье,
Зовут к широкому столу.

Он огурца возьмёт колечко,
Но, встав, уже благодарит.
Чай, многим требуется печка.
«Пора к соседям», – говорит.

Когда же весело и густо
Пойдёт по комнатам тепло,
Воспримут люди как искусство
Его простое ремесло.

В стихотворении «Пастух» Ерёмин прославляет нелёгкий, но почётный труд деревенского пастуха:

Всегда в деревне уважаем
За труд великий – скот пасти,
Он в годы с бедным урожаем
В особой всё же был чести.

Шли кормилицы коровы
Через вечерние луга,

Как величавые короны,
Держа недвижимо рога.

Они ступали, как богини.
А молока насущный дух
Сбивал все запахи полыни.
И важно шёл тогда пастух.

Он знал, как ждали стадо к дому,
Как, выбегая налегке,
Хозяйки к вымени тугому
Склонялись, будто бы к реке.

В голодный год, средь недорода,
У молока по край ведра
Судили так: скупа природа,
Но в чём-то всё же и щедра.

И, больно битые судьбою,
Всё чаще речь вели о том,
Как им везло теперь с пастьбою.
Сказать точнее – с пастухом.

И шёл недаром этой славы
К его загару ореол.
Он подбирал к потраве травы
И подготавливал отдел.

Он сам, бывало – с плеч одежду.
Чтобы, как малое дитя.
Телка – крестьянскую надежду –
Спасти от знобкого дождя.

И гордо нёс свои заплаты,
Свою холщовую суму.
Попу не кланялись когда-то
С таким почтеньем, как ему.

И, сам живущий небогато,
Пастух, он чувствовал себя

Кормильцем не в пределах хаты –
В масштабе целого села.

Герой стихотворения «Моторщик» работает на совесть, потому что ответственно относится к порученному ему делу.

Я увидел его в распадке,
Там, где гидравлика была
Взамен старательной лопатки,
Как батарея в три ствола.

А был он, как и все, кто в робах
Тут верховодил у водил.
И не имел примет особых,
Хоть и по золоту ходил.

По здешней моде бородатый.
Стоял он в позе боевой
У «пушки» незамысловатой,
Вовсю стреляющей водой.

Работал монитор без фальши,
Как ветер, веющий зерно,
Чтоб шло всё лёгонькое – дальше,
А всё, что золото – на дно.

Всё, что ни делал он – на совесть!
На совесть жил. И оттого
Была спокойная весомость
Во всех движениях его.

Игорь Ерёмин в стихотворении «Плотник» акцентирует внимание на умении русского человека в любом деле всегда оставаться творцом, созидателем, думающем о влиянии деятельности людей на окружающую природу.

Уж какой ни будь ты добрый плотник,
Будь и инструмент твой хоть какой,
Но считай, что зряшный ты работник,
Если нет дощечки под рукой.

А такое нет-нет, да и случалось
В нашей нелесистой стороне.
Дефицитным дерево считалось
Чуть ли не с железом наравне.

Пень любой с почтением плотник тяпал,
Жердь и ту почти боготворил:
Если, дескать, не годится на пол,
Пригодится на кол, говорил.

А подумать: много ли интереса
Без материала в ремесле?
— Ехал бы в края, где много леса, —
Говорили плотнику в селе.

Усмехался... Дескать, слава богу,
Здесь неплохо. Ну а там, где лес,
Ох, боюсь, что к делу понемногу
Вовсе потеряю интерес.

— Как так? — удивлялись. И, топор свой
Отложив, вздыхал старик в ответ:
— Человек ведёт противоборство
Сколько лет с природой?.. Много лет.

И у нас леса окрест шумели,
Украшением будучи земли.
Только, жаль, беречь их не умели,
Не хотели... И на нет свели.

Поступали люди не по чести,
Рассуждали: «Хватит, мол, на всех!»...
Вот и страшно: вдруг на новом месте
И меня захватит тот же грех.

Не дай бог!.. Уж пусть и нет прогресса
В плотничестве — не об этом речь.
Что за важность, если много леса, —
Я — где мало! — лес хочу беречь.

Рассуждал... А сверху клёны висли,
Что растил он рядышком с жильём.
Плотник! А смотри: тревожат мысли
Не о мёртвом дереве – живом!

Еремин находит точные, яркие краски художественного обобщения, любит уметь и сметкой русского человека, который возвышает простое ремесло до высот подлинного искусства. Таков, например, стекольник в стихотворении «Ремесло»:

Мне открывал его без ложных
И слов, и фокусов, кто мог:
Лудильщик, каменщик, сапожник,
Точильщик, чистильщик сапог.

Или стекольник. Он в глазницу
Окна разбитого вникал.
Алмаз, завёрнутый в тряпицу.
Как драгоценность, вынимал.

Вёл ровно линию надреда,
Замаску смахивал в пазах,
И треугольнички железа
Держал, как семечки, в зубах.

Он уходил, закончив дело.
Но мысль о добром ремесле
Уже владела без предела
Не только въявь, но и во сне.

«Вот это, – думал я, – уменье!»
И сам на следующий день,
Переживая нетерпенье,
Искал стекло и брал кремень.

Я мог бы справиться, казалось,
И был ретив. Но, как назло,
Не так само перерезалось,
Как руки резало стекло.

И кровь стирал я, чуть не плача.
В мои немногие года
Воспринималась неудача
Как настоящая беда.

И всё же трудность овладенья
Отбить охоты не могла.
И шёл мой путь – от удивленья
До почитанья ремесла.

Настоящим гимном человеку-труженику звучит стихотворение «Ладони». Отдыхают рабочие ладони, «потемневшие от земли, пожелтевшие от сигарок», сплошь в мозолях и порезах, на которых, как на весах, «тяжесть добрая дел полезных»:

Он устал и в тени у верб
Сел, откинувшись, как на троне.
Обращённые к небу вверх,
Отдыхают его ладони.

Чуть расслабились и легли,
Наработавшись спозаранок,
Потемневшие от земли,
Пожелтевшие от сигарок.

Задубевшие... Не в перстнях –
Сплошь в мозолях они, в порезах.
На ладонях, как на весах,
Тяжесть добрая дел полезных.

Оттого и покойны так,
Что покойны леса и пашни.
Но сжималась ладонь в кулак,
И врагу становилось страшно.

Всё тепло на земле – от них!
Вот и сын, что с кваском в бидоне
Шёл к отцу, – вот и он притих,
И глядит на его ладони.

И лежат они, тяжелы,
Отдыхая, его ладони.
В мире света и тишины,
Как в сработанном ими доме.

В час обеденный, в перерыв
Трактора загорают в поле.
Плуги, в землю носы зарыв,
Встали около на приколе.

Облака, будто гор гряда.
Неподвижны на небосклоне.
Отдыхает весь мир, когда
Отдыхают его ладони.

Стихотворение, согретое добрым и почтительным уважением к человеку труда, волнует своей задушевной интонацией, заинтересовывает глубокой мыслью, содержащейся в нём.

В стихотворении «Первый учитель» чуткому, отзывчивому, равнодушному человеку, нарисованному посредством образа «доброй руки», противопоставлены «безрукие» – чёрствые, бездушные, неспособные к состраданию люди.

Вся в линиях косых тетрадь.
Дрожит перо в неровной пляске.
Я маленький, я в первом классе,
Но должен слово написать.

Вот буквы – пусть не вензеля,
Но всё же заполняют строчку.
Вот остаётся только точку...
Зачем ты вздрогнула, земля?

И, захлебнувшись тишиной,
Топлю я слёзы в страшной кляксе.
Я маленький, я в первом классе,
Мне очень-очень тяжело.

Беда! Начнут теперь ругать:
Во что тетрадка превратилась?

И вдруг спокойно опустилась
На парту добрая рука.

Легла и повела пером
В моей руке легко и плавно.
И выходили буквы славно,
Как только мы могли вдвоём.

Учитель мой!.. Вот вырос я,
Прошёл весь курс: огонь и воду, –
Счёт потеряв тому народу,
Что шёл ко мне в учителя.

Всяк был учить меня не прочь.
А я не голую науку –
Искал я чаще просто руку,
Которая могла б помочь.

Но я «безруких» позабыл,
А настоящий мой учитель
Живёт во мне, как добрый житель.
Ведь он и вправду добрым был.

Еремин, показывая благотворное нравственное влияние труда на человека во всём его многообразии, представил труд как главное благо жизни.

Когда живёшь, переживая,
Когда от множества обид
Душа, как рана ножевая,
В часы бессонницы болит, –

Тогда нет ничего разумней,
Чем взять работу потрудней,
Пот, проливая, как слезу, в ней
И находя опору в ней.

Ей, отдаваясь без остатка,
Поймёшь, что жизнь – хотя горька,
Но в час душевного упадка
Работой всё-таки сладка.

Забудешь каждую обиду.
И всё, что мучило сперва,
Всё, в чём ты клял судьбу-планиду, –
Всё нипочём, всё трын-трава.
(«Когда живёшь, переживая...»)

За этими строками стоит большой жизненный опыт поэта и совет его единственно верный.

Но труд – не только лекарство от душевных невзгод. Прежде всего – это содержание и смысл жизни человека, роднящий его с прошлым и будущим, приобщающий его к вечности земного бытия:

Вселенная!.. Она меня с крыльца
Манила звёзд мерцанием белесым.
«Как так, – я с детства бился над вопросом,
Чтоб у вселенной не было конца?».

– Взрослей, – узнаешь, – говорил отец.
Но и с годами зренье отмечало,
Что всё, обретшее своё начало,
Имеет сой логический конец,

Зима и лето, реки и пруды.
Есть у всего предел. На что дорога!
И та, легко возникнув у порога,
Вдруг исчезает где-то у воды.

Как тайну мироздания понять?!
Представить бы, где можно точку ставить.
А не могу... Как не могу представить,
Что нет конца, а что-то есть опять.

Как будто бы по принципу кольца,
Где без начала и конца круженье,
Но и тогда должно быть продолженье,
Вне той орбиты – снова без конца.

Нет, он не зря мне говорил, отец:
– Взрослей!..

Ведь бесконечно то, что вечно.
А человек не вечен, и, конечно,
Об этом помнит взрослый – не юнец.

А жизнь и вправду слишком уж мала.
Чтобы объять по праву бесконечность.
И если всё же нам доступна вечность,
Тому причиной добрые дела.

Они и после нас, о нас трубя,
Живут, как свет звезды давно потухшей.
И я судьбы пока не знаю лучшей,
Чем светом стать и пережить себя.

Поэт уверен в том, что лучшие дни жизни – это дни напряжённой работы.

Интересны, очень актуальны стихотворения И. Ерёмкина о хлебе. В одно из них – «Ещё о хлебе» – поднимается проблема бережного отношения к главному дару земли, возвращенному трудолюбивыми руками.

Что же вы дурачитесь, ребята.
Белый мякиш по столу кроша?
Или хлеб не мил?.. А я когда-то
Брал его, как пряник, не дыша.

Чёрный, он и рос на чернозёме,
И понять нетрудно было мне:
Чтобы пахло свежим хлебом в доме, –
Надо поработать на земле.

Вот иду, машу кнутом лошадке.
Сам спешу, хотя и мал ходок.
Трогает мои босые пятки
Пашни послезимний холодок.

У отца в помощниках недаром:
Он за плугом, я за бороной.
Как нектаром, дышит сладким паром
Поле наше в пору посевной.

Мне и летом, сколько ни резвиться,
А сюда не потерять тропы.
Рожь отколосится – косовица!
И вяжу я, и вожу снопы.

В дробном перестуке обмолота
Всё смелей и мой взлетает цеп.
Серебром по телу капли пота.
Золотом у ног рассыпан хлеб.

Вот страдная отошла неделя.
Мы печём и хлеб, и калачи.
Плавно, как вагоны из туннеля,
Противни выходят из печи.

Я кусаю тёплый бок горбушки.
Я ведь потому и рос, и креп,
Что хорош и с молоком из кружки,
И с водою вкусен чёрный хлеб.

Я и ныне, попривыкший к сдобам
От него за то не отрекусь,
Что не хлебоедом – хлебобором
Постигал и суть его, и вкус.

В стихотворении «Хлеб» автор вспоминает о том, каким трудным был этот хлеб, с каким трудом он доставался людям, какая до сих пор «не магазинная цена» ему – источнику жизни на земле. Поэтому так понятен и логичен вывод, звучащий в последнем четверостишии этого стихотворения:

Чем красота земли венчалась?
А испокон – полями сплошь,
Где, на ветру шумя, качалась
И наливала колос рожь.

Чего ж мы с пафосом картинным
Порой твердим: в ракетный век
Не только хлебом жив единым
Наш просвещённый человек?!

И забываем поневоле:
Хлеб хлебу рознь. А суть зерна
В том, как выходит пахарь в поле
И там с утра и дотемна.

Не красноречью на потребу,
Но всем трудом своим сполна
Он говорит, какая хлебу
Не магазинная цена.

Мы с ним, ржаным, всегда дружили.
Он силы нам давал в бою,
Когда над Родиной кружили
Враги – подобно воронью.

И космонавты средь раздольных
Просторов неба, в корабле,
Недаром ели свой рассольник
С тем хлебом, что и на земле.

Нет, пусть всегда нас жжёт укором
И каждый хилый колосок,
И где-нибудь за косогором
Забывтой пашни уголок.

Чтобы не только с недородом
Мы, спохватившись, в поле шли
Радеть всем скопом, всем народом
За честь кормилицы земли.

Нет! Чем бы мы другим ни жили,
А хлеб для нас важней всего.
Не зря же так им дорожили
Мы в пору детства своего.

Когда, бывало, сев на лавку,
Мать подзывала: – Съешь, сынок! –
И отдавала, как добавку,
Свой, с горем добытый, кусок.

В 1973 году в литературно-художественном альманахе «Приамурье моё – 1972» была опубликована подборка стихотворений, объединённых общей проблемой, которую можно сформулировать так: «Я и мой народ». Это особенно ярко звучит в стихотворении «Куда идёт двадцатый век»:

Куда идёт двадцатый век?
Ракеты замерли на старте.
А тишина стоит, как в марте,
Когда летит последний снег.

А тишина, как из стекла:
Чуть тронь – и задрожит предсмертно.
И пули бьются о предсердье
Всего, чем жизнь теперь тепла.

И у меня в глазах туман.
Всё было: и бои, и бойни.
Но до сих пор планете больно
От боли Ильичёвых ран.

Так как же так? Земля – цветник,
А отдана свинцовым пчёлам.
И закрывает телом чёрным
Лулумба Африку от них.

Век выбирается из пут.
Кто в силах с ним открыто биться?
И прячутся в тени убийцы
И по живым мишеням бьют.

И люди падают, как в снег,
И – в штатском – гибнут, как солдаты.
И выстрелы гремят, двадцатый
Насквозь простреливая век.

Как на скрещении огня,
Стою, дышу, душа живая,
Чужую боль переживая,
Как будто пули все – в меня.

Нет, пусть я смертный человек
И грудь моя свинцу открыта,
Но вот тебе моя защита –
Моя страна. Мужайся, век!

Думая о великом будущем России, Игорь Ерёмин видит и не-устроенность современной ему жизни. Его сердце болит за «маленького человека», испытывающего бытовые трудности, о чём он пишет в стихотворении «Зимы заснеженные виды...»:

Зимы заснеженные виды
Не восхищают, а гнетут,
Когда смотрю, как инвалиды
По скользкой наледи идут.

Вот летом это незаметней.
Протезы или костыли –
Они свой стук теряют в летней
Всё поглощающей пыли.

А на морозе скрип их резок.
И плачет, и скрежещет снег,
Когда проходит на протезах
Войну прошедший человек.

Его завижу, и тоскою
Враз отзывается во мне
И сорок первый под Москвою,
И всё, что было на войне...

Изображение русско-китайских отношений через призму общественно-политических и экономических отношений, существующих между двумя пограничными государствами, является одной из главных тем в амурской литературе. Не обошёл своим вниманием эту важную для нас – жителей приграничья тему и Игорь Ерёмин.

Напомним, что во второй половине 1960-х годов обстановка в регионе была очень нестабильной, отношения между двумя сопредельными государствами – Россией и Китаем, обострялись с каждым днём.

В марте 1969 года на дальневосточном участке советско-китайской границы в районе острова Даманский произошёл вооружённый конфликт, причины которого заключались в следующем. В соответствии с общепринятой практикой, границы на реках должны устанавливаться по главному фарватеру. Однако, пользуясь слабостью дореволюционного Китая, царское правительство России сумело провести границу на реке Уссури совершенно иначе – по урезу воды вдоль китайского берега. Таким образом, вся река и находившиеся на ней острова оказались российскими.

Эта очевидная, как утверждают историки, несправедливость сохранялась до середины прошлого столетия и не влияла на советско-китайские отношения. И лишь в конце 1950-х годов, когда между хрущёвским руководством КПСС и КПК возникли идеологические разногласия, обстановка на границе стала постепенно обостряться и, в конце концов, переросла в вооружённый конфликт. 2 и 15 марта китайские военные совершили нападение на советских пограничников.

11 сентября 1969 года в Пекинском аэропорту состоялись переговоры Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и премьера Государственного Совета КНР Чжоу Эньлая. Главным результатом дискуссии стала договорённость о прекращении враждебных акций на советско-китайской границе и остановка войск на тех рубежах, которые они занимали на момент переговоров.

Так остров Даманский стал китайским де-факто. Дело в том, что после завершения боёв началось таяние льда, а потому выход советских пограничников на Даманский оказался затруднён. Было принято решение осуществлять огневое прикрытие острова. 10 сентября 1969 года, с целью создания благоприятного фона для начала переговоров, было принято решение прекратить огонь. Воспользовавшись ситуацией, китайские военные сразу же заняли остров и находились на нём в день заключения пекинского соглашения.

20 октября 1969 года в Пекине прошли переговоры глав правительств СССР и КНР, в результате которых удалось договориться о необходимости проведения демаркационных мероприятий участков Советско-Китайской границы. В ходе демаркации границы между СССР и Китаем в 1991 году остров Даманский отошёл в КНР.

Вплоть до Даманского конфликта сознание советского человека определяла мысль о недопустимости разногласий между социалистическими странами, а возможность войны с пограничным Китаем

исключалась в обыденном сознании русских полностью. Этому способствовала история взаимоотношений между двумя державами: Россия не только никогда не конфликтовала с Китаем, но и вместе с китайской армией выступила решающей силой в победе над японскими милитаристами.

Неудивительно, что стрельба на китайской границе для простых советских людей стала большой неожиданностью.

Стихотворение «Петухи» стали откликом Игоря Ерёмина на произошедший в марте 1969 года вооруженный советско-китайский конфликт в районе острова Даманский. Лирический герой стихотворения, вспоминая о том, как Россия оказывала поддержку соседнему государству во время наводнения на Амуре в 1958 году, размышляет:

Ведь было многое другое:
И освящённое в бою
Вот это чувство дорогое,
Что мы в одном идём строю.

И это свойственное чуткой
Душе, стремление помочь...
Я сам тому свидетель: жуткой
Была, как при потопах, ночь.

Река и нам самим грозила,
Но не забыла и тогда
О правом берегу Россия:
Там в двери шла уже вода.

– Скорей! – одной полны заботы.
И с крыш, как с тонущих ладей,
Снимали наши вертолёты
Попавших в бедствие людей.

Мы руку помощи тянули,
И мысли не держа о том,
Что нам потом ответом – пули
И похоронки будут в дом!..

Главной темой этого стихотворения стала сложность, неопределённость отношений между государствами, ещё недавно считавшими себя дружескими державами. Возникшее напряжение очень точно передано поэтом при помощи противопоставления двух образных планов: «народ России – народ Китая» и «власти России – власти Китая». Эти планы постоянно соприкасаются, но не сходятся в одной точке, не накладываются друг на друга, а скорее, сталкиваются, создавая конфликтную ситуацию. Но – обо всём по порядку.

Герой стихотворения – житель пограничной деревушки, наблюдающий за жизнью на другом берегу Амура и мечтающий о возвращении былых дружеских отношений с китайским народом.

Встаёт Россия с петухами.
И я в одной из деревень
Проснулся в их весёлом гаме,
Когда едва забрезжил день.

Была деревня пограничной.
Была границею река
Двух стран. И вид, и быт различный
Здесь представляли берега.

Я на одном из них, на левом,
Стоял в разбуженной тиши
И петушиным перепевам
Внимал, как песням, от души.

В «Петухах» ясно звучит мысль о том, что вражда между китайским и русским народом противоестественна, она опровергается самой природой, в согласии с которой живёт человек независимо от национальности. Подчёркивая это, пробуждение жителей двух пограничных деревень поэт рисует параллельно, эпизоды даны как будто в зеркальном отображении:

И видел я сквозь волоконца
Тумана лёгкого, как сон:
Народ и там с восходом солнца
Разбужен был под тот же звон.

И та же самая отрада
Начало светлое брала
С того, как шло неспешно стадо
По главной улице села.

Всё оживало. Здесь машину
Водитель мыл. А там тропой,
Через прибрежную низину,
Коней вели на водопой.

И сквозь тумана волоконца
В любом китайце наугад
Уже я рад был бы знакомя
Признать, как много лет назад.

Уже я рад был бы, как брата,
Его приветствовать стократ,
Чтобы услышать, как когда-то,
В ответ по-русски: «Здравствуй, брат!».

Совершенно иной является позиция китайца, лирический герой стихотворения увидел такую картину:

Но нет, не поднял глаз китаец.
Стоял он, голову клоня,
Как будто спрятаться пытаюсь
За конским крупом от меня.

Лирический герой, точка зрения которого глубоко созвучна авторской, не принимает такого положения вещей. Игорь Ерёмин создаёт особую картину мира, в которой люди разных национальностей живут «общей жизнью». И важно даже не то, что действие происходит ранним утром, хотя в этом прочитывается определённый смысл, а то, что народы двух приграничных государств, несмотря на разницу во времени, живут синхронно, в одном ритме, в одной «временной» системе координат: просыпаются вместе с природой, с восходом солнца, с криком петухов. Известно, что разница во времени между Приамурьем и Поднебесной составляет один час. Это наблюдение станет более интересным. Если вспомнить, что в рус-

ской литературе встречаются случаи совершенно противоположные, когда герои, находясь в одном пространстве, пребывают в разных «временных» системах координат. К примеру, у Льва Толстого в «Казаках» благодаря такой пространственно-временной организации вырисовывается конфликт, обозначается огромная пропасть, существующая между рабочим людом и господами: «Рабочий народ уж поднимается после долгой зимней ночи и идёт на работы. А у господ ещё вечер».

Картина гармоничной, не знающей межгосударственных границ жизни постепенно дополняется новыми штрихами, усиливающими параллели, делающими их более заметными, выпуклыми: в России – «шло неспешно стадо / По главной улице села», в Китае – «одушевив реки картину, / Коней вели на водопой». Даже те различия, которые изначально бросались в глаза лирическому герою: «Была деревня пограничной. / Была границею река / Двух стран. И вид, и быт различный / Здесь представляли берега», со временем стираются, нивелируются в его сознании.

С этой целью поэт либо вообще отказывается от обозначения конкретных пространственных координат («И трубы медленно дымили, / Как будто по небу дымком / О нашей общей жизни в мире / Простым писали языком»), либо, в противовес антитезе «там – здесь», то и дело возникавшей в предыдущих строфах, использует форму «и там – и здесь» («...и там народ, не дрогнув, / Живёт спокойно, как и здесь»). В конце концов, даже вид дыма ассоциируется в сознании лирического героя с иероглифом. Кстати, способность русского человека осмыслить окружающие реалии через призму образов, характерных для культуры сопредельного государства, нашла отражение и в творчестве некоторых других дальневосточных авторов. Например, в стихотворении П. Комарова «Сунгарийские болота» читаем: «И серая цапля. Как иероглиф, / Стояла – должно быть с лягушкой в зобу».

Ещё одним символом органичной, естественной связи между народами является река: в ней как будто отражается, соприкасается и сливается в один общий поток жизнь простых людей – русских и китайцев. Однако более весомой смысловой нагрузкой обладает образ петухов, вынесенный в заглавие. Крик петуха является олицетворением той живой, непосредственной связи, которая существует между людьми вопреки всем государственным границам, всем политическим разногласиям.

Ах, как он бил крылом, горластый,
Как выводил: – Ку-ка-ре-ку!
Как будто бы по-русски «здравствуй»
Передавал через реку.

Так зарождалась связь простая.
Я ждал всего какой-то миг,
И вот с приветом из Китая
Уже летел ответный крик.

Что быть могло ему помехой!
Его – с акустикой в ладу –
Безвизно проносило эхо
У двух дозоров на виду.

Эта картина заставляет лирического героя усомниться в том, что дружба народов, очень разных, но по сути одинаковых, существовавшая долгие годы могла рухнуть в одночасье:

Как будто этим утром майским
Меж нами не реки краса,
А снова островом Даманским
Вражды дымилась полоса.

Ну что ж, пусть дружбы нет в помине
В Пекине на столбцах газет,
Но кто ж поверит, будто ныне
Её и в нашем сердце нет?

Ведь не одни же только речи
И сувенирные значки
Объединяли нас при встрече
У подружившей нас реки.

«Столбцы пекинских газет» отражают официальный взгляд на проблему русско-китайских отношений. Позицию «власти», которая «отравляют наркотом», «насилует душу» китайских граждан. Так в стихотворении возникает иной сюжетный план, усугубляющий конфликт и одновременно обнаруживающий его истинные причины.

Лирический герой И. Ерёмина полон сострадания к простым китайцам, лишённым возможности открыто проявлять свои чувства:

Чего ж я жду?... Едва ли сходу
Мы разговор былой начнём.
Во всём сочувствуя народу,
Я не виню его ни в чем.

Я понимаю, как опасно
Живое чувство обнажить
На той земле, где громогласно
Лишь петухи и могут жить.

И вот смотрю, как взмыв на прясла,
Они от каждой стороны
Теперь за нас ведут согласно
Переговоры, певуны.

Крик петухов становится в стихотворении Ерёмина символом освобождения естественных человеческих чувств от тяжелых оков власти, а потому – символом будущего мира между пограничными державами, в торжество которого, несмотря ни на что, верит герой стихотворения:

И дай им бог!.. Когда за дверью
В свой горн подъем трубит петух,
Теряет силы, по поверью,
Какой ни есть нечистый дух.

Как ни насилуй душу властью,
Ни отравляй нарком слов,
Не может состоять, по счастью,
Жизнь из одних кошмарных снов.

И над Китаем встанет утро!..
Не это ль у любой стрехи
Нам так естественно и мудро
Напоминают петухи...

Кстати, не лишним будет заметить, что подобное отношение к проблеме русско-китайских отношений, искреннее сожаление по поводу возникшей вражды и надежда на то, что бывшая дружба не исчезла бесследно, не окончательно стёрлась из памяти простого народа, звучит и в творчестве известного поэта и прозаика Валерия Черкесова – уроженца Амурской области, ныне живущего в Белгороде:

Невиданное половодье! Беда!
Но помню и сейчас
Тревожный разговор в народе:
«Тот берег ниже, чем у нас.
И каково теперь соседям?
Помочь бы надо!»
Пароход,
Гудя, через Амур плывёт
И баржу с хлебом тянет следом.

Иные были времена...
Но, что бы там не изменялось,
На правом берегу,
Осталась –
Мы верили! – хотя б одна
Мать,
Помнящая,
Что детей
Помог спасти ей хлеб российский,
Что звёзды наших обелисков
Среди маньчжурских есть полей.

Стихотворения, явно перекликаясь эмоционально и даже сюжетно, в идейном отношении всё же различны. Гораздо ближе Игорю Ерёмину позиция другого дальневосточного писателя Николая Фотьева. В его лирическом рассказе «Высокий день» напряжённым русско-китайским отношениям противопоставлена умиротворяющая красота природы: «Амур течёт, и стеклянная гладь его движется, она живая и пульсирует. Плеснула рыба. Пошли круги. Заслепило глаза. С тихим шорохом или протяжным вздохом обнялись две струи – и вспыхнуло, заиграло, зазмеилось витое хрустальное ожерелье, за-

сияли живые, третные и текучие ткани. Всплеснулся словно от сытости ледяной купол, и растёкся, рассыпался на миллион искрящихся бусин. Тихо-тихо. Ясно-ясно. Не укладывается в голове, что там, на том берегу, кто-то настроен враждебно, что по радио льются потоки бессмысленной лжи».

И в «Петухах», и в «Высоком дне» превосходство мира над войной утверждается самой природой, которая, как в своё время утверждал ещё Л. Толстой, «дышит примирительной красотой и силой». Имя великого русского писателя вспомнилось не случайно: взгляды амурских авторов перекликаются с гуманистической мыслью классика, отрицающего всякую вражду с точки зрения вечных моральных истин. Ещё в «набеге» Л. Толстой писал: «Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звёздным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщенья или страсти истребления себе подобных? Всё недоброе в сердце человека должно бы, кажется, исчезнуть в прикосновении с природой – этим непосредственнейшим выражением красоты и добра».

Стихотворение «Петухи», отражающее непростую ситуацию пограничного конфликта двух великих держав, ярко отражает и воплощает гражданскую позицию Игоря Ерёмина, его мировоззренческие и эстетические принципы.

В поэзии И. Ерёмина обнаруживаются реалистические по своей сути стихотворения, романтически одухотворённые. Таково, например, стихотворение «Окоём»:

Лишь солнце в окна заглянет,
Как мне не по себе в избе.
Опять неведомое тянет
Своими тайнами к себе.

И, за руку хватая деда,
Я тороплю его: – Идём!
Как будто нет важнее дела,
Чем в путь, чем видеть окоём...

А он то к лесу льнёт, то к сопке.
Казалось бы. Ещё подъём,
Ещё, казалось бы, по тропке
Шагнуть – и вот, он окоём!

А он подразнит – и где пашней,
Где лугом прочь, как резвый зверь.
Ну, мне ль с походкой черепашьей
Гоняться вслед за ним теперь?

Зря, видно, трудности приемлю,
Раз не ступить за ту черту,
Где смотрит небо прямо в землю,
Свою теряя высоту.

Неужто это вроде чуда?..
Но к месту дед даёт понять,
Что окоём – та грань, докуда
Возможно оком мир объять.

И, сунув мне горбушку с солью,
Продолжит в утешенье мысль:
Мол, тем и тянет нас к раздолью,
Что безграничны ширь и высь.

А жив – считай, что нет предела
Людскому поиску ни в чём.
Всё впереди: и даль, и дело.
И, значит, новый окоём.

В стихотворении «Работа» Игорь Ерёмин рассуждает о процессе творчества, поднимает тему предназначения поэта и поэзии.

Опять зовёт меня работа.
А нет желанья, хоть убей.
Тревожусь: ну как выйдет что-то
Не то, что требуется в ней.

И ведь начну, а тот час брошу,
Как будто пальцы обожгу.
Как будто не по силам ношу
Хотел бы взять, да не могу.

Эх, нет отца!.. Бывало, скажет –
И в поле я чуть не бегом.

А нынче, кто и что подскажет?..
Сам командир себе во всём.

Сам и решай, годится ль опыт,
Который был, как некий клад,
Ценой простых мозолей добыт
Полжизни, может быть, назад.

А грядка, помнится, такая
Была большая каждый год,
Что чудилось: и впрямь, пока я
Её осилю, – жизнь пройдёт.

Но ведь копал, всюю старался,
От взрослых лишь бы не отстать, –
И словно силы набирался
Былинным пахарям под стать.

Неужто в зрелую-то пору
Не слажу с делом?.. Робость прочь!
Пусть днём работа шла не споро,
Есть у меня в запасе ночь.

В который раз начну с начала...
И вот, послушная рукам,
Работа лодкой от причала
Идёт к заветным берегам.

И вдохновенье, как течение,
Всё убыстряет ход её.
А я-то думал: в ней мученье,
А в ней призвание моё.

А я-то начал с неохотой.
А нынче близок к торжеству.
Живу работой, как заботой,
И, значит, правильно живу...

О правильности избранного в жизни пути И. Ерёмин задумывался всё время.

В стихотворениях «Мне двадцать два. И это много...» и «А я неопытен и робок...», составивших цикл «Из таёжного блокнота», пронзительно звучит тревога за своё собственное место в жизни:

Мне двадцать два. И это много
А я газетчик хоть куда.
В тайгу далёкая дорога
Мне как счастливая звезда.

И вот уж верю: не иначе,
Как здесь, в глуши, не на виду,
И есть объект моей удачи,
Где десять домиков в ряду,

Где тишина стоит в природе
И лишь гидравлика твой звук,
Как будто поезд на подходе,
Едва процеживает вслух.

Я тороплюсь к нему, как к счастью,
И представляю наобум,
Как опишу глухую чашу,
Глухой, как в тайне, в чаще шум.

Уж не твоя ли беспредельность,
Тайга, мне помогает здесь
Поверить в собственную дельность,
В себе уверенность обрести?

И сердце вздрагивает сладко.
А что устал – совсем не в сёт.
И вся, как чистая тетрадка,
Жизнь и не начата ещё.

Лирический герой стихотворения «А я неопытен и робок...» стремится занять достойное место в жизни, доказать, что и он чего-то стоит.

А я неопытен и робок.
Нов для меня в тайгу маршрут.

Но форс держу. Пусть парни в робах
Поймут: и я не промах тут.

И те, понятно, понимают
И, затеяв разговор:
– Вот ты, а был – припоминают. –
И до тебя у нас собкор.

Но как-то наспех, как нарочно,
Пером почиркал – и в седло.
Должно быть, надо было срочно,
Да хоть простился бы тепло...

В меня ли камешки кидают?
Но, уважая всякий труд:
– А ты пиши, – они кивают
И на гидравлику ведут.

Да, мол, расписывай не слишком!
И будет их рассказ скупой
О том, как шли за золотишком,
Тянули реку за собой.

Шли сквозь тайгу, меняя русло,
Как сквозь железное кольцо,
И уставали не от груза –
От гнуса, жгущего лицо.

И вот река – как ни ворчала,
Пришлось ей всё же распахнуть
Сквозь первобытное начало
Свою трудящуюся суть.

И парни вынут папиросы.
Им руки высветит огонь,
Как будто впрямь золотоносы
Упали золотом в ладонь.

Я форс теряю, до блокнота
Свой карандаш не донеся,

Гляжу, сужу: соя работа,
Как и у них, в добыче вся.

А мне бы слова золотого!
Но так бывало, что порой
Лишь позолоченное слово
Обманывало мишурой.

Нет. Дело – ох как непросто!
И сколько мне ещё расти.
Чтоб правды словно золотое
И впрямь почувствовать в горсти.

В других стихотворениях Ерёмин размышляет о смысле жизни, о её быстротечности и невозвратности.

Молодая пора ожидания
Снова душу мою берedit.
Будто первое в жизни свиданье –
И вся жизнь, и любовь впереди.

Будто праздник, а я накануне,
Как мальчишка, часы повожу.
Вижу – осень, а сам, как в июне,
Накануне июля брожу.

Дочь к моей голове прикоснётся:
– Папка, – крикнет, – вот волос седой!
– Да, – скажу – побелел он от солнца.
А лицом я совсем молодой.

– А морщинки? – не веря ошибке, –
Погоди, – говорит, – погляди!
– А морщинки – скажу – от улыбки.
У меня же вся жизнь впереди!

(«Молодая пора ожидания...»)

Игорь Ерёмин – автор проникновенных стихотворений о любви. И пусть иногда бывают минуты грусти и печали, любовь способна сделать человека счастливым.

Как любит женщина? Молчком.
Живёт, как в комнате без света:
Письмо оставит без ответа
Или напишет не о том.

И мы выходим из себя.
«Ты любишь – как на крепость силой.
Она молчит, а в мыслях: «Милый –
Шепнёт, сияя и любя.

Как странно женщина молчит...
Она в дорогу собирает,
Уложит всё. Потом: «Пора ведь...» –
Как ветерок прошелестит.

И смотрит в даль твоих путей
Чуть-чуть устало и покорно.
Так удивительно покойна,
Когда она среди детей.

Нет говорливей существа.
По пустякам не жаль ей слова.
Но как любовь её сурова
И не размена на слова!
(«Как любит женщина? Молчком...»)

Лирический герой стихотворения «Пусть ты влюблённой не была...» благодарен своей возлюбленной только за то, что она есть на этом свете, и встретила его на жизненном пути.

Пусть ты влюблённой не была
И о любви не говорила,
В окне с надеждой не ждала.
Не окликала: – Милый!

Пусть в час, когда листва осин
В осеннем пламени дрожала,
Меня по рельсам уносил
Состав, а ты не провожала.

Пусть письма не читала – жгла:
Я был ненужным адресатом.
Но ты со мной всегда была
В те дни, когда я был солдатом.

По бездорожью без конца
Мы шли и громко песни пели.
Я жаркий пот стирал с лица
Шершавым рукавом шинели.

И шёл, и падал меж камней,
И вновь вставал, изнемогая.
И всё-таки я был сильней,
Чем тот, кто жил, тебя не зная.

Я на посту стоял. Беда,
Какая вьюга бушевала!
Она, казалось, коркой льда
Лицо и душу покрывала.

Но и не чуя рук и ног.
Как взрывом, оглушённый шумом,
Я меньше мучился и дрог,
Чем тот, кто о тебе не думал.

Ты и представить не могла.
Как я тебе был благодарен!
Да, не любила, не ждала.
Но ты мне многим помогла.
Такой уж я везучий парень.

В стихотворении «Женское участие» Ерёмин делится своей разгадкой таинственной женской души.

Как сёстры милосердия,
Как санинструктора,
Они полны усердия
С утра и до утра.

Пусть ни войны, ни фронта.
А им бы всё опять
Заботиться о ком-то,
Кому-то сострадать.

Вот мать. Я к ней с дороги.
А та лежит больна.
— Отказывают ноги, —
Печалится она.

Но, глядь, встаёт и к печке,
А я и сам бы мог.
Но где там! На крылечке,
Мол, покури, сынок.

И где берётся сила!
Хлопочет. Уж позволь
Попотчевать ей сына,
И вроде меньше боль.

Вот дочь. Ещё малышка.
Ещё ведь и самой
Ей нужен без излишка
Уход отцовский мой.

Ещё не вышла ростом.
Но, смотришь, и она
Каким-то женским свойством
Уже наделена.

С заботой о порядке —
Пусть практика мала —
Вникает без оглядки
В домашние дела.

И обо мне забота.
И видно по лицу.
Как рада сделать что-то
Приятное отцу.

Вот гостя. Входит праздно.
Ан и она мой дом
Украсит, как на праздник,
Каким-нибудь цветком.

И скрасит разговором
Иль шуткой немудрой
Мой некий день, в котором
Не всё легко порой.

Так было, есть и будет.
Знать, он у них в крови –
Ко всем на свете людям
Прилив сплошной любви.

В стихотворении «Любовь» поэт уверен, что настоящую любовь не разрушат ни сплетни, ни наветы.

Говорили бабы: – Что ты, что ты?
Ты на этой крале не женись.
Ни сварить, ни вымыть, ни заштопать –
Ничему не выучила жизнь.

В ту же пору, как по уговору.
На другой окраине села
Тоже к доскональному разбору
Приступали, бросив все дела.

Дескать. В том и горе, что завеса
На глазах девчонок в двадцать лет.
За кого идёшь-то – за балбеса,
За гуляку – видишь или нет.

А они молчали, улыбаясь,
Словно крепче танковой брони
Их любовь была, и не боялись
Этих жалких выстрелов они.

Оттого и сплетни прекратились.
Оба их конца не дождались:

Убежали, встретились, смутились,
Улыбнулись, крепко обнялись.

И пошли, не оглянувшись даже.
А куда пошли, куда? – Бог весть.
Может, к счастью, может, ещё дальше,
Если что-то дальше счастья есть.

Стихотворение «Перед встречей» просто переполнено ощущением любви, которая скоро настигнет лирического героя.

И впрямь, чего бы это ради
Ты снишься сквозь колёсный гуд
С полуулыбкою во взгляде
И в уголках весёлых губ?

И впрямь, чего бы это ради,
На грани яви и мечты.
Вдруг ощущаю: где-то рядом
Такая праздничная ты!

И этот ветер, что в вагоне
Разнёс цветочную пыльцу,
Вдруг твоих ладоней
Прикосновение к лицу...

Несмотря на большую семью, в личной жизни Ерёмин был несчастлив. Во многих его лирических стихотворениях – неподдельная, искренняя боль человека, так и не встретившего ту единственную, которая стала бы его путеводной звездой.

А я прождал тебя так долго.
Что вечность, кажется, прошла.
А я считал: есть право долга,
Раз обещание дала.

А я гадал: что задержало?
Или какие-то дела,
Каких у женщины немало,
Каких не сделать не могла.

Или приезд гостей неожиданный.
Или, не дай-то бог, болезнь,
Когда, какой ни есть желанный,
А из души пока исчезнь.

Или обещанную встречу
Того же часа и числа,
Как неких новых чувств предтечу.
Ты для другого припасла.

И все забыла без усилия,
Все наши прежние слова,
К нему летишь! И будто крылья.
Трепещут платья рукава.

Ну что ж, прощай, скажу я, птаха,
Не закричу вослед: – Лови!
И ни обиды нет. Ни страха.
Лишь страшно вовсе без любви.
(«А я прождал тебя так долго...»)

Стихотворение «Свет в окне» – трогательное воспоминание поэта о детстве, о тёплых, нежных отношениях между его родителями, пронизанное горечью от того, что сам он так и не сумел создать настоящую, крепкую семью:

Тронет вожжи отец: – Н-но, Чубарый!
А Чубарый и сам по себе,
Чуя запах жилья, будто парой,
Тянет воз торопливо к избе.

Далеко ещё. Но, как указкой,
Тычет кнутом темноту.
– Ждут! – басит он со сдержанной лаской.
Свет в окне разглядев за версту.

Хорошо-то как после дороги,
После пыльной её кутерьмы,
Знать, что встретит нас мать на пороге,
Как бы поздно не прибыли мы.

Что и ужин стоит, не остужен,
Будто сваренный только теперь,
Что отец, перед тем, как за ужин,
Мать покупкой одарит: – Примерь!

Я устал. Скулы ломит зевота,
Мне бы лечь, чем сидеть на скамье.
Но терплю, пропустить неохота
Этот маленький праздник в семье.

Я и нынче о нём вспоминаю,
Потому что, спеша на большак,
Сам, как прежде – отец, уезжаю.
Да вот жаль, возвращаюсь не так.

В чём причина? И рад бы, да разом
Не ответишь. Не сделаешь вид,
Что вот только пропискою связан
С этим домом, где свет не горит.

Где не то, чтоб совсем отлучают,
Но и в двери не слишком зовут,
Где меня потому не встречают,
Что ни в мыслях, ни сердцем не ждут.

Вот и тянешься в детство душою,
Где и с полной луной, и во мгле
Был он радостью самой большою
Свет в окне – свет любви на земле!

Некоторые стихотворения Игоря Ерёмина посвящал своим родителям.

Отец, Алексей Акимович, был настолько предан своей работе школьного учителя, что его родным детям не хватало отцовского внимания. Тем не менее, он сумел привить своим сыновьям любовь к труду.

А кто он был?.. То предрайисполкома,
То просто завуч... Не в этом суть,

А в том, что он показывался дома
И в выходной на час какой-нибудь.

То сев в колхозах, а ему забота.
То жатва, и в поле он чуть свет.
«Что делать? – скажет коротко. – Работа!».
И до ночи всё нет его и нет.

А мне б к нему забраться на колени,
Мне б разогнать сыновнюю тоску.
Но он и в школе лишь на перемене
Кивнёт и только – как ученику.

Проклятая работа! Не кого-то –
Меня лишала сызмальства отца...
И вдруг беда! Не будь её – работа
В его бы жизни длилась без конца.

На, пережив и боль, и страх инфаркта,
Лишённый всех, какие были, дел
Неоспоримо по сути факта
Отец признать, однако, не хотел.

Не представлял он прежде дней печальных,
Тех, что совсем не связаны с трудом.
И вот решил: В квартирах коммунальных
Пожили!.. Хватит! Будем строить дом.

Участок наш: пеньки, кочка, орешник.
Но батя, всё готовый одолеть,
И впрямь условий не боялся здешних
И нас учил их не бояться впредь.

Где топором, где ломом, где лопатой.
Мы – ох, как трудно! Градом пот с лица.
И всё ж работу не считал проклятой:
Ведь возвращала мне она отца.
И рос наш дом, и вырастала крыша.
И в нашем палисаднике весь день

Весенний ветер дул, легко колыша
Посаженные вишню и сирень.

И сам отец, казалось, от недуга
Избавился. Построив это дом,
Он ощутил то равновесье духа,
Которое даётся лишь трудом.

Ах, пусть известна, может быть, издревле
Та истина, но что её новей?!
Он дом возвёл. Он посадил деревья.
Он на ноги поставил сыновей.

По мнению И. Полтавцева: *«Это не просто стихотворение в 44 строки. Это поэма об отце! Да. Иной поэт развернул бы этот сюжетный стих в большую поэму. А Игорь Ерёмин в высшей степени кратко, скупыми, но сильными мазками нарисовал устои семьи, портрет отца и подвёл концовку произведения к известной народной мудрости».*

О матери Игорь Ерёмин писал реже, но посвятил ей самые трепетные и волнующие строки стихотворения «Умирающей матери взгляд...»

Умирающей матери взгляд,
Он последний, другого не будет,
Потому сын вовек не забудет,
Что, прощаясь, глаза говорят.

– Мальчик мой! – оживают в глазах,
Как в словах, то ли вздох, то ли голос.
Смерти, мол, не боюсь ни на волос –
За тебя моя боль и мой страх...

Кто припомнит, кто знает о том,
Как тебя я под сердцем носила
И какая нужна была сила,
Чтобы выжил, стал взрослым потом.
Уж прости, что жила не в раю,
А в краю, где был хлеб понаслышке,

Что тебе не полнее пустышки
Грудь без пользы давала свою.

Что и в сорок военном году
Не спала от голодной напасти.
Может, только во сне были сласти –
Въявь же ели одну лебеду.

Ты прости, что корила тебя,
Что бивала порой полотенцем,
Что бывала недобрая сердцем –
Но ведь всё это только любя...

Я порою каникул твоих
В путь с пустым кошельком провожала.
Но ведь я пятерых нарожала –
Не оставлю ж ни с чем четверых.

И за внучек прости, что не дам
Им совета, как жить, и что вскоре
Уж твои-то и радость и горе
Не смогу разделить пополам.

В чём ещё виновата, прости.
Пусть и малым был след мой на свете,
Но коль знаю, что выросли дети,
Как-то легче из жизни уйти.

Умиравшей матери взгляд...
Может, что-то ещё напоследок
Говорил он под вздохи соседок?
Разглядеть бы, да слёзы слепят.

В некоторых стихотворениях Ерёмин поднимает философскую тематику. Таково, например, стихотворение «Ранний снег».

Он упал на всю деревню
Не во сне, а наяву –
На зелёные деревья.
На зелёную траву.

Ранний снег. Такой неожиданный,
Неожиданный такой, –
Потревожив постоянный,
Первозданный мой покой.

Ты мою макушку гладишь
И, впадая в грустный тон,
Рассуждаешь: – Это надо ж,
Ранний снег!.. Откуда он?

Может с севера набегом?..
Задаёшь себе вопрос.
Называешь ранним снегом
Седину моих волос.

На дворе сентябрь. И стая
В небе тает. Тишина.
Снег. Он ранний. Он растает.
Не растает седина.

В стихотворении «Молодая пора ожидания...» Ерёмин размышляет о смысле жизни, о её быстротечности и невозвратности.

Молодая пора ожидания
Снова душу мою бередит.
Будто первое в жизни свиданье –
И вся жизнь, и любовь впереди.

Будто праздник, а я накануне,
Как мальчишка, часы повожу.
Вижу – осень, а сам, как в июне,
Накануне июля брожу.

Дочь к моей голове прикоснётся:
– Папка, – крикнет, – вот волос седой!
– Да, – скажу – побелел он от солнца.
А лицом я совсем молодой.

– А морщинки? – не веря ошибке, –
Погоди, – говорит, – погляди!

–А морщинки – скажу – от улыбки.
У меня же вся жизнь впереди!

В стихотворении «Опять бессонница ночная...» лирическому герою не спится от мыслей о том, что будет с его дочурками, если он уйдёт до срока.

Опять бессонница ночная
В чертах усталого лица.
Живу – как будто уточняю
Детали скорого конца.

А что – и впрямь уйду до срока,
В разгаре праздничного дня.
Какая выпадет дорога
Моим дочуркам без меня?

Вот у меня сосед – из ряда
Умеющих предусмотреть.
Он знает всё, какие надо
Переживания иметь.

Войдёт – и выдохнет без скидок,
Что там, где радостная жизнь,
И мысль о смерти – пережиток,
И грусть – позорный пессимизм.

Он будет говорить весь вечер,
Пока его не кинет в сон...
Ему легко, а я не вечен,
Мне надо думать обо всём.

Источником поэтического вдохновения Игоря Ерёмина, его жизненной силы становится родная амурская природа. Пейзажные стихотворения являются свидетельством незыблемой связи между миром человека и миром природы. Об этом говорят такие стихотворения, как «Ландыш», «В таёжной тишине», «Дождь», «Осень на Амуре» и другие.

Ну, кто б догадался о том,
Что в сумке, где яйца и творог,
Сестра ухитрится при сборах
Букетик пристроить тайком?

Меня огорошил сюрприз
Печалью зелёных ладошек,
Где ландыша вялый горошек
Лежал головёнками вниз.

Отбросив мешавшую снедь
И в воду цветы помещая,
Над ними стоял, не дыша я,
Как врач, отгоняющий смерть.
(«Ландыш»)

В стихотворениях о Приамурье поэт избегает ярких, сочных эпитетов, его сравнения и метафоры просты и естественны.

Какая ясная погода!
Амур спокоен, в небе синь.
Вся в ожиданиях захода
Стоит осенняя теплынь.

Вот лист и тот, хоть в пору греться,
Летит, горячий, как огонь.
Овальный, он похож на сердце,
А пятипалый – на ладонь.

Он упадёт, чтоб эту землю
Собой украсить и согреть.
Ах, осень! Я тебя приемлю,
Какой ты есть и будешь впредь.

В твой шум, как в свой тревожный возраст,
Вхожу, горю в твоём огне.
И журавлей печальный возглас,
Как детский крик, звучит во мне.

И провожает кротким взглядом
Меня последний отблеск дня.
Ах, осень! Ты не просто рядом,
А словно в сердце у меня.

Мне хорошо стоять и греться
У клёна, словно у костра.
Как человеческое сердце,
Щедра осенняя пора.
(«Осень на Амуре»)

Природа вызывает сильный эмоциональный отклик лирического героя. Особенно ярко это отражено в стихотворении «Мы забрели с дочуркой в парк...».

Мы забрели с дочуркой в парк.
Тянула осень рыжий хобот.
Ещё не чувствовался холод,
Но изо рта струится пар.

Листва, как цинковая жёсть,
Гремела и переливалась.
Малышка, топая, смеялась.
А было так печально здесь!

Ворона путалась в кустах,
Тоску пророча и усталость.
Но дочь за мой рукав хваталась.
И забывала всякий страх.

И мира праздничная суть
Ей представлялась, как и прежде,
В большой расквашенной одежде.
Не изменённая ничуть.

И это мне передалось.
Я ощутил себя моложе,
Чему-то радовался тоже
И целовал дочурку в нос.

Не то чтоб я был убеждён,
Что осень можно спутать с маем.
Всё дело, как воспринимаем.
На что надеемся и ждём.

Красочно и оптимистично, образно и зримо рисует Игорь Ерёмин приход весны в стихотворении «Как будто бы из ружей...»:

Как будто бы из ружей
Палят по воробьям –
Летят сосульки в лужи
И исчезают там.

А на крутых извивах
Льды взламывает Томь.
И это гулких взрывов
Стучится в каждый дом.

И в общий гул весенний
Окрестные леса
Пернатых новоселий
Вплетает голоса.

И тянет на тропинки.
Там – синенькие все –
Позванивают льдинки,
Как в банке – монпансье.

Там тяжелеют почки.
В них зреет сок давно,
Как в маленькие бочки
Налитое вино.

Природа оказывает возрождающее влияние на лирического героя, который возрождается благодаря возвращению птиц в пустующую скворечню. Пейзажные зарисовки помогают Ерёмину, как и Есенину, проявить, выразить душевное состояние человека.

Незатейливый домик – скворечню,
Как с балконом, с крыльцом на весу,

Увидал я на старой черешне
В неуютном апрельском лесу.

Были где-то в пути новосёлы,
Но и птичий пустующий дом
На дороге моей невесёлой
Веял тихим добром и теплом.

Ну, спасибо, любитель пернатых,
Что напомнил, где я вырос когда-то.
О земле, где я вырос когда-то,
О далёкой деревне моей.

А ведь, кажется, экая малость –
Домик крохотный, толку-то в нём!
Но шагал я, забыв про усталость,
Улыбаясь, как ласковым днём.

И рождалась в душе незаметно
Связь, как с чем-то большим и родным,
С этим лесом, продрогшим от ветра,
С бледным небом, летящим над ним.
(«Скворечня»)

Природа у Ерёмина одухотворена, наделена человеческими качествами. В основу пейзажных стихотворений легли раздумья поэта о смысле жизни, о вечных человеческих ценностях.

Снимите шапки, как в священном храме.
Вы входите в зелёный храм тайги,
Где вечность разговаривает с вами
Простым кивком и кедра, и ольхи.

Здесь шелест тише, чем в библиотеке.
Здесь тишина, как в фондах фонотек.
Неужто ни души?.. В котором веке
Вы очутились, странный человек?!
Нет, тишину, не называйте мёртвой.
Ведь мёртвой не бывает тишины.

Как дирижёр с рукою распростёртой,
Ель окрылённо смотрит с вышины.

Молчит лишь то, что суетно по-птичьи.
Душа, и ты не суетись, замри!
В твоём, тайга, возвышенном величье
Запечатлён органнй вздох земли.

Есть в этом что-то от того молчанья,
Когда тома на полочке простой
Таят в себе органное звучанье
Таких имён, как Пушкин и Толстой.

И музыкой вас переполняет.
И кедрь к небу тянутся, трубя.
Природа – нет, она не подавляет,
Но чаще возвышает до себя.

И вы стоите, как в священном храме,
Вникал в молчаливый гимн тайги.
И кажутся едва ли не на грани
Кошунства даже тихие шаги.

(«В таёжной тишине»)

У амурского поэта есенинский взгляд на природу: она у него предстаёт такой же живой, неразрывно связанной с человеком.

В час затишья, в час бешеных гроз,
Тёплым маем и августом росным,
У реки ли, в тени ли берёз,
На заимке ли днём сенокосным,
На равнине, от снега седой,
Среди гор, заглядевшихся в Зею, –
Я люблю этот край молодой,
Потому, знать, и сам не старею.

Выйду ль в поле рассветы встречать,
Поднимусь ли к штурвалу комбайна,

Буду ль золото мыть иль шагать
По таёжным просторам бескрайним,
Поплыву ли весенней водой
Вниз по Зее к амурской излуке –
Я люблю этот край молодой
И свои отдаю ему руки.

И когда бы не эти луга
И поля, и не труд, и мозоли,
Жизнь была бы не так дорога
Для меня и желанна до боли.

Только б жить для него, только б вновь
С ним делить испытанья и славу
И любить этот край, на любовь
Получив ещё большее право.
(«В час затишья, в час бешеных гроз...»)

Ерёмин написал четыре лиро-эпических поэмы: «Солдатка» (1975), «Далёкий свет» (1977), «Никаноровна» (1978), «Большак» (1981). Все они, за исключением «Никаноровны», были опубликованы в журнале «Наш современник». И поэму-сказку «Мишка-никудышка» (1982).

Станислав Демидов считает, что в поэме «Солдатка» Игорь Ерёмин поставил перед собой задачу – *«воспеть трудовой подвиг, стойкость и мужество советских женщин в годы войны»*. Особо С. Демидов подчёркивает то факт, что И. Ерёмин *«был внутренне подготовлен к созданию подобной поэмы»: «Работе над «Солдаткой» предшествовали многочисленные стихи о войне, написанные И. Ерёмным. В них говорилось о ратном и трудовом подвиге советских людей, победивших фашизм, сумевших преодолеть неимоверные трудности на фронте и в тылу»*.

В советской поэзии сравнительно мало произведений о подвиге советских женщин в годы Великой Отечественной войны. Вспоминаешь – и приходят на память строки широко известного стихотворения поэта М. В. Исаковского «Русский женщине»:

Да разве об этом расскажешь –
В какие ты годы жила!

Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла.

Поэма «Солдатка» построена на сопоставлении, противопоставлении мирного времени и военного лихолетья. Мир – великое счастье. Эту мысль мы часто читаем в поэме между строк.

И хотя страны Европы были во власти фашистов, для простого русского народа война стала неожиданностью. Все, кому довелось встретить войну лицом к лицу, накануне 22 июня 1941 года заняты были самыми мирными занятиями:

И кому какая шалая
Мысль могла прийти в тот миг,
Что ещё минута малая,
И прощай – покой и мир!

Страшным бедствием обрушилась война на людей. Отцы, мужья, женихи, молодые парни – все ушли воевать. И остались в городах и сёлах женщины, дети и старики.

Сюжет поэмы прост, естественна, органична ткань повествования, изобразительные средства тоже просты. *«Но эта простота самой высокой пробы, за которой – сложность характеров, судеб, жизненных ситуаций, за которой – мастерство»*, – пишет С. Демидов.

Алёна-солдатка получает первое долгожданное письмо от мужа Степана, ушедшего на фронт в первые дни войны.

Не успела в таз до донышка
Окунуть она лицо,
А в дверях: – Пляши, Алёнушка –
Прямо с почты письмецо.

Радость её велика настолько, что тут мгновенно ушли усталость и напряжённость.

И, как будто в поле адская
Не пекла её жара,
И опять, жена солдатская,
Как при муже ожила.

С сынишкой на руках бежит она в ближнюю рощицу и там читает весточку с фронта:

И она сынишку на руки –
Из сеней в закруг, кругом,
Огородом, мимо яруги,
К ближней рощице – бегом!

Вот присела возле пёнушка
И к письму. А с первых строк:
«Красно солнышко Алёнушка,
Ясный месяц мой сынок!

Как живёте, как здоровьице?..
Не слова, пенье струн.
И Алёна остановится,
И вздохнёт: – А был молчун...

Читая письмо, Алёна вспоминает всё близкое и дорогое, связанное со Стёпушкой, горькую весть о начале войны, рождение сына, который

...и на мир пока ещё
Не успел взглянуть со сна,
А уже свой меч пугающий
Подняла над ним война.

Она вспоминает проводы Степана на войну, свои заботы и труды, когда пришлось самой выполнять тяжёлую мужскую работу. И пришлось женщинам не только косой и вилами, но и в плуг впрягаться. А ведь это не выдумка: русские женщины, действительно, впрягались в плуг и в соху тоже, и пот с кровью пополам тёк с растёртых плеч. И так четыре долгих года войны. Верно, говорят: женщины в тылу проявили не меньше самого высокого героизма, стойкости, выносливости, чем их мужья на фронте.

Он ушёл по долгу общему,
Чтоб хранить в борьбе с врагом
Каждый подступ к дому отчему.

Ты, жена, храни свой дом!
Всё в твоём распоряжении,
Как война передала,
Не деля, где есть тут женские,
А где мужнины дела.

Всё твоё!.. Хоть руки выломи,
А сумей за мужика
И косою владеть, и вилами,
Больше некому пока.

В письме Степан рассказывает о том, что был в окружении, вышел к своим и продолжает воевать.

Алёна решает поделиться своей радостью с односельчанками. Она приглашает женщин-односельчанок к себе домой «вечерять». Пришли соседки, такие же солдаты, как и она. Каждая принесла что-нибудь из своих скудных запасов. Вот и готов нехитрый ужин. В притихшей горнице вновь звучат строки из письма Степана, читаемые вслух, поднимается тост за победу, и, кажется, сама собой возникает песня «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...». Окончен короткий бабий праздник. Продолжается война. А значит – продолжается борьба. Продолжается экзамен на стойкость и мужество, на доброту и человечность.

Этим исчерпывается сюжет, но не исчерпано содержание, потому что, по словам С. Демидова, *«большинство событий, происходящих в поэме, раздумий автора, разговоров, поступков героев исполнено большого исторического смысла»*.

Еремин удачно использует приём противопоставления счастливой мирной жизни и военного лихолетья. Он не рисует подробные портреты главных героев поэмы, а характеризует их отдельными штрихами, которые рассыпаны во всех одиннадцати главах поэмы. Вот Алёна в самом начале поэмы:

Где и усталъ! Вышла павою
И, как в свадебном дыму,
Не идёт – плывёт! А правую
Всё рукой к нему – к письму.

Только одна деталь в этой характеристике – «вышла павою» и сразу мы представляем себе сильную и стройную молодую женщину, непременно с лёгким румянцем на щеках.

Авторские характеристики Степана скупы – «скромник», «молчун»:

Уж такой, что слово, кажется,
Кроме «здравствуй» и «прощай»,
Молвить так и не отважится,
Хоть портвейном угощай.

Перед уходом на фронт Степан «всё ходит вдоль оконышек / С инструментом под рукой: / Где какой поправит колышек, / Где гвоздок вобьёт какой».

Трудно прощаются молодые муж и жена. Неловко чувствует себя Степан: нелегко будет Алене одной, а она торопливо собирает его в дорогу. В ней борются и страх за жизнь мужа, и гордость за него, воина-защитника, и где-то в глубине теплится надежда на его благополучное возвращение. Ушёл Степан – «и будто солнышко тоже за гору зашло».

Еремину удалось создать характеры яркие и самобытные, показать их в действии, в развитии через их поступки и внутренние раздумья, а также косвенные и авторские характеристики.

В поэме «Солдатка» много афористичных строк. Так Алёна говорит:

Пусть у немца много норова,
Но на норов есть и нрав!

Автор определяет Россию страной, «в основе мужества которой – доброта!». А вот что он пишет о стойкости женщин-солдаток:

Нет, уж коли в горе женщина
Может петь, душой сильна,
Перед ней – твоя, военщина,
Вся проиграна война.

Еремин создаёт обобщенный образ русской женщины-солдатки в сцене коллективного чтения письма с фронта, в картинах сенокоса, пахоты.

Запоминается пожилой тракторист из МТС – старый солдат, георгиевский кавалер, который старается всячески поддержать в женщинах веру в скорую победу над фашистами:

Расправлял он плечи узкие
По примеру прежних дней.
Мол, сильны враги, а русские
Будут всё же посильней.

В поэме «Далёкий свет» Ерёмин обращается памятью к своему, опалённому войной детству, прошедшему на Тамбовщине:

Оттого, спустя десятилетия,
После бед, что выпали и мне.
Не могу не думать, не болеть я
За судьбу людскую на земле.

Оттого и память беспокою
И в тревоге, как в дороге, весь.
Защитить бы каждою строкою
Всё, что в мире дружеского есть.

«Далекий свет» – поэма лирическая, и содержание её трудно пересказать, её просто надо читать. Но если всё же попытаться в нескольких словах сказать, о чём она, то это – военное детство, первая мальчишеская любовь.

Детская любовь!.. её не слишком
Принимают взрослые в серьёз.
А она мешает спать мальчишкам
И доводи девочек до слёз.

А она возвышенной, быть может,
Чувств любых, что в пору зрелых лет
Неизбежно каждого тревожит...
Первая! – вот в чём её секрет.
А она невинней, чем тростинка.
Потому хотя бы, что в тиши

Не по воле рождена инстинкта,
А по доброй склонности души.

В поэме покоряют психологическая точность в воссоздании внутреннего мира подростка, этапы его быстрого взросления в трудное время и непосредственное ощущение поистине созидательной силы первого чистого чувства.

Я забыл, как убегать с занятий.
Но совсем не из симпатий к ним.
А чтоб только встретиться мне с Катей...
И сидел, как мёртвый, недвижим.

И следил, как что-то там чертила
Девочка, склоняясь над листком,
Как с руки старательно чернила
Слизывала быстрым язычком.

Как косил глазок из-под ушанки,
Добираясь до души моей,
Окрыляя так, что... хоть на танки!
Лишь бы отличиться перед ней.

Написана поэма «Далёкий свет» с добрым юмором в отношении лирического героя и чутким тактом в отношении других персонажей.

Но ведь нет свершений вперемежку
С явным небрежением к труду.
Превращался в горькую насмешку
Мой порыв у класса на виду.

А всё наша Клавдия Петровна!..
Чуть отвлёкся – сам себя кори.
Что поднимет с места: мол, дословно
Сказанное ею повтори.

И вставал я, словно просыпался.
И под смех ребят едва-едва

Некие высасывал из пальца
Невпопад идущие слова.

Детализация, выступающая в поэме в тесном сочетании с психологизмом, служит достоверному воссозданию духовного мира подростка.

Десяти неполных лет парнишка,
Я не знал, как это называть:
Девочка, детдомовка, худышка
Стала странно душу волновать.

Как я жил до этого?.. По воле
Только детских прихотей одних.
Кое-как учил уроки в школе,
Дома вовсе забывал о них.

Да и то сказать: не до учёбы!
В пятистах верстах гремит война.
Что ты можешь сделать, парень, чтобы
Рассчитаться с врагом с полна.

Эх, на фронт бы!.. с этой непреклонной
Мыслью жил не только я один,
За очередной следя колонной
Уходящих к западу машин.

«Вот бы, – думал я, – забраться в кузов...».
И однажды вроде повезло:
Схоронясь среди каких-то грузов,
Впопыхах решил: – Прощай, село!

А что вышло?.. Мне мешки с махоркой,
Как назло, подсунула судьба.
И, чихая от пылицы их горькой,
Выдал я водителю себя.
Вот беда!.. Взяла рука чужая
За ворот меня. И прямоком

Опустила наземь, провожая
Лёгоньким по заднице шлепком.

Жестокая реальность войны ускоряла взросление детей. Действительность быстро развеивала их безоблачные представления о жизни и романтические представления о войне. Ребят в классе потрясает известие о гибели на фронте сына их учительницы Клавдии Петровны. И вот:

Замер класс... так весть та не вязалась
С мыслью о романтике войны.
Ведь скорей захватчики, казалось,
А не наши гибнуть бы должны.

И даю я клятву, что отныне
До исхода школьных дней моих
По учёбе или дисциплине
Промахов не будет никаких.

Поэма «Никаноровна» посвящена простой русской женщине, вынесшей на своих плечах все тяготы тыловой жизни в минувшей войне. Суть поэмы в том, что как бы ни был силён каждый из нас сам по себе, мы никогда не одолели бы своих врагов и не вынесли бы житейских тягот, если бы русский народ не объединился в единое целое. Именно в этом сила русского народа, которая помогла выстоять всей стране. Эта известная истина, как в фокусе, сконцентрирована в судьбе Никаноровны и раскрыта автором в высокохудожественной форме с большим оптимизмом, несмотря на всю трагедийность ситуации.

Поэма, как и всё творчество Игоря Ерёмина, наполнена большой любовью автора к простой русской женщине, глубоким проникновением в её психологию. Написана она легко, образно и музыкально. Стихи льются, словно сами собой:

Все война грозила поровну,
Зло справляя на земле.
А сразила Никаноровну,
Всё же первую в селе.

К ней соседка как-то с улицы
Заглянула поутру.
Глядь, бельишко прямо в лужицы
Полетало на ветру.

Дверь хлопбышет неприкрытая.
И корова по траву
Громко просится, забытая,
Видно, с вечера в хлеву.

Что случилось?.. Хворь ли скорая
Одолела до того,
Что и встать не может, хворая...
Глядь, а в доме никого!

Так начинается поэма, и трудно остановиться, не дочитав её до последней строчки.

В центре поэмы «Большак» традиционный для русской литературы образ дороги – нелёгкий путь, пройденный советским народом со времён Великой Октябрьской социалистической революции и до 1970-х годов. Образ дороги позволил Игорю Ерёмину максимально расширить не только временные, но и пространственные рамки произведения: Петербург, Москва, Сталинград, Сибирь... В последних главах действие переносится на Дальний Восток, где возводят ГЭС и БАМ – «всем в мире большакам большак». Через всю поэму проходит образ Ленина. Как и в стихотворениях «Первая ссылка», «Скрипка», «На охоте» и некоторых других, он – борец за народное счастье, настоящий труженик, вдохновитель всех великих дел:

И нам идти, не внемля крикам
Врагов, не внемля, прямиком,
Всё тем же ленинским, великим,
Всё тем же русским большаком.

В поэме «Большак» изображаются душевные бури русских людей, находящихся в труднейших социальных ситуациях.

Живёт дорога век от века,
И миновать её нельзя.

В судьбе любого человека
Она то стёжка, то стезя.

Но вот что важно: все дороги,
Как ни зови их на веку,
Ведут в конечном-то итоге
К дороге главной – к большаку.

Так тянутся помельче реки
К большой, какую ни возьми,
Так эта тяга в человеке
К единой общности с людьми.

Большак! Он через Россию
Пролёт, как в небе Млечный путь.
Лишь космонавту и под силу
На эту даль его взглянуть.

Игорь Ерёмин работал так, чтобы стихотворение было наполнено жизненной силой, чтобы оно удивляло тайной естественности и свободы языка.

Зовут по-разному дорогу:
То просто тропкой, то тропой.
Одна ведёт тебя к порогу,
Другая – в рощу за собой.

Одна мелькнёт во ржи просёлком,
Другая, взбудоражив снег,
Проложит на морозе колком
Свой – первопутком – санный след.

Живёт дорога век от века,
И миновать её нельзя.
В судьбе любого человека
Она то стёжка, то стезя.
Но вот что важно: все дороги,
Как ни зови их на веку,

Ведут в конечном-то итоге
К дороге главной – к большаку.

Так писал он в поэме «Большак». А чтобы написать эту поэму, Игорь Ерёмин не только прислушивался и присматривался к событиям своего времени, но и бросал свой пристальный взгляд на прошлое нашего государства.

Ах, этот путь! Не зря казалось:
Здесь боль вся Русь больней,
Чем где-нибудь, души касалась.
Ведь здесь она была видней.

Ведь здесь текла сплошным потоком
Россия нищих и калек,
Напоминая ненароком,
Как жизнь трудна, как тяжек век.

Ведь и в Сибирь всё тем же трактом
Этапом ссыльные брели.
Ещё не зная, что там, как там,
Вдали той каторжной земли.

Дальше развивая свою мысль и показывая, какие преобразования произошли на окраинах бывшей каторжной земли, поэт в действительности выходит на большак и, с блокнотом в руках, посещает строительство Зейской ГЭС, Байкало-Амурской магистрали.

В поэму вошли впечатления Игоря Ерёмкина, полученные от журналистских поездок вместе с Анатолием Филатовым в город Зею.

Жаль, не всегда был адрес Зея.
И по дороге неспроста
Я обретал вид ротозея,
Дивясь на здешние места.

Земля то буйством разнотравья,
То обнажённым камнем скал

Влекла к себе, да так, что весь я
В окно автобуса врался.

Вставали сосны-великаны,
И чудилось, что с веком в лад
Они. Как башенные краны,
Вздымают стрелы вместо лап...

Когда живёшь вперёд с заглядом,
Мечту не примешь за мираж!
Ведь твёрдо веришь: будто рядом
И впрямь строительный пейзаж.

Как вспоминает А. Филатов: *«Тогда в Зее я снимал киносюжеты для новостей Благовещенской студии телевидения. Игорь Алексеевич приехал собрать материал, который войдёт потом в поэму «Большак». Мы жили в деревянной двухэтажной гостинице. На неделю зарядили дожди. Лес стоял тёмным и нахолненным, дороги размыло. Зей взбухла. Шумно несла свои воды, затопливая берега. В такую вот слякоть мы добрались до строительства. Я снимал кинокамерой. Еремин записывал в блокнот. «Отсидеться бы, – говорю ему. – Погода наладится, тогда и придёшь на проран». «Ну а как писать о работе вот в такую погоду?». Убедить его было бесполезно».*

Жизненный путь Игоря Ерёмина насыщен драматизмом, но, несмотря на это он постоянно ощущает душевную тревогу за судьбу родной земли, своего народа, его тревожит настоящее и будущее, и он старается решать первостепенно важные духовные проблемы, и прежде всего – это проблемы собственного самоопределения в этом мире.

Стихи И. Ерёмина подкупают верой в жизнь, её красоту и осмысленность. Ведущие темы поэтического творчества И. Ерёмина – тема родины и народа – труженика, созидателя, защитника отчества, тема любви, и смысла жизни. Лирический герой поэта глазами своего народа смотрит на труд и на войну, на красоту и человеческое достоинство, на добро и зло. Он стремится проникнуть в суть всего, что происходит на его глазах, найти своё место в гуще событий, внести свой посильный вклад в процесс реального исторического развития своего народа и общества. Он стремится стать достойным своей эпохи человеком.

Стихотворения разноплановы по тематике, жанровой принадлежности, композиции, речевому оформлению, но объединяет их, делает узнаваемыми из сотен других яркая эмоциональность, личностное отношение автора ко всему, о чём он пишет, и собственное видение проблем, о которых идёт речь в произведениях. Поэт создаёт свой мир, который не оставляет равнодушным никого: ни хорошо знающих его творчество, ни впервые прикоснувшихся к родникам души мастера слова.

Произведения Игоря Ерёмина приятно просто читать потому, что он ничего не навязывает читателю, в его поэзии отсутствует назидательность, нет готовых формул и рецептов. Он обращается к разуму и чувствам каждого конкретного читателя, от этого его стихотворения приобретают искренность и проникновенность.

«Я о жизни вот какого мнения...»: публицистика

*Я о жизни вот какого мнения:
Чтобы в ногу с ней всегда шагать, –
Мало только личного горения,
Надо и другого зажигать,*

*Надо чтоб душа рвалась к полёту.
Робость – прочь, как сорная трава.
Ну-ка, подавай сюда работу,
Засучу по локоть рукава.*

Дмитрий Цирулик

Журналистика является неотъемлемой частью жизни общества, как социально-политической, так и культурной. Журналисты всегда были и будут одними из самых образованных, начитанных, думающих людей, способных активно влиять на общественное мнение. Каждого журналиста отличает свой стиль, своя тематика, которая во многом определяется жизнью не столько всей страны, сколько отдельного региона, поскольку журналистика всегда существует в конкретном историческом времени и географическом пространстве.

«У каждого писателя всегда есть свой край, свой город, своя река – это отличительные черты настоящего художника». Эти слова Алек-

сандра Твардовского по праву можно отнести и к журналистам. В каждом регионе имеются свои особенности развития журналистики и своя «журналистская школа». Есть и самые яркие представители, у которых можно многому поучиться молодому поколению. К таким журналистам в Амурской области по праву относится Игорь Ерёмин, отдавший журналистике много лет своей недолгой жизни.

Публицистика Игоря Ерёмина является важной составляющей его многогранного таланта. Обращение к жанрам публицистики связано у него с журналистской деятельностью и жизнью писательским трудом.

Ерёмин пишет статьи и очерки, рецензии и фельетоны, которые публикуются на страницах газет «Амурская правда», «Амурский комсомолец», «Советское Приамурье», «Ленинский путь», «Красное знамя», «Коммунистический путь».

Стремление прямо и непосредственно вмешаться в жизнь, в решение её важнейших проблем, в споры вокруг литературного процесса, своего собственного творчества – вот, на наш взгляд, причины, побудившие Игоря Алексеевича активно выступать в прессе. Вероятно, жизнь не укладывалась в рамки поэзии, поэтому он пытался своим пером помочь людям изменить действительность.

Ерёмин-журналист стремится к объективности и документализму. А гибкость и оперативность жанра очерка позволяют откликаться на актуальные запросы времени, отразить быстро меняющуюся эпоху. Поэтому центральным образом некоторых ерёминских портретных очерков является реально живущий в нашей области человек. Автор рассказывает о его жизни, работе, стремлениях и достижениях.

Например, в очерке «Галя» («Амурская правда», 1959, 9 сентября, с. 3) Игорь Ерёмин, с одной стороны, обращается к факту действительности, лично им наблюдаемому, а с другой – художественно этот факт воплощает, сохраняя документальность и объективность. Он знакомит читателя Галиной Брагиной, которая по окончании семилетки решила остаться работать в родном колхозе «Восток» Тамбовского района, хотя её мама настаивала, чтобы дочь получила профессию бухгалтера. Юная доярка столкнулась с тяжёлым трудом в коровнике. Она сама должна была ухаживать за коровами: кормить, поить, доить, чистить стойла. Сегодняшние её ровесники вряд ли стали бы работать в таких условиях. Вот лишь несколько цитат из очерка.

«Корма Галя подвозила сама. Запрягала лошадь (научилась летом, когда после школы трудилась разнорабочей), уезжала в поле, сама накладывала воз сена, сама его сваливала, потом кормила животных. Но это было ещё не всё. Главное, надо напоить первотёлок. Колодец, из которого Галина брала воду, находился, примерно, метрах в пятистах. Принести два ведра – это значит, почти километр. Для первотёлок надо было вёдер шестьдесят. Это значит, ежедневно тридцать километров, их них пятнадцать с наполненными водой вёдрами. Непривычно, трудно, почти невозможно. Но Галя работала, не замечая времени, пугаясь от мысли, что вот проходит день, а она смертельно устала и не сделала всего того, что хотела бы сделать».

«Так начиналась трудовая жизнь этой белокурой девушки. Но дальше было ещё труднее. Начался отёл. Первого телёнка принимала старая, опытная, всеми уважаемая в колхозе «Восток» доярка Анна Капитоновна Вишнякова. Остальных, увидев, как это делается, принимала сама Галина. Теперь ко всем её заботам прибавились новые: надо раздаивать первотёлок и ухаживать за телятами. Но ничего этого делать Галина не умела. Вначале было так: едва она успевала справиться с одной коровой, как Вишнякова выдаивала пять».

Ерёмин показывает Галину в динамике: от сумевшей побороть свою робость перед матерью и остаться работать в колхозе, до осознавшей всю сложность трудовой деятельности, но не впавшей в отчаяние, не бросившей работу, а более того, достигшей впечатляющих результатов. «С трескучими морозами и снежными буранами проходила первая в жизни Галины трудовая зима. Преодолением трудностей явилась она для неё. Работала молодая доярка старательно. Раздаивая первотёлок, она доила их раза четыре в сутки. Потом постепенно перешла на трёхразовое доение. И пусть Галине было очень трудно, она не сдавалась. А потом вдруг оказалось, что коровы её группы стали давать молока больше, чем животные не первого отёла у некоторых более опытных доярок. Постепенно овладевала она теми навыками и умениями, незнание которых смущало её когда-то: приноровилась доить не пальцами, а кулаком, поняла, что вымя надо массажировать обязательно и что раздача кормов должна зависеть от продуктивности животных».

Читая очерк «Галя» вдруг понимаешь, почему Ерёмин выбрал именно её героиней своего повествования. Вряд ли ошибёмся, пред-

положив, что его привлекла целеустремлённость Галины, верность выбранному пути, стремление повышать свой профессиональный уровень, и как результат – впечатляющие достижения. *«Чем больше знаешь и умеешь, тем хочется больше знать и уметь. Знания и навыки, которые Галина получила в процессе работы на ферме, уже не удовлетворяли её».* И Галина стала посещать зоотехнический кружок, организованный зоотехником Саидой Сайфутдиновой. *«Конечно, многое из того, что рассказывала зоотехник, Галя знала, но о многом она слышала впервые. Учёба помогла доярке в работе. По-прежнему рано утром вставала Галина и торопилась к своей группе. Только теперь коровы находились не в сарайчике, а в новом типовом коровнике, где были подвесная дорога и автопоение. По-прежнему старательно трудилась девушка, но теперь она хорошо понимала, что то или иное дело надо выполнять именно так, а не иначе. Как и прежде, Галина стремилась к тому, чтобы в коровнике было чисто. Но теперь она особенно усердно занималась гигиеной стойл и кормушек, особенно после того, как давала коровам скоропортящиеся корма: барду, силос. Молодая доярка понимала, что термин “чистота – залог здоровья” с одинаковым правом применим и к животным».*

Ерёминым-журналист, информируя читателя об общественно-значимом труде Галины Брагиной, раскрывает её как личность, главными достоинствами которой является способность преодолевать трудности, упорство и стремление к личностному росту.

Очерки Ерёмина о людях, которые способны к свершению трудовых и личностных подвигов, характеризуются образностью и эмоциональностью, описанием реальных событий. В них всегда присутствует образ автора, дающий оценку всему, о чём пишет, рассуждает, комментирует: «Где золото роют в горах» (о Красноармейском прииске) («Амурский комсомолец, 1958., 21 сентября, с. 1–2»), «Товарищи» («Амурский комсомолец», 1959, 9 декабря, с. 2–3), «30 минут из жизни Лёни Мацкевича» («Амурский комсомолец, 1959, 14 октября, с. 3), «Счастье Владимира Малого» («Амурский комсомолец, 1964, 16 сентября, с. 3), «Первая весна» («Амурский комсомолец», 1958, 14 мая, с. 1).

Ерёмин-журналист стремится погрузить читателя в ситуацию, инициировать его воображение, обсуждать насущные проблемы своего времени. Так, в 1958 году на страницах газеты «Амурский комсо-

молец» была опубликована статья И. Ерёмина «Люди преградили путь к стихии» о наводнении летом 1958 года («Амурский комсомолец, 1958, 27 июля, с. 3). Автор показывает благовещенцев в едином порыве защитить свой город от наводнения. *«Это был один из ярких примеров энтузиазма, упорства и настойчивости, проявленный населением Благовещенска за его столетнюю историю»,* — пишет Игорь Ерёмин.

В ночь на 18 июля 1958 года началась непрекращающаяся несколько дней борьба с наводнением: по берегам рек Зеи и Амура строились укрепления, которые должны были сдерживать натиск водной стихии. *«Вначале дамбы представляли собой неширокую цепочку набитых землёй мешков высотой не более полуметра. Но чем сильнее прибывала вода, тем выше поднимались дамбы, тем с большим напряжением работали люди».* Автор описывает напряжённость обстановки в ночь на 19 июля, когда вода поднялась почти до полуметра, а дамбы были достроены на два метра в высоту.

В течение пяти дней и ночей благовещенцы, не зная сна и отдыха, спасали *«свой город, свои заводы, фабрики, учреждения, школы, свои дома, свои парки и сады. Все силы были брошены на борьбу с наводнением. Иначе поступить было нельзя. Вода в районе города Благовещенска поднялась почти на 9 метрах выше своего обычного уровня и на 37 сантиметров выше, чем в период наводнения 1928 года. Было бы затоплено больше половины города, вышли бы из строя все без исключения предприятия. Но люди работали героически. За несколько суток они возвели вокруг города дамбу протяжённостью в 17 километров, в некоторых местах высота дамб достигла семи метров».*

Понимая, что в коротком рассказе сложно упомянуть всех принявших участие в борьбе с наводнением, Игорь Ерёмин говорит о водителях 2-го стройучастка треста «Амурстрой»: *«Виктор Копылов и Александр Четырин пробыли за рулём с небольшими перерывами четверо суток. 20 часов подряд проработал молодой шофёр автобазы № 1 Амурского совнархоза, недавно окончивший курсы шофёров, Алексей Коневцев».* Пишет о трудовом энтузиазме рабочих завода «Амурский металлист»: *«850 человек посменно дежурили возле рек Зеи и Бурхановки, соорудили дамбу длиной в полтора километра».* Восторгается трудолюбием, выносливостью и оперативностью комсомольско-молодёжных ударных бригад. Особенно мон-

тажниками бригады Беляева: «Однажды возле моста через реку Бурхановку, прорвав дамбу, хлынула вода. Все 17 человек бросились сюда. За несколько минут они забросали место прорыва заранее приготовленными мешками с землёй». Школьники младших и старших классов самоотверженно сражались с наводнением, они «по велению сердца приходили на дамбы и, не жалуясь на усталость охраняли город от воды». Пример героизма и доблести показали воины Благовещенского гарнизона, которые сумели спасти от грозившего им затопления 13 тысяч тонн зерна, находящегося на складах Благовещенского управления хлебопродуктов. Несколько часов в холодной воде сотрудники мебельной фабрики сооружали вокруг своего предприятия укрепления. Студенты БГПУ защищали городскую электростанцию от затопления.

«Их много, простых и скромных, разных по внешности и характеру, возрасту и профессии людей, которые своим трудом отвели от города опасность. Это благодаря им отступила побеждённая вода. Пройдут годы, но никогда не сотрётся в памяти выдающийся подвиг трудящихся Благовещенска, совершённый в июльские дни 1958 года в борьбе со стихией», – заключает Игорь Ерёмин.

Очерк «Люди преградили путь к стихии» аккумулирует в себе возможности журналистики и литературы, соединяя в себе конкретику фактов, обращение к массовой аудитории, активность авторского присутствия и художественное воплощение наблюдаемых явлений, образное письмо.

Ерёмин не только оперативно информирует читателя о общественно-значимом событии, объясняет его значимость, анализирует и оценивает, но и создаёт эмоциональную картину разгула водной стихии, образно изображает действительность: *«С каждым часом Амур и Зея поднимались всё выше и выше. По несколько раз в день люди выходили на берег и отмечали, на сколько прибавилось воды за сутки, за ночь, за несколько часов. Городу угрожала опасность. С каждым часом она становилась всё ближе и явственней. Ещё вчера ленивые волны спокойно плескались о прибрежный гравий, а сегодня они подступили к самому парапету набережной, готовые перебраться через край».*

Перу Ерёмина принадлежат заметки о кинофильмах и театральных постановках. Так, в одноимённой заметке о кинофильме «Когда поют соловьи...» («Амурский комсомолец», 1957, 12 мая, с. 4) Игорь

Ерёмин даёт привлекающее внимание читателя вступление следующего содержания: *«Известно, что плохой сценарий часто не может быть спасён даже талантливой игрой актёров. Если же игра желает много лучшего, недостатки сценария особенно заметны»*. Материалом для статьи послужил просмотр художественного фильма «Когда поют соловьи...», который был снят по сценарию Л. Компаниец режиссёром Ю. Брюнчугиным на Киевской киностудии. Ерёмин поднимает важную для того времени проблему ложного героя: *«когда руководитель артели стремится прославить свой колхоз не путём общего подъёма всего хозяйства, а возвеличиванием одного человека, создаёт ему исключительных по сравнению с другими колхозниками условий труда»*. Далее автор кратко описывает сюжет фильма: *«Председатель колхоза «Труд» Тимофей Тимофеевич Завируха пытается достигнуть известности, выдвигая в героини доярку Екатерину Квитко, которой, по его мнению, «надо популярность создавать»*. Для достижения своей цели он использует все возможности: прославляет Катрю по радио и в кино, преднамеренно ссорит её с подругами, наущничает, мстит Марьянке за критику на совещании. В результате его стараний Катря из скромной, жизнерадостной и трудолюбивой девушки превращается в самовлюблённое и заносчивое существо. Она стала редко появляться на ферме, высокомерно относиться к товарищам, заявляя: «То-то я без крыльев, а выше всех поднялась!». Развязка наступает в конце: погибает лучшая корова колхоза Волшебника, и Катря прозревает».

К недостаткам сценария Ерёмин относит развязку, которая, по его мнению, *«поражает своей надуманностью, неожиданностью»*. А также *«бледность и невыразительность героев фильма», «недостаточность раскрытия их душевного мира», в совокупности создающих «впечатление чего-то ненужного и случайного»*.

Удачным образом Ерёмин считает *«образ Марьянки, созданный молодой артисткой А. Роговцевой. Марьянка в её исполнении – скромная, трудолюбивая и отзывчивая к людям девушка. Игра артистки привлекает своей непосредственностью, отсутствием какой бы то ни было эффективности и фальши»*.

По утверждению Ерёмина, «ни некоторые запоминающиеся своей выразительностью кадры, ни красивый пейзаж не могут скрыть крупных недостатков в сценарии и постановке фильма». В завершении статьи он не оставляет никаких надежд на популярность фильма

«Когда поют соловьи...»: «Зритель так и не поверил автору с его неумелым разрешением основного конфликта, не увидел настоящих людей, полнокровной жизни села в ту пору, когда поют соловьи». Итоговое авторское суждение раскрывает смысл названия публикации: фильм не соответствует запросам и духу времени.

Правдолюб, никогда ни перед кем не заискивающий, жёстко отстаивающий свою позицию, Ерёмин не мог мириться с людьми, которые не соответствовали его этическим идеалам, и, главное, с собственной совестью. Начало конфликту между М. Л. Гофманом, который в те годы был главным редактором Амурского книжного издательства и редактором-составителем литературно-художественного сборника «Приамурье моё» и Игорем Ерёминым, по всей видимости, было положено ещё в марте 1958 года, по крайней мере, тогда о нём стало известно всем. В газете «Амурский комсомолец» был опубликован фельетон «Марк Гофман и К°», под которым стояли подписи И. Ерёмина, В. Колыхалова и Д. Цирулика («Амурский комсомолец, 1958, 19 марта, с. 4). Они, мягко говоря, выказали своё недовольство тем, что Гофман предвзято относится к авторам и публикует не тех, кто этого, действительно, достоин. Не будем вдаваться в подробности этого литературного скандала, скажем лишь о том, что до последнего дня отношения между Ерёминым и Гофманом оставались натянутыми, на личный контакт они не шли.

В конце 1970-х годов Игорь Ерёмин принимал участие в молодёжной программе Амурского радио «Юность Амура». В 1979 году одно из своих выступлений под названием «Ток высокого напряжения» он посвятил творчеству тогда ещё начинающего поэта Игоря Игнатенко. В 2012 году Игорь Данилович Игнатенко выпустил трёхтомное издание «Избранное», в которое включил в раздел «Читая книги Игоря Игнатенко» текст выступления Игоря Ерёмина.

Примечателен тот факт, что в начале рассказа Ерёмин назвал поэтов, работа которых в поэзии, по его мнению, в те годы была особенно плодотворна: доцент Благовещенского мединститута Олег Маслов, инженер с БАМа Геннадий Кузьмин, благовещенские журналисты Виктор Алюшин и Игорь Игнатенко.

Очерчивая поэтическую судьбу Игоря Игнатенко, Игорь Ерёмин акцентирует внимание слушателей на важности роли литературной среды в сложном процессе формирования поэта. Так, оказавшись на БАМе в качестве спецкора областного радиокомитета, Игнатенко стал активным членом работающего там литературного объединения

«Звено». Влившись в творческую жизнь, которой жили здесь многие строители БАМа, молодой поэт не только начал писать больше, но и стал более требовательно относиться к своей работе: постоянно показывал свои стихи товарищам, внимательно прислушивался к их замечаниям.

Далее Ерёмин говорит о том, что многое дали Игорю Игнатенко и общетрассовый семинар, на котором его творчество подверглось детальному обсуждению, поездка в Москву, на 7-е Всесоюзное совещание молодых писателей, где его стихи получили добрую поддержку одного из руководителей семинара, известного критика Александра Михайлова.

Игорь Алексеевич отмечая тематическое разнообразие лирики Игоря Игнатенко, выделяет стихотворения о строительстве БАМа. Он пишет о бригаде Владимира Степанищева, которой «снег по колено, усталость по горло», которым, несмотря ни на что первой прошла тяжёлый шестидесятикилометровый маршрут. Ерёмин пишет: *«Пейзажная лирика Игнатенко не только показывает разнообразные картины природы, а является отправной точкой для глубоких авторских переживаний и размышлений, вдохновляет его на творчество. Явления окружающей природы живут не сами по себе, а становятся составной частью духовной жизни лирического героя».*

Игнатенко верит в счастливую любовь, и вслед за ним читатель начинает верить в неё, настолько убедителен автор в гармоничном сочетании мысли и чувства.

Главным достоинством Игнатенко-поэта Ерёмин считает его умение *«подкрепить лаконичность незаёмной образностью»*, что не только украшает стихи, но и делает их материально зримыми и, значит, художественно убедительными. И в подтверждение своих слов приводит целый ряд «счастливых находок»: крутые спуски уподобленные слалому, настолько они сложны для водителей; сосульки похожие на градусники; мороз такой, что даже дым в трубе замерзает; весенний пал мчится, словно *«колесница огневая, развевая гривы, широко»*.

Ерёмин написал несколько весьма аргументированных статей-рецензий об амурских и хабаровских литераторах – Николае Фотьеве и Дмитрие Цирулике, Михаиле Асламове и Павле Халове.

Амурский поэт и журналист Дмитрий Алексеевич Цирулик (1924–1962) ушёл из жизни после продолжительной болезни в воз-

расте тридцати восьми лет. Игорь Ерёмин познакомился с Цируликом ещё в студенческие годы – в период работы в газете «Амурский комсомолец». Он считал Цирулика одним из своих учителей, посвятил ему несколько статей. Впервые статья «Я о жизни вот какого мнения...» была опубликована в 1973 году в трёх номерах газеты «Ленинский путь», затем на страницах «Амурского комсомольца» 3 апреля 1974 года. Позже, 13 августа 1980 года, в газете «Амурская правда» появилась ещё одна статья Ерёмина о Цирулике «От спички загорается костёр».

В этих статьях Игорь Ерёмин даёт профессиональный комментарий личности и творчеству Дмитрия Цирулика. Ерёмин отмечает, что за недолгие годы творчества Дмитрий Алексеевич пробовал свои силы в разных жанрах – *«он писал не только публицистические или лирические стихи, но и басни, а также стихотворные тексты для песен. Но лучшим его созданием, безусловно, является поэма «Начало биографии», опубликованная во втором сборнике. Над этим произведением он работал долго, кропотливо, не один раз изменяя отдельные его места, внимательно прислушиваясь к критическим замечаниям. Оно невелико по объёму, это произведение. Всего каких-то восемнадцать – двадцать страниц в книжке карманного формата. Зато богато, объёмно его содержание. В скупых строчках, в немногословных, но выразительных, поэтических картинах автор сумел показать духовный мир своего современника, проследить становление его характера, отметить все главные события его жизни с трудных начальных лет детства до последнего момента – героической гибели в бою».*

Читатель узнаёт, что биографических сведений о поэте и журналисте Дмитрие Цирулике сохранилось немного. Известно, что он ещё в детстве осиротел. Школьные годы прошли в Белогорске, хотя родился Цирулик в городе Мытищи Московской области. В 1939 году, после окончания семи классов, Цирулик поступил в судостроительный техникум в Комсомольске-на-Амуре. Во время Второй Отечественной войны охранял дальневосточные рубежи от японских милитаристов. После окончания войны работал токарем, художником, библиотекарем, воспитателем в детском доме. С 1949 года трудился на журналистском поприще. Сначала в белогорской районной газете «Красное знамя» (позже переименована в «Ленинский путь»), а с 1953 года в областной – «Амурском комсомольце», где в разные

годы был литературным сотрудником, заведующим отделом культуры, ответственным секретарём. Руководил литературным объединением, созданным при газете.

Публиковать стихи начал в 1948 году. В 1954 году вышел первый сборник – «Моё мнение»: *«в нём доминируют торжественно-одические интонации. Лирический герой книги – патриот, труженик, созидатель. Его жизненное кредо сформулировано в программном стихотворении “Моё мнение”»*, – пишет И. Ерёмин.

Стремление быть полезным людям – тема стихотворений «Туча» и «Спичка». Своими друзьями лирический герой с гордостью называет «безусого школьника», стремящегося к знаниям, «девушку с теодолитом», рабочего – «седого мужчину в спецовке» («Мои друзья»). Этим труженикам и творцам посвящены стихотворения «Баллада о садовнике», «Скульптор», «Шахтёр», «Шофёр», «Маляр».

Обращая внимание на подражательный характер отдельных стихотворений, на языковые и стилистические погрешности, на несовершенство формы – ритмические сбои, неточную рифму, Ерёмин подчёркивал, что стихи Цирулика отличаются *«свежестью и непосредственностью поэтического восприятия и поэтической смелостью. Д. Цирулик стремится найти свой взгляд на жизнь, свои особые приёмы поэтического выражения мысли. Его с полным правом можно отнести к разряду «ищущих»*.

Уже в 1961 году стало очевидно, что «поиски» Цирулика увенчались успехом. Его второй сборник «начало биографии» получил высокую оценку собратьев по перу. Игорь Ерёмин пишет, что новая книга Цирулика – это творчество зрелого автора, у которого *«выработался свой самостоятельный поэтический почерк»*. Теперь поэт отталкивается не от «литературных образцов», а от самой жизни. «Простые по форме» стихи Цирулика отличаются «значительностью содержания» и «композиционной законченностью». Иной, более спокойной, сдержанной стала интонационная палитра сборника: на смену гражданскому пафосу пришли неспешные раздумья о жизни. Изменился и тематический диапазон. Наряду со стихотворениями о родине, о природе и о любви в «Начало биографии» вошли стихи о суровом Севере («Товарищ Север», «Отпуск геолога», «Песня эвенка») и о приветливом Юге («Верблюды», «Песня Абая»), «Ахмет играет на трубе»), появившиеся в результате коман-

дировок Цирулика в эти края. Лучшим произведением сборника, как мы отмечали выше, Ерёмин назвал поэму «Начало биографии».

Сборник «Начало биографии» вышел за год до кончины Цирулика. Из-за тяжёлой продолжительной болезни, которая приковала поэта к постели, он был вынужден уйти из газеты, но до последнего дня писал стихи. Невозможно спокойно читать следующие строки Игоря Ерёмина: *«Поэзия была делом Дмитрия Цирулика. И он служил ей до конца. Помню, где-то в апреле 1962 года я зашёл к нему в больницу. Силы его были на исходе. Он не вставал и уже едва держал авторучку, с трудом различая написанное. И, тем не менее, на тумбочке у него я увидел наброски новых стихотворных строк и объёмистую рукопись, которую он собирался вычитать после печатания на пишущей машинке. Тогда же он передал эту рукопись мне с просьбой послать в Хабаровск, в журнал «Дальний Восток». Естественно, стихи были в тот же день отправлены по назначению и вскоре опубликованы в журнале. Но – увы! – сам автор в печати их увидеть уже не мог. Не увидел он и свой третий сборник, куда вошло в основном лучшее из того, что было в первых двух книжках».*

Уже после смерти Цирулика вышел третий сборник «Стихи» (1966). К сожалению, отыскать его не удаётся, но известно, что в книгу, за исключением новых стихотворений, вошли ранее публиковавшиеся и поэма «Начало биографии».

Ерёмин подчёркивает, что Цирулик *«был первый в нашей области поэт, о котором можно говорить всерьёз как о поэте настоящим – со своим поэтическим почерком и ярком выраженной гражданской темой».*

В 1981 году в восьмом номере журнала «Дальний Восток» был опубликован очерк Ерёмина «Сплав мысли и чувства», посвящённый дальневосточному поэту Михаилу Асламову. Обращая внимание читателя на то, что вся судьба Асламова – в его стихах, Ерёмин подробно останавливается на разнообразной тематике стихотворений, которая охватывает различные периоды жизни хабаровского поэта: стихи о нелёгком военном детстве, о рабочем характере, о родной земле, размышления о жизни и о времени, о пережитом и увиденном. Приведём несколько цитат.

«Тематический диапазон произведений поэта довольно широк. Но особое место занимает в них тема войны. мне как-то уже приходилось писать, что у всех без исключения поэтов, родившихся до

войны и переживших её, стихи, посвящённые ей, звучат наиболее впечатляюще. Михаил Асламов – не исключение. От стихотворения к стихотворению. Со всё более потрясающей силой показывает он, как великую ношу того лихолетья наравне несли и взрослые, и ещё не окрепшие подростки.

«Стихи военного цикла – одно лучше другого. Образы лирических героев, условия, в которых они живут и работают – всё изображено верно и зримо. Вот Петька, вернувшийся с фронта без руки и с дёргающейся, видимо, от контузии, щекой.

*А бабы вслед ему рыдали,
Когда селом он проходил.
И всё казалось: не медали –
Осколки звякали в груди.*

Две последние строки – это не просто, как принято говорить, «счастливая находка», а образ, созданный на грани невозможного».

Как отмечает рецензент, «о чём бы ни писал Асламов, он всегда раздумчив, всегда философичен». В подтверждение своих слов он подробно останавливается на разборе новой темы поэта, которая «не столько о смысле жизни вообще, сколько о смысле поэтического призвания». Еремин обнаруживает ещё одну особенность Асламова-поэта – психологизм: «Без нажима, без излишней сентиментальности показывает он чувства человека, его настроение, переход из одного душевного состояния в другое. Так же тонок поэт и в описании пейзажа. Нередко он приобретает у него человеческие черты, как бы утверждая тем самым слитность природы и человека».

К поэтическим удачам Асламова Еремин относит его умение «очеловечить» природу благодаря использованию конкретных и выразительных образов. «Грибы у него “...бредут, ножонки оголив, / Промокиши лесом, нахлобучив шляпки. / Им – хлебом не корми, а дай пошляться, / Беспечным детям матери-земли”. Ветер в его стихах “тронул провода, как опытный настройщик”, залив перекачивает волны “как бы под кожей желваки”, пруд, словно замёрзший человек, подёрнулся гусиной кожей и т.д.».

Отмечает следующие недостатки Асламова-поэта, которые считает редкостью: «иные стихи его излишне описательны, другие излишне усложнены синтаксически, в третьих мысль проглядывает

настолько нечётко, словно улица сквозь запотевшее стекло. М. Асламов – не сторонник точной рифмы. Но иногда «перебарщивает», и тогда рифма исчезает вовсе.

Главный вывод, к которому приходит Ерёмин в завершении статьи: *«...мы видим перед собой поэта, голосу которого дано широко звучать не только на Дальнем Востоке, но и в других краях и областях России».*

В первых строках рецензии на книгу прозы признанного амурского баснописца Николая Фотьева, Игорь Ерёмин отмечает главную, по его мнению, черту Фотьева-прозаика-реалиста, то, что он *«народен в самом добром смысле этого слова. И не только по языку или потому, что главные герои его – это простые люди-труженики. Народен по самому духу своих произведений, потому что он знает жизнь не понаслышке и описывает её такой, какая она есть на самом деле – со всеми её радостями и горестями».*

Герой повести «Горная малина», которая дала название сборнику в целом, только начинает жизнь. Обращая внимание на то, что образ Веньки дан в развитии, рецензент подчёркивает, что *«поистине всяческого уважения достоин этот рано повзрослевший паренёк с далёкой заимки. Многое унаследовал он от своего деда и отца, которые оба были опытными старателями и охотниками».* «Герой показан настолько ясно, что уже нетрудно мысленно представить его дальнейший жизненный путь. Это наверняка будет путь человека с добрым и открытым сердцем, с умелыми и старательными руками».

Не обходит своим вниманием Ерёмин и второстепенных персонажей, которые, как и главный герой обладают общей чертой – отзывчивостью и добротой. Также рецензент отмечает умение Фотьева *«подметить и какие-то отрицательные или смешные чёрточки в их поведении, в характере, во внешности, чтобы с мягкой усмешкой сказать об этом. Но тем самым его герои, не лишаясь своего обаяния, становятся только естественней, ближе и понятней читателю».*

«Глухой туман» – лучшая, по мнению Ерёмина, повесть сборника «Горная малина»: *«Сюжет её хорошо продуман. Стилль чётко. Язык лаконичен. Она психологична. Она о каких-то очень тонких взаимоотношениях в непривычных для большинства их нас условиях – во время плавания по таёжной реке».*

Лучшим из четырёх рассказов, составивших сборник, Ерёмин называет рассказ «Умирал ямщик», ранее опубликованный в журнале «Наш современник». Но с небольшой оговоркой: *«Валентин Пинегин, находящийся в центре повествования, чем-то напоминает характерных героев Шукшина своей дотошностью и неординарностью, но это вряд ли помешает читателю заинтересоваться им»*.

Далее Ерёмин размышляет над тем, почему повесть названа «Горная малина». *«Ведь, несмотря на то, что описанию природы посвящены многие страницы, о малине сказано совсем немного. Может быть, потому, что в поисках подходящей стоянки Венька напал как раз на такое место, которое было сплошь покрыто зарослями горного малинника. Может быть. Мне же тут видится другое. Ведь Венька уходит в тайгу не просто за добычей, но и для того, чтобы проверить себя, свои силы и возможности. Свой экзамен он сдаёт в одном из красивейших мест тайги – среди зарослей малинника. Так, горная малина приобретает некое символическое значение, как бы напоминая читателю, что жизнь на лоне таёжной природы прекрасна, но и трудна, что путь туда, где растёт горная малина, нелёгок и непрост»*.

К недостаткам книги Ерёмин относит *«эпизоды слишком растянутые, слишком описательные, лишённые серьёзных размышлений и психологических исследований»*, невыразительность некоторых персонажей.

Завершая благожелательную рецензию, Ерёмин пишет: *«...герой Фотьева Венька в поисках подходящего места охоты и рыбалки прошёл тридцать трудных таёжных километров, пока не набрёл на горны малинник. Фотьев в поисках тем и сюжетов для своих произведений, в поисках горной малины исходил тайгу вдоль и поперёк. Приятно ещё раз отметить, что поиск этот увенчался успехом»*.

Очерки, заметки и литературно-критические статьи Игоря Ерёмина, печатавшиеся на страницах региональных периодических изданий, представленные в плотном общественно-политическом контексте, воспринимаются органической частью жизни Дальнего Востока. Большое количество публикаций, тяготеющих к рецензии, свидетельствует о том, что Ерёмин неравнодушен к проблемам развития дальневосточной литературы, её прошлому, настоящему и будущему.

Надо отдельно заметить, что публицистика Ерёмина актуальна и для современного читателя. Амурский автор писал «с душой», безусловно, как профессионал понимал: если его текст получит читательского отклика, значит, он сумел добиться чувства сопричастности, и его зов сердца услышан и понят другими.

**«ОН С НАМИ, ХОТЯ ЕГО НЕТ...»:
Игорь Ерёмин в воспоминаниях и оценках
современников**

*Он жизнь завещал нам любить,
Её красотой любоваться,
Сам жить собирался, творить,
С поэзией не расставаться.*

*Он с нами, хотя его нет,
И пусто в притихшей квартире.*
Станислав Демидов

Я считала его счастливым человеком: он был свободным, потому что занимался любимым делом. В детстве я гордилась своим отцом, его имя было на слуху. Все в школе знали, что он поэт. Я любила читать его произведения, особенно «Солдатку». Раньше он казался мне строгим человеком. Теперь я понимаю: всё, что в детстве привил мне отец, пригодилось в моей дальнейшей жизни.

Вера Ерёмина,
дочь Игоря Ерёмина

Недавно спросил у писателя-хабаровчанина Павла Халова: «У кого остался архив Еремина?» – «Ни у кого... – услышал в ответ. – Архива нет. Ни листочка, ни строчки... Нигде!». «Да не может этого быть!.. – почти крикнул я, услышав такое. – Не может быть, чтобы у такого поэта, как Игорь Ерёмин, не осталось неопубликованных стихов». Но и после этого Павел Халов не дал ни малейшей надежды на то, что архив поэта всё же будет найден».

Сергей Викулов,
поэт

Пролетели годы. Стёрлись в памяти многие эпизоды, связанные с именем Игоря Ерёмина. Но до сих пор я помню его умный взгляд из-под рыжих косматых бровей, его такую же рыжую и непослушную косматую шевелюру, добрую интеллигентную улыбку и неторопливую походку никуда не спешащего, самодостаточного человека.

Алексей Воронков,
писатель, поэт, журналист

Я женился в армии на втором году службы. После демобилизации остался в Белогорском районе Амурской области. Ещё с детства с непостижимой силой меня тянула к себе литература. Служа в армии, я публиковался в газетах «Суворовский натиск», «Ленинский путь». Стихи мои звучали по областному радио. Это и привело меня к мысли попробовать свои силы в журналистике. Вот и приехал из Томичей, где жил в то время, в Белогорск узнать, не возьмут ли на работу в редакцию газеты.

Проходя через парк имени Дзержинского заполненного музыкой репродуктора и хлопаньем дверей верандного вида кафе, я увидел на лавочке крепко сбитого с рыжей шевелюрой человека. Спросил: «Не подскажите, где здесь «Ленинский путь»? Щёки рыжего дёрнулись в усмешке: «Мы все идём его путём». Я не принял юмора и расспрашивал дальше: «Редакция где-то здесь?». «Вон там, — кивнул он в сторону деревянного забора, за которым возвышалась шиферная крыша одноэтажного здания. — Что хотели?». «Насчёт работы». «Журналист?». «Нет, но...». «А-а», — протянул он безучастно и глаза его, голубые и слегка на выкате, потеряли ко мне всякий интерес и тут же вонзились взором в белокаменную фигуру вождя, что ушла в суметь набежавшей тучи.

А уже через два дня мы сидели с ним в комнате с печным отоплением. На толстых из тяжёлого дерева дверях висела табличка «Отдел писем». Я уже знал, что мой начальник, этот солнцеголовый человек — поэт.

Анатолий Филатов,
писатель, журналист

Поэзию Игоря Ерёмина я знаю давно и горячо приветствую его творчество, в котором просто и естественно, с высокой мерой художественной правды и ответственности выражены важные мысли и чувства. Большинство его стихотворений так или иначе обращены к народу и его судьбе, вобравшей в себя, подобно океану, так много! Уверен: чтобы обладать такими достоинствами, поэзия должна питаться, как живое дерево, не только светом, теплом и воздухом наших дней, но и уходить корнями в глубь народной жизни, многочисленные пласты которой сохранили для нас неоценимые духовные клады. Как на живом дереве без корней не разовьётся и не станет плодоносить ни одна ветвь, так и художественное слово, если оно не вскормлено глубинным смыслом народной жизни и не согрето уважением к человеку, не в состоянии быть живым и долговечным. Да и народ бережёт только то, что ценно.

Есть художники более оригинальные и – менее. Одни работают в привычной классической манере, другие стремятся к непохожести. Но, в конце-то концов, всякая непохожесть имеет отношение лишь к форме и средствам выражения, а чувства и мысли, если с ними обращаются бережно и честно, остаются всё теми же человеческими мыслями и чувствами. Есть авторы, творчество которых достаточно многогранно, и есть такие, чья жизнь отдана какой-то главной задаче, как у Игоря Ерёмина. Его задача – воспеть человека и то, что ценно в нём.

Николай Фотьев,
баснописец, прозаик

Раздумья о судьбах Родины, о тяжёлом военном детстве, о гражданственности – вот обширный круг проблем, волнующих Игоря Ерёмина. Многогранность мира, художественное постижение его красок, характеров, личная ответственность за его судьбу искренне волнуют лирического героя, чувствующего под короб холодного ствола «живые толчки», «как удары пульса», постигшего в голодном детстве глубокую и простую мудрость о щедрости добра и нищете скупости.

Стихи Игоря Ерёмина чужды рисовки, пластичны и образны. Автора отличает умение подметить, ухватить, повернуть много раз виденное, а потому и обычное, так, чтобы оно засверкало новым блеском, поразило воображение открытым богатством. В этом, вероятно, и заключена суть поэзии:

Чёрный контур веток. Белый снег
Лёг везде, где мог, легко и пышно,
Замер лес, как спящий человек, –
Так, что и дыхания не слышно.

Николай Недельский,
кандидат филологических наук, доцент

Игорь Еремин принадлежит к тому поколению, которому выпало «открывать» мир в жестокую пору всеобщего разлада, разрушения, а не созидания и гармонии. Его ровесники запечатлели войну не со стороны фронта, а со стороны тыла, или, как говорили тогда, со стороны «второго фронта», который держали четыре года, не сдаваясь, женщины, старики и дети. И право же, в той трагической летописи по достоинству занимает принадлежащее ей место и поэзия Игоря Еремина.

Сергей Викулов,
поэт

Но, наверное, моё увлечение литературой сыграло свою роль в дальнейшем определении жизненного пути, иначе я не пошёл бы учиться в пединститут, да ещё на филологический факультет.

Всё это в значительной степени роднило меня с Игорем Ерёмным в юности. Но ещё больше нас связывало военное детство, трудное до невообразимости, богатое впечатлениями, странное по взрослости занятий и суждений. Конечно, он, будучи человеком одарённым, целиком посвятил себя поэтическому творчеству. Я же остался скромным пропагандистом литературы, став педагогом.

Иван Полтавцев,
педагог

...Я помню, как мы познакомились. Было это в 1979-м, в год, когда я, бывший учитель английского, поменял профессию и пришёл на Амурское радио.

– Привет, поэт! – открыв однажды дверь в кабинет редакции «Ударных строек», с порога бросил он мне.

Мне такое обращение польстило, потому как я, в самом деле писал стихи и даже пробовал публиковать их. Но когда я узнал, что это «тот самый» Игорь Ерёмин, о котором в то время не говорил разве только ленивый, мне стало вдвойне приятно.

Увы, обо мне он, как оказалось, никогда прежде не слышал и слово «поэт» употребил лишь для рифмы. У него вообще многие фразы были зарифмованы, но это были издержки его профессии.

Повторяю, профессии, ибо ничем другим, кроме писания стихов (до этого он трудился в газетах), в то время он уже не занимался.

Алексей Воронков,
писатель, поэт, журналист

Знаменательное событие произошло в сентябрьский день 2004 года в городе Белогорске Амурской области. На доме 14 по улице Северной была установлена памятная Доска замечательному дальневосточному поэту Игорю Алексеевичу Ерёмину. Она установлена в день семидесятилетия со дня рождения поэта.

Анатолий Филатов,
писатель, журналист

С первыми стихами Ерёмина я познакомился в конце пятидесятих годов, когда заканчивал Благовещенский педагогический институт. Конечно же, он тогда был очень молод и как поэт только начинался. Но и тогдашние стихи, как бы не соответствуя возрасту и опыту автора, уже привлекали внимание честной простотой и отсутствием всякой рисовки, мелкотемья и мнимой многозначительности, которой грешат молодые. Некоторые читатели, не знавшие Ерёмина в лицо, ошибочно полагали, что человек он много проживший и испытавший. Впрочем, насчёт испытаний ошибки, пожалуй, не было. Ерёмин сполна испытал и военное тревожное, голодное и холод-

ное детство, и то, что было потом; испытал открытой и сильно ранимой душой, как кровный сын своего народа. Может, потому и вобрал он от того времени так много, что до сих пор не всё ещё высказал о нём в стихах своих. Может, потому и не мельчил в творчестве.

Николай Фотьев,
баснописец, прозаик

Игоря Ерёмина я знал тридцать лет – с 1953-го по 1983-й. Не стёрся он в моей памяти и в течение более чем двадцати лет после его трагической и нелепой, хотя и – беру на себя смелость сказать – в какой-то степени закономерной кончины.

Уже тогда <в студенческие годы> в нём удивительным образом сочетались такие, казалось бы, не сочетаемые, качества, как, с одной стороны, задумчивость, сдержанность, какая-то «девическая» стеснительность, с другой – дерзость, не всегда уместное юношеское озорство и не очень характерные для него наигранная грубость и резкость суждений.

Иван Полтавцев,
педагог

Случилось так, что мне попался в руки ещё пахнущий типографской краской сборник новых стихов и поэм Игоря Игнатенко «Сердцевина», который, помнится, стал для меня откровением. Честно признаюсь, «попался» – слово здесь не точное. Я с детства любил читать стихи, при этом не только классиков. Где-то лет с двенадцати-тринадцати сам стал немного сочинять. А когда серьёзно относишься к своему увлечению, начинаешь интересоваться всем, что связано с ним. И вот всякий раз, когда у меня обнаруживался лишний рубль в кармане, я бежал в книжный магазин, где в то время было не густо, но уж когда она появлялась, то её тут же с боем разбирали. И неважно было, знакомые на книгах стояли имена или незнакомые – такой уж интерес у людей был к слову. Так вот, имя поэта Ерёмина для меня тоже тогда особого значения не имело, тем не менее «Сердцевину» я купил. А когда прочитал, будто в душе всё перевернулось. Я просто поражён. Моё провинциальное сознание не желало

верить, что написанное принадлежит не какому-то там известному столичному поэту, а человеку, бродившему по одним и тем же со мной улицам, пившему один и тот же со мной воздух, взирающему на одну и ту же картину жизнеустройства. Я впервые в жизни решился написать рецензию. Конечно, же я преувеличиваю – какая уж там рецензия, просто обыкновенное выражение чувств.

Алексей Воронков,
писатель, поэт, журналист

«У журналиста не может быть второстепенных материалов». – Ерёмин снова вскинул на меня взгляд голубых выпуклых глаз и погладил левое плечо, в том месте, где оно было прострелено.

Это уже потом я узнаю, что в молодости Игорь Алексеевич стрелялся. Одни говорили, что причиной тому явилась поэзия, а если точнее – непонимание поэта околелитературными чиновниками, другие, в том числе и жена поэта Галина Никитична, утверждали, что это последствия ранней несчастной любви. Пуля прошла мимо сердца, и редкий счастливый случай подарил стране большого поэта, о котором редактор журнала «Наш современник» Сергей Викулов впоследствии скажет: «Поистине богата ты талантами земля!».

...Своё первое задание я выполнил, наверное, неплохо. Мой очерк «Директор школы» поместили на редакционной Доске «лучшие материалы». За него выдали премию, но главное – мы подружились с Игорем Алексеевичем. И эта дружба сохранилась до конца его жизни, а не так много было отпущено поэту. Он прожил всего 49 лет. Последний сборник, «Зрелость» подготовленный самим поэтом, вышел уже после его смерти.

Анатолий Филатов,
писатель, журналист

В любом из сборников Ерёмина немало стихов, где подлинная поэзия соседствует с важной философской мыслью

...И если всё же нам доступна вечность,
Тому причиной добрые дела...

...Живу работой, как заботой,
И, значит, правильно живу...

Примечательно, что все его книги объединяет одна основательная поэтическая и гражданская позиция – всё та же честная и точная простота, чуждая суетности и мелкотемью. И всё, что написано – написано для того, чтобы пробудить или защитить чувства добрые. К тому же голос поэта возмужал и окреп, и всё в нём стало своё, ерёминское.

Николай Фотьев,
баснописец, прозаик

Ещё в 2010 году после смерти Н. И. Фотьева в архиве нашего музея оказалось несколько писем и поздравительных открыток от И. А. Ерёмина, адресованных другу-баснописцу. Судя по этим немногочисленным посланиям, Игорь Алексеевич обладал здоровым чувством юмора, умел посмеяться не только над другими, но и над собой.

В личных беседах Н. И. Фотьев часто рассказывал о тёплых, дружеских отношениях с Ерёминым: он высоко ценил его творчество, написал предисловия к нескольким сборникам поэта и всегда с неподдельной горечью говорил о его преждевременной и нелепой кончине.

Ирина Сергеевна Назарова,
доцент кафедры литературы
Благовещенского государственного
педагогического университета.

Он был моим старшим товарищем. Я тогда работал в газете «Амурский комсомолец», куда Игорь частенько приносил свои произведения. Там мы и сошлись на почве любви к поэзии. Он был первым из профессиональных поэтов, кому я показал свои стихотворные опыты. Несмотря на большую занятость (Ерёмин мог сутками не вставить из-за письменного стола), он находил время, чтобы поговорить о моих стихах, дать дельный совет, а где-то и поругать. Скажу откровенно: это были для меня очень важные и незабываемые уроки поэзии.

А ещё он любил собирать нас, молодых пиитов, вечером в своей скромно убранной квартире, что в районе 1-й благовещенской городской больницы, чтобы почитать нам свои новые произведения. Если мы начинали хвалить стихи, он выражал откровенное недовольство. А вот критику воспринимал, как мне казалось, с большим вниманием, после чего в его стихотворных строчках появлялись правки. Он был большим поэтом и понимал, что пишет не на сиюминутную потребу, а на перспективу, а коль так – стихи должны быть отшлифованы до филигранности.

Алексей Воронков,
писатель, поэт, журналист

Он вообще неохотно вступал в спор. Почти всегда молчалив, сдержан, а подчас мрачен. Думаю, в нём всегда работала напряжённая мысль. Он обдумывал то, что не только посторонним, но даже друзьям было неведомо. Несколько позже из-под панциря молчания прорывались односложные ответы, реплики или казавшиеся неуместными холодность и даже грубость. С годами он становился всё более желчным и саркастичным. На приветствие однокурсниц отвечал дерзко и недружелюбно. Когда я ему делал замечание, отмалчивался.

Иван Полтавцев,
педагог

Помнится, мы устраивали в «Ленинском пути» литературные диспуты, выступали в школах, часто выходила литературная страничка. И, конечно же, первой величиной значился Игорь Алексеевич Ерёмин. Нет, он вовсе не рвался в лидеры, но его талантливое творчество обязывало нас прислушиваться к его советам и понимать, что в своём поэтическом развитии Игорь ушёл от нас далеко. Мы спешили за ним, не желая сознавать, что по-разному одаривает природа людей. Ни всем суждено стать композитором, художником или поэтом, хотя в отрочестве почти все проходят через это. С высоты своих нынешних лет я с тёплой печалью вижу, какими были мы тогда наивными, считавшими себя гениями и постоянно стремящиеся сделать что-то необыкновенное.

Анатолий Филатов,
писатель, журналист

Для меня его уроки, его отношение к слову, к литературе, к жизни, были бесценны. Нет, я не старался подражать, как мы говорили тогда, живому классику, просто учился у него тому, что помогало мне становиться профессиональным литератором. Кстати, я прислушался тогда к его совету и не стал больше пытаться «проталкивать» свои литературные опыты в прессу. Занимался журналистикой, а параллельно несуетливо и обстоятельно работал над художественным словом. Когда меня близкие спрашивали, почему я не публикуюсь, я без всякой рисовки отвечал, что ещё не достиг того уровня, когда можно по-настоящему заявить о себе, что мои стихи, как и моя проза, мне не нравятся. А, следовательно, зачем смешить публику своим несовершенством. И только тогда, когда я понял, что чего-то уже достиг, я постучался в двери редакции.

Сегодня, следуя урокам Игоря Алексеевича, я тоже говорю начинающим поэтам и прозаикам: не торопитесь. Вначале научитесь отличать качественное письмо от некачественного, научитесь по-настоящему владеть словом – тогда и несите свои рукописи редакторам. В противном случае, вашу настойчивость сочтут за графоманство, а это стыдно.

Кстати, Игорь Алексеевич не любил графоманов. Они, говорил он, портят читательский вкус. Не любил он и тех редакторов, кто по каким-то причинам склонен был с постоянством, достойным лучшего применения, печатать их. Но он мог и отличить закорючелую бездарность от несовершенного покуда таланта. Первым он ничего говорить не желал, последним же советовал: не торопитесь, ваше время ещё придёт...

Да, сегодня их время пришло. Жаль только, Игорь Ерёмин уже никогда не оценит их творчество, никогда не даст дружеский совет. Он ушёл в расцвете творческих сил...

Алексей Воронков,
писатель, поэт, журналист

Вернёмся к годам студенчества. Случались у нас и минуты отдыха, озорства. У Игоря это было не для показухи, для души. А что-то делалось для проверки характера.

Пришли мы с ним однажды, а это было 3 мая на берег Амура.

Трущиеся в реке льдины плыли, разворачиваясь и кружась, медленно и коварно. Мы залюбовались картиной ледохода, и я ему поведал: «Верь или не верь, это твоё дело, но в детстве в селе Новоострополь Свободненского района мы, пацаны, обычно 3 мая уже купались в Бузульке. Льда, правда, там уже не было. И не болели после этого». «А слабо искупаться теперь?», – предложил Игорь.

И мы, оглядев пустой берег и убедившись, что нас, глупцов, никто не видит, быстро, стараясь опередить друг друга, стали раздеваться. После этого бросились наперегонки в промежутки между льдинами и, когда достигли приличной глубины, полностью окунулись в ледяную воду. Нет, она нам показалась не водой, а горящим костром! Побултыхавшись, мы как по команде, не сговариваясь, развернулись и ринулись меж сбивающих нас льдин к берегу. А когда оказались на суше, то были просто синими: тела наши приобрели иссиня-чёрный цвет и потеряли чувствительность. Только чудом мы не заболели.

Иван Полтавцев,
педагог

Однажды он заболел. Я пошёл проведать его. На заиндеветых ветках трещал тридцатиградусный мороз. Одетые в белый пуховик снега прогибались ветки тополей. Ерёмин жил в самом конце улицы имени Кирова, как сейчас помню за номером 205.

В квартире поэта было холодно. Вряд ли отогреешься после уличной стужи. Дочери Ерёмина (их было трое) сидели в крохотной кухне в пальто, и пили горячий чай. Жена расположилась у окна с иглой в руках, чинила школьную форму. Игорь, укрытый одеялом, лежал на диване. «Я, наверное, не вовремя? – спрашиваю Галину Никитичну. И киваю в сторону дивана. – Спит?». «Ну, где уж там. Будет он спать. Пишет». И тут и в самом деле, высовывается рыжая голова, в глазах смешинки. «Послушай, что я написал, – прокашлялся, приближая к глазам измятые под одеялом листки, и прочитал.

Внутри нетопленного клуба
На стенах изморозь бела,
Но я дышу, и пара клубы
Гоню в ладоши не спеша...

Это будет стихотворение о том дне, когда в промёрзлом клубе мы дети радовались вместе с взрослыми Победе под Сталинградом. Что-то вот тяжело идёт...».

Со временем этот разговор забылся, мало ли чего приходит по-эту в голову. Может, не получилось, не написал. Но уже через годы, когда Игоря не стало, читая его последний сборник «Зрелость» я встречаю:

... А у него в усталом взгляде
сегодня радость.
В первый раз!
Он говорит о Сталинграде,
С победой поздравляя нас...

И я тут же вспоминаю холодный зимний день, рыжеватых девочек на тесной кухоньке и рыжую голову, высунувшуюся из-под одеяла.

Анатолий Филатов,
писатель, журналист

Не просто и не гладко складывалась творческая судьба Игоря Ерёмина. И тем не менее в стихах его читатель не найдёт и намёка на уныние, надрывность или нудное самокопание, столь присущие тем, кто «слёз на хлеб свой не ронял». Кто жизни как следует не знал и знать её не утруждался. Не найдёт читатель мелкотемья и штукачества: вот, мол, как могу закрутить и озадачить! Нет, Ерёмин слишком хорошо знал, почём фунт лиха, как достаётся хлеб насущный и на чём, собственно, стоит народная жизнь.

Открыто, просто, к тому же своеобразно, отстаивал поэт не надуманные, а истинные ценности. «Защитить бы каждую строкою всё, что в мире дружеского есть...», «Не могу не думать, не болеть я за судьбу людскую на земле...», «И если всё же нам доступна вечность, тому причиной добрые дела...». Исходя их этих посылок, и работал Игорь Ерёмин как гражданин и поэт. И получил призвание читателей.

Николай Фотьев,
баснописец, прозаик

Еремин глубоко разбирался в жизни. Меня постоянно удивляло то, насколько он мудр и информирован, насколько начитан и посвящён в разные человеческие тайны. А, имея такой дар, как знания и умение ими пользоваться, невольно становишься философом.

Что интересно, он, в отличие от подавляющего числа своих коллег, любил обсуждать свои произведения на людях.

Кстати сказать, опять же в отличие от многих своих коллег Игорь Алексеевич никогда не пытался превозносить себя. Он не кичился своим талантом, не бравировал авторитетом, не навязывал своё мнение другим. Он был прост и честен не только в отношении с людьми, но и со своей совестью. Однажды он ничтоже сумняшеся заявил мне, что лучшим местным поэтом считает не себя, а... Не буду называть фамилию этого человека, ибо я говорил ему об этом. Главное в другом: будучи на голову выше многих своих коллег, он делал правильные выводы их происходящего. Да, в тот момент он считал, что в его творчестве случился некоторый застой, а вот тот, кого он называл лучшим, шёл в рост.

Алексей Воронков,
писатель, поэт, журналист

Каждое произведение Игоря Ерёмина значимо как по содержанию, так и по художественной отделке. Я не из книг и статей знаю. А неоднократно слышал от друзей и близких поэта, даже от незнакомых людей, что особенно глубокий отклик в душе читателей нашла фольклорная по языку и стилю, песенная по характеру и эмоциональная по окраске поэма «Солдатка». 35 страниц поэмы автор вынашивал и писал более двух лет – с 1972 по 1974 год. Но как писал! И днём, и ночью. Впрочем, как всегда. И даже больше именно ночью, о чём он мне неоднократно рассказывал. Он, по словам самого автора, буквально бредил поэмой. И не зря. Получилось истинно народное сказание о русской женщине.

Иван Полтавцев,
педагог

Игорь Алексеевич был оптимистом, которому брюзжание и нытьё являлось чуждым элементом. Он никогда и никому не делал поблажек, но и не терпел, если эти поблажки исходили от других к нему. Профессор Благовещенского пединститута Борис Афанасьевич Лебедев рассказывал: «Однажды в пору студенчества Ерёмин у меня вышел с ним казус. Студентом он был успевающим и многообещающим. Писал стихи, печатался. Хорошо знал русскую, советскую и зарубежную литературу. Уже и не помню, какая была тема, но ответил он хорошо, и я поставил ему отлично. И что ж ты думаешь? Тут же по окончании занятий он зашёл в деканат и пожаловался. Что я завысил ему оценку, мол, на отлично он не знает. Вот такие пироги...».

И эту ерёминскую требовательность не только к другим, но и к себе могут подтвердить поэты Приамурья Игорь Игнатенко, Олег Маслов, Виктор Алюшин, Станислав Демидов. У Ерёмин было какое-то чутьё на талантливых людей. Очень внимательно следил он за творчеством белогорских литераторов Могильникова, Захарова, Кортаева. К последнему нередко выезжал на дом в Возжаевку, помог подготовить подборку его стихотворений для журнала «Дальний Восток».

Буквально через пять месяцев после моего прихода в редакцию Игорю Алексеевичу пришлось оставить газету.

...Вместе с Игорем Алексеевичем довелось работать недолго – всего четыре месяца. Поэт написал статью о спорте и высказал в ней совсем иное мнение, чем имелось оно в райкоме партии. Состоялось партсобрание, на котором Ерёмин не изменил своих взглядов и отказался публично признать свои ошибки. Естественно, такое не оставалось ненаказуемым. Сумели сфабриковать общественное обвинение его жены, якобы пытавшейся что-то украсть в промышленном магазине. Расчёт был верным. После такого обвинения, хотя дело до суда и не доводилось, Игорь Алексеевич вынужден был оставить редакцию. В начале 1967 года поэт уезжает в Биробиджан, где в течение двух лет работает в областной газете «Биробиджанская звезда». Но и в Амурской области имя его не теряется. Ерёминские стихи звучат по областному радио, стихи поэта публикуются в областных и районных газетах. О нём говорят с уважением даже тогда, когда, казалось бы, надо обидеться.

Анатолий Филатов,
писатель, журналист

Известно, что просто и точно писать значительно трудней, чем мудрёно и загадочно. Да и стихи пишутся вовсе не для того, чтоб их «разгадывали». Вспомним, как на этот счёт сказано у классика советской литературы Александра Твардовского: «Пусть читатель вероятный скажет с книжкой в руке: «Вот стихи, а всё понятно, всё на русском языке...». Вот и у Ерёмина – всё понятно и всё заставляет думать и волноваться. Даже в самых обычных вещах и явлениях он способен открыть нечто такое, что поражает новизной и точностью. И всё просто. И всё это сделать, конечно же, не просто.

Николай Фотьев,
баснописец, прозаик

Хочу несколько слов сказать о внешности Игоря Ерёмина того времени. Голова у него была красно-рыжая. Лицо с конопатинами. Глаза светло-голубые, выпуклые, слегка навывкате. Фигура статная. Костюм, хотя и недорогой, всегда идеально подогнан, выглажен. Ворот рубашки – белой или в полоску – аккуратно отглажен. Галстук он носил редко. Лицо и особенно губы подчёркивали собранность и волю. На улыбку Игорь был скуп. Походка несуетная, строгая, прямая. Аккуратно подстрижен, обувь начищена. А по выходным и праздникам он вообще имел «конфетный» вид».

Иван Полтавцев,
педагог

Проникнутые духом народности, патриотизма, национального своеобразия, исполненные в традициях русской классической поэзии, его стихи должны стать достоянием не только взрослых, но и школьников. Юным они особенно хорошо послужат, когда речь пойдет о любви и преданности Матери-Родине, о беспримерном подвиге народа в Великой Отечественной войне.

Сергей Викулов,
поэт

...Случилось так, что в год возвращения Игоря Алексеевича в Белогорск, мы получили с ним квартиры, причём они оказались в одном доме и одном подъезде. Ему дали четырёхкомнатную на третьем этаже, мне – трёхкомнатную – на первом. Всё чаще и чаще стали наезжать в Белогорск литераторы. По долгу засиживались в рабочем кабинете поэта тогда ещё только начинающие свой путь в литературе Олег Маслов, Виктор Алюшин, Игорь Игнатенко. Угощаясь вином, но без курева, Ерёмин не курил и не терпел запаха табака, шёл разговор о большой поэзии, рассматривались рукописи начинающих. У Ерёмина было особое чутьё на одаренных людей. Как зёрна от плевел быстро отличал он поэзию от стихоплётства. Умел дать точное и ёмкое определение творчеству того или иного литератора. Иногда оно могло показаться жёстким и обидным, но не мог он ради своей сиюминутной выгоды похвалить то, что к поэзии не имело отношения.

Анатолий Филатов,
писатель, журналист

Запомнилась мне встреча местных поэтов и писателей в доме В. Яганова по случаю юбилея его отца. Нас было человек 10–12, в том числе Игорь Ерёмин, Владислав Лецик, к которому Игорь всегда питал глубокую и искреннюю симпатию, естественно, сам Виктор Яганов, – уже тогда, в 1980-е годы, известный поэт, другие друзья хлебосольной семьи. Помню, в разгар «пира» мы с Виктором уединились в одну из комнат, и он мне читал свои ещё не опубликованные стихи и говорил: «Никому ещё не читал. И Игорь Алексеевич их ещё не видел. А без него публиковать не могу. Всем я ему обязан. Печатаюсь только с его благословения».

Иван Полтавцев,
педагог

Он не кичился своим талантом, не бравировал авторитетом, не навязывал своё мнение другим. Ерёмин глубоко разбирался в жизни. Меня постоянно удивляло то, насколько он мудр и информирован,

насколько начитан и посвящён в разные человеческие тайны. У него свои взгляды были на всё. Он подтрунивал над нашей работой, которая казалась ему скучной и обременительной. Над нашим режимом дня, статьями, в конце концов, над нами, чья жизнь ему представлялась сплошным отчётом на партсобрании. Мы спорили с ним, доказывали, что мы не «козлы-бараны», а в душе завидовали ему. Его беспечности и бесшабашности, его вольной воле и его постоянному безденежью. Мы – это те, кто мечтал стать таким же большим поэтом, как он, кто также хотел жить на вольных хлебах и гордиться своей бедностью. Тогда быть бедным художником было почётно. Перед нашими глазами стоял образ Н. Рубцова, который в любой мороз ходил без шапки за неимением её и в драповом пальто. Мечтали поскорее вступить в творческий Союз, который давал право «не работать», забывая, что творческий труд поэта – это колоссальный, нечеловеческий труд».

Алексей Воронков,
писатель, поэт, журналист

...Жизнь текла своим руслом. Моя дочь Ольга училась в одном классе с Наташей – второй дочерью Ерёмина. Последнюю – Верочку он всю жизнь звал «мальчик мой». Чувствовалось, что поэт очень хотел иметь мальчика, а у него были одни девочки. Возможно, страсть иметь мальчика имела свои корни в давнем детстве поэта, когда жил он в большой дружной семье, где было много мальчишек. Родился он 17 сентября 1934 года в селе Понзари Тамбовской области. В семье насчитывалось пятеро детей. Игорь – первенец. Потом родились Эдик, Лёва, Владимир и Лариса. Вскоре после Великой Отечественной войны семья Ерёминых переезжает на Дальний Восток. В Волочаевке Ерёмины – отец и сыновья-подростки срубили дом и навсегда бросили здесь свои корни. Отец – Алексей Акимович учительствовал, мать – Зоя Васильевна занималась домашним хозяйством. Своих родителей Игорь Алексеевич любил большой сыновней любовью. И часто в своём творчестве поэт обращается к образам родителей.

Анатолий Филатов,
писатель, журналист

Вечерами слушал в комнате по радио концерты классической музыки, подперев рукой голову. Любил, как поёт Шаляпин. Включал радио на полную громкость, и когда я просила убавить, он поднимал указательный палец вверх и говорил: «Молчи».

Вера Ерёмина,
дочь Игоря Ерёмина

В последние годы своей жизни поэт часто вспоминал Понзари и предлагал мне съездить в Тамбов в края его детства. Но у нас всё как-то не выходило. И в первую очередь из-за того, что Игорь Алексеевич катастрофически боялся высоты и наотрез отказывался лететь самолётом. Добираться поездом, на это нужно было много времени, которого всегда в обрез. Но мысленно он жил тем далёким, ибо, как не мной сказано «воспоминания – есть Рай, откуда никто не может нас выселить».

Анатолий Филатов,
писатель, журналист

...Помнится, я тогда не поверил, что он умер. Как? Этого не может быть.

Да, в это трудно было поверить. Что ни говори, а Игорь мог сделать ещё очень многое. У него были силы, были замыслы, был высокий талант.

Он умер в ту пору, когда природа просыпалась после долгой и тоскливой амурской зимы. Был апрель. Теплынь. Но когда мы с товарищами рыли ему могилу, неожиданно началась пурга. Да какая! будто силы небесные взбунтовались, посчитав смерть Поэта нелепой ошибкой природы.

Гроб стоял в маленькой зале его уютной холостяцкой квартиры (переехав из Белогорска, где работал долгие годы, Игорь Алексеевич жил один, правда, почти перед самой его кончиной у него поселилась младшая из трёх дочерей Вера).

Проститься с Игорем пришли его друзья, пришли почитатели его таланта – все, кому дорого было имя Поэта. Кстати, многие так и пробыли у гроба всю ночь, не желая расходиться, – говорили, гово-

рили, говорили... У изголовья растерянно и отрешённо сидели три его дочки – будто три чеховские сестры. Старшая Светлана, красивая и, как мне показалась, величественная в своём траурном чёрном платке; Наташа – как потом выяснилось, жизнелюбивая хохотушка; и младшая Верочка – совершенный ребёнок, которому, кажется, только недавно исполнилось семнадцать...

Кто они? Что будет с ними? Понимают ли они, кем был их отец? Будьте же счастливы, девочки, подумал я. Этого хотел ваш отец, который вас очень любил. Нет, он умел скрывать свои чувства, прямо об этом никогда не говорил, но я помню, с каким затаённым трепетом произносил их имена...

Алексей Воронков,
писатель, поэт, журналист

В Волочаевке первым из отцовского дома уехал Игорь. Но и студентом он не забывал проводить родителей. Сюда же в первый год своего учительства, он приехал поработать со школьниками на совхозных полях. Тут и встретила его светловолосая тоненькая как лоза молодая агрономша.

– Сейчас я и не упомяну, – рассказывала мне впоследствии Галина Никитична, – из-за чего у нас вышел скандал. Но именно так началось наше знакомство. А через два дня там же на грядках, дождавшись, когда школьников рядом не было, он вдруг заявляет: завтра приду к родителям руки твоей просить. Я чуть с лошади не упала. А он и в самом деле пришёл. Мать его, Зоя Васильевна, предупреждала: «Смотри, Галина, характер у него не из лёгких». Так оно и оказалось. Когда его брат Эдик приезжал, всегда эти встречи заканчивались скандалом.

Анатолий Филатов,
писатель, журналист

Не могу не сказать хотя бы несколько слов об одной из наших встреч с Игорем и его друзьями по работе на амурском радио, которые как-то во главе с моим другом целой группой подвалили ко мне в гороно. Говорили о том о сём живо и много. Впрочем, как всегда, самым немногословным был Еремин. Он больше слушал, лишь из-

редка вставляя в разговор очень скупое выраженное суждение. Казалось, он думает о другом. Эта черта сохранилась в нём с юности. Однако уже само то обстоятельство, что он резко и категорично не отвергал высказанное кем-то, говорило или о его согласии со сказанным, или, как минимум, об отсутствии у него протеста, отторжения. А ещё меня поразило тёплое отношение друзей поэта к нему – не очень удобному характером. Хотя мы знали, что среди нас уже в ту пору был настоящий, признанный поэт, член Союза писателей страны Игорь Алексеевич Ерёмин, в полной мере все мы в то время этот факт, если честно, недооценивали. А какие стихи уже тогда выходили из-под его пера!

Иван Полтавцев,
педагог

Без суетности и претенциозности входил в поэзию Игорь Ерёмин. Окончив Благовещенский пединститут, он, человек, наделённый несомненным поэтическим дарованием, долгие годы отдал работе учителя и журналиста. В этом проявилось серьёзное отношение поэта к призванию: чтобы «поставить свой голос» и обрести социальный опыт, нужно время. Без него, кстати, невозможно постижение тайн бытия и отработка своего миропонимания.

Борис Лебедев,
кандидат филологических наук

С братом Ерёмина Эдиком, который рос в большой семье вторым ребёнком, я познакомился, когда тот уже служил старшим лейтенантом недалеко от Белогорска. Это был высокий, спортивного вида человек. Как Игорь Алексеевич, он в своих суждениях оставался неуступчивым и компромиссов не признавал.

Следует отметить, что поэт, в отличие от брата, не очень-то посвящал в свои мысли и взгляды окружающих его людей. Он любил слушать других, и то, если это была не просто словесная баланда, а когда просматривалось в разговоре какое-то зерно для будущих стихов.

Меня тянуло к этому человеку. В том, 1969 году, когда Ерёмин вернулся в Белогорск, я работал собственным корреспондентом Амурского телевидения по Белогорскому и Серышевскому районам.

Иногда Игорь ездил со мной на съёмки, чтобы набраться впечатлений. Выезжали мы с ним и в Возжаевку к учителю и поэту Коротаеву, навещали в военсовхоз к моей теще. В городе мы обычно ходили втроём. Игорь Ерёмин, баянист Владимир Евстюхин и автор этих строк. Нас часто можно было увидеть за одним столом в одной из вечно прокуренных «забегаловок» города. Там к нам присоединялся рабочий завода «Амурсельмаш» Николай Дегтярев. Он жил в собственном доме с уютным благоухающим зелёным двором, куда мы порой и перебирались от звона стаканов и табачного дыма. Из настежь распахнутого окна хрипел голос Высоцкого, к песням которого Ерёмин относился отрицательно, но помалкивал, чтобы не обидеть Дегтярёва. А тот разливал по стаканам вино и читал свои стихи. Игорь вроде бы слушал, но я знал, что мыслями он где-то далеко, ибо то, что читал Николай Дегтярёв, к поэзии мало имело отношения.

Анатолий Филатов,
писатель, журналист

В последние полтора-два года мы с другом встречались очень часто. Жил он не просто бедно – по сути, в нищете. Весь его заносенный до предела гардероб был на нём. Шапка, ботинки и прочее заслуживали, образно говоря, отставки. Да и сам он тоже как-то потускнел, посерел, его некогда солнечно-яркий волос, теперь длинный и неухоженный, лежал седой, белёсо-желтоватой копной на потёртом воротнике поношенного пальто.

Глаза стали ещё более выпуклыми, утратился их детский голубой цвет. А по спокойному, даже равнодушному лицу блуждали усталость и какая-то отрешённость от повседневных дел, которые ему казались лишними. Он подчас не мог разумно распорядиться даже теми деньгами, которые иногда попадали в его руки.

Иван Полтавцев,
педагог

Игорь Ерёмин – поэт профессионально сложившийся, имеющий свой поэтический голос, литературное направление, в совершенстве владеющий техникой стихосложения. Поэтому новую книгу его стихов, пожалуй, правильнее рассматривать не столько в плане поэтиче-

ского мастерства, которого у него в достатке, сколько в свете того нового и интересного, что открывает она читателю.

Олег Маслов,
поэт, прозаик

...В рабочем кабинете, где он и спал, не было ничего лишнего: железная с панцирной сеткой кровать, голые стены, письменный стол журнального варианта с пишущей машинкой с краю и небольшая стопка книг. В основном словари. Вид из окна этой комнаты выходил во двор с высокими тополями, за которыми просматривался кусочек городской дороги и стела комсомольцам, павшим на фронтах Великой Отечественной войны.

Он читал новое, только что написанное, и никогда не спрашивал нравится ли. Очевидно, по выражению моего лица понимал, какое впечатление производит прочитанное им. А я улавливал музыкальность и ритм стиха и чувствовал, как что-то раскрывается во мне от услышанного, большое, волнующее. И вспоминалось прочитанное о поэзии у Адалиса, что «в этом и есть сила поэзии, но не только. Главное – в остатке. Стихотворцу необходимо знание техники стиха, но надо знать и причины, и способы поэтического воздействия. Поэзия – это мышление образами». Не случайно в углу под шторой в ерёминской комнате часто валялись скомканные исписанные листки. Поэт искал свои образы, а те давались, конечно же, не так просто. Пианисту даны, если я не ошибаюсь, 78 клавиш, чтобы донести до нашего сознания великие творения композиторов, а писатель, поэт имеет в своём арсенале всего 33 буквы, и от того, как он ими варьирует, зависят прочность и красота созданного им.

Анатолий Филатов,
писатель, журналист

В 1982–1983 годах я несколько раз бывал у него в квартире площадью 33,7 квадратных метра по Красноармейской, дом 194, квартира 21, где он жил с 1 февраля 1979 года до конца своих дней. Что это обиталище «писаки» – сразу было видно: листки с черновиками стихов, набросками, какими-то записями лежали, а точнее сказать, валялись везде: на столике, на пишущей машинке и вокруг неё, на под-

оконнике, на диване, на полу. И хотя это была двухкомнатная квартира, от беспорядка она казалась тесной. «Почему ты не уберёшь всё это?». «Нельзя, – отвечал он вполне серьёзно. – Здесь ещё много дельного. Хотя я, в общем, иду к завершению. Напишу ещё «Мишкункудышку» и буду завязывать с рифмами. Хотя, как никогда, стихи пишу с удовольствием и без напряжения. И, подумав, добавил: «Ты знаешь, как легко мне даются стихи? Сам удивляюсь. Но стихов писать больше не буду. Сделаю кое-что из прозы. Вот роман «Мать» начал».

Иван Полтавцев,
педагог

Его стихи стали появляться в печати ещё в конце пятидесятых годов, когда он заканчивал историко-филологический факультет Благовещенского пединститута. Уже тогда он обратил на себя внимание как человек, бесспорно, одарённый, и мы вправе были ожидать, что со временем он порадует читателя хорошими книгами.

Далее шла проверка временем. Поэт работал в газетах, ездил по сёлам и городам, в степные места и таёжные, видел людей разных характеров, призваний и профессий. В результате – опять стихи. Формировалась своя поэтическая индивидуальность, что, собственно, и отличает настоящую поэзию от всякого рода модных рифмований, поделок и подражаний.

Правда, стихи Ерёмина печатались не так уж часто, что, впрочем, вовсе не означает, что писал он редко. Нет. Он просто руководствовался мудрым правилом – писать много, но не спешить объявлять написанное законченным. Да и жизнь не баловала. Были удачи и неудачи. Были доброжелатели и злопыхатели. Но истинному творцу – всё во благо.

Николай Фотьев,
баснописец, прозаик

За недолгие годы в литературе Игорь Ерёмин прошёл определённую мировоззренческую и, как следствие, эстетическую эволюцию. Расширялась тематика его творчества – наряду с гражданской лирикой стали появляться проникновенные и светлые стихи о люб-

ви, о родных амурских просторах, философские размышления. Оттачивался неповторимый «ерёминский» стиль, для которого с самого начала было характерно отсутствие лихо закрученных метафор, надуманных, нежизненных сравнений, слишком броских эпитетов. Творчество Ерёмина – это «внешне безыскусный, но абсолютно точный психологический рассказ о человеке, а в общей сложности – о народе» (С. Викулов). Со временем всё заметнее становилось тяготение поэта к лиро-эпике, а в конце жизни к крупным эпическим формам. Но в каком бы жанре не работал Ерёмин, о чём бы он ни писал, в его произведениях, продолжающих лучшие традиции гражданско-патриотической поэзии, прежде всего Некрасова и Твардовского, всегда были выражены чувства и мысли человека, судьба которого неразрывно связана с судьбой народа, с судьбой своей страны.

Ирина Сергеевна Назарова,
доцент кафедры литературы
Благовещенского государственного
педагогического университета

Мы никогда не касались с Ерёминым темы моего творчества. Я – потому что боялся отдалиться от поэта и ещё, потому что видел, как далеко мне до Игоря с моим слабым творчеством. Ерёмин, очевидно, потому что не любил лезть туда, куда его не приглашают, ещё он, как мне казалось, считал меня пленником кино. Возможно, так оно и было. Работая собственным кинокорреспондентом, я подружился с директором кинотеатра Россия города Белогорска Александром Михайловичем Рыжковым, и мы создали народную киностудию. Часть наших документальных фильмов представлялась на ВДНХ СССР. Времени было в обрез. И всё же – нет, нет, да и появлялись мои рассказы и стихи в газете «Ленинский путь».

Анатолий Филатов,
писатель, журналист

Всё, что было написано и напечатано поэтом, происходило через борьбу. Так сложилось, что меньше всего усилий талантливому человеку приходилось тратить на творчество. Больше сил, терпения, нервов уходило на то, чтобы открыть дверь в литературу хотя бы

местного значения. Очень непросто завоёвывалось место под нашим амурским солнцем. Впрочем, так всегда бывает в России.

Иван Полтавцев,
педагог

Уроженец Тамбовской области, Игорь Ерёмин вот уже двадцать лет живёт на Дальнем Востоке. По профессии он журналист, хорошо знает свой край. Здесь начинал он первые шаги в поэзию, здесь обрёл крепость его поэтический голос. Стихи Игоря Ерёмина хорошо известны дальневосточникам по периодической печати, неоднократно они публиковались также в журналах «Дальний Восток», «Наш современник» и в коллективных сборниках. Творчеству Игоря Ерёмина свойственны гражданская страстность, тонкое проникновение в сложный мир человеческий души, неразрывная связь с родной землёй, откуда берут свои могучие истоки сила русского духа и красота человека.

Редакция Хабаровского
книжного издательства, 1972 год

«В последний год своей жизни, – рассказывал мне известный журналист и литератор Благовещенска Юрий Петрович Залысин, – Игорь писал роман «Мать». Главы из этого романа мы давали по радио. – А вон в той комнате, – Юрий Петрович встаёт из-за стола. Высокий, как и прежде словоохотливый и подвижный, проходит к дверям и открывает их в комнату, заполненную полуобеденным солнцем, – он жил, – продолжает свой рассказ Залысин. – Игорь тогда только что окончил институт и поступил в «Амурский комсомолец», где я был редактором. Писал он свежо, интересно. Стихи его публиковали. Родители Ерёмина жили в Волочаевке. Своего угла в Благовещенске у Игоря не было. Ну, я и уступил ему эту комнату...».

Анатолий Филатов,
писатель, журналист

Но наибольшее впечатление из всех произведений книги «Окоём» составляет поэма «Далёкий свет». И не только потому, что

она не похожа на предыдущие и всей своей сущностью устремлена в будущее – в ней в большей степени раскрылся талант поэта.

Автор ведёт рассказ от первого лица. Но, как это и бывает с истинно художественными произведениями, каждый его сверстник на какой-то из строф непременно сделает для себя открытие: да ведь это же про меня! Как будто поэт взял тебя за руку и вновь провёл по голодному, холодному, почти забытому, но несмотря ни на что, всё же счастливому детству. В этом-то и сила подлинного искусства!

Олег Маслов,
поэт, прозаик

Скончался он у себя на квартире в полном одиночестве в ночь с 24 на 25 апреля 1983 года. Похороны состоялись 27-го.

Народу было не так уж много, как это бывает у тех, кто долго живёт на одном месте и обрастает дальней и близкой роднёй. Здесь этого не было. Проводить в последний путь И. Ерёмина пришли амурские поэты, прозаики, журналисты. Запомнился печальным молчанием величественный А. В. Лосев, а ещё – Виктор Яганов. Он не просто плакал. Он рыдал на протяжении всего печального ритуала. А ещё врезались в память такие простые и правильные слова Олега Маслова, которые он произнёс у ещё незакрытого гроба: «Наши стихи, стихи твоих коллег, надеюсь, в лучшем случае будут читать наши дети. Твои же стихи – наши внуки, правнуки и последующие поколения». А Виктор Яганов всё рыдал, приговаривая: «Он мне был больше, чем отец!...».

Иван Полтавцев,
педагог

ПАМЯТИ И. А. ЕРЁМИНА

Глоток воды,
Ещё глоток воды!
И, может быть, покинет сердце жажда,
И в памяти прорубятся следы
Сквозь тихий парк,
Где шёл ты не однажды.
Глоток воды,

Ещё глоток воды!
И «воду» ты ругал,
Считая гранки.
Как сердце жжёт
От этой вот беды,
Что дочерям ты не сорвёшь саранки.
И без тебя раскроется «Большак»,
Листвою строчек путников встречая.
Прости, что плохо твой запомнил шаг,
Прости, что свет такой не излучаю.
Всё кажется:
Откроется окно.
Солнце головой.
Выглянешь ты сверху.
И я пойму:
Ты ждёшь меня давно
Бессонной ночи гранок сделать сверку.
Глоток воды,
Ещё глоток воды.
И, может быть, покинет сердце жажда.
Да забинтую в памяти следы,
Сквозь тихий парк,
Где шли мы не однажды!

Анатолий Филатов,
писатель, журналист

Поэмы Игоря Ерёмина хочется читать и перечитывать. И потому, что их отличает высокое искусство слова, кроющееся за внешней простотой слога, и потому, что они дают богатую пищу для размышлений. Мысли, которыми они насыщены, выстраданы автором. Говоря о них, трудно удержаться от цитирования. Вот один пример. Надо стать взрослым, чтобы

Больше, чем за собственное счастье,
Ратовать за счастье сыновей.
Дети для себя живут отчасти,
Взрослые всей жизнью – для детей.

Вряд ли бы поэмы обрели высокий поэтический накал, если б обобщения, заключённые в них, не преломлялись через конкретный образ повествователя и лирического героя. Многообразны его идейные и художественные функции. Он и рассказчик, и выразитель отношений к изображаемому, и образ, имеющий самодовлеющее значение. Прежде всего, лирический герой – гражданин своей Родины, остро переживающий её беды и гордый за её успехи. Он пишет о сегодняшней Родине, но корнями своими она для поэта уходит в глубь истории. И именно в принципе историзма поэт черпает уверенность в жизнестойкости народа и исторической неодолимости избранного пути.

Светом добра и человечности озаряет лирический герой изображаемое. А самому ему обаяние сообщает самокритичность, естественная и лишённая даже тени кокетства. Он горд чувством своей принадлежности к родному народу и нигде не преувеличивает своего значения.

Искушённый читатель может увидеть общность поэмы И. Ерёмина «Далёкий свет» с поэмой Е. Исаева «Даль памяти», а поэмы «Большак» – с поэмой А. Твардовского «За далью – даль». Внесём ясность. Поэма «Далёкий свет» вышла раньше поэмы Е. Исаева. А что касается общности с Твардовским, то тематическое сходство действительно есть. Однако решение тем двумя поэтами совершенно самобытно.

Закончить обзор поэм И. Ерёмина хотелось бы словами, которыми он заключает «Большак». В них точно и ёмко выражен пафос всего сборника.

И горд я, что ничья другая –
Моя страна победный флаг
Взвила, впервые полагая
Всем людям на земле большак.

И нам идти, не внемля крикам
Врагов, как прежде прямоком,
Всё тем же ленинским великим,
Всё тем же русским большаком.

Борис Лебедев,
кандидат филологических наук

После встречи с Залысиным я сидел в кафе под открытым небом на берегу Амура. Напротив – поэт и переводчик с китайского Станислав Демидов, редактор литературно-художественного журнала «Приамурье» Владислав Лецик. Рядом со мной – поэт Виктор Алюшин. На том берегу реки белели новостройки Китая. Недалеко от нашего столика разместились группа желтолицых парней. Они что-то обсуждали на своём, китайском языке. А мы вспоминали молодость и то время, когда возник конфликт на Даманском. «А помните ерёминское «Петухи»? – спросил Станислав Демидов. – Игорек ещё тогда предугадал, что придёт время, когда мы запросто будем ездить друг к другу, и вот так рядом сидеть с китайцами, как сейчас».

Анатолий Филатов,
писатель, журналист

Стихи Игоря Ерёмина не нуждаются в дотошном растолковании. Они сами говорят за себя с предельной правдивостью, простотой и изяществом, к чему всегда и стремится серьёзная, настоящая поэзия.

Николай Фотьев,
баснописец, прозаик

На похоронах, уловив момент, я шепнул А. В. Лосеву: «Нельзя ли распорядиться, чтобы в наполненной бумагами квартире покойного поэта не просто произвести уборку и вывели веником всё, что там есть, а, по возможности, «ревизовали», отобрали и сохранили всё имеющееся и даже кажущееся второстепенным, черновым?».

Анатолий Васильевич промолчал. Я подумал: наверное, об этом кто-то уже позаботился. Как позже узнал, не тут-то было! Никто ничего не сделал! А 13 мая выписалась и съехала с этой квартиры и дочь Вера.

Лишь несколько лет назад узнал, что недописанная поэтическая сказка «Мишка-никудышка» оказалась в руках Николая Трифоновича Дегтярёва, а тот передал её в руки и Анатолия Филатова. Говорят, она где-то напечатана, но так ли это – не знаю. Неизвестна мне и судьба незавершённого романа «Мать».

Иван Полтавцев,
педагог

Отец бережно относился к книгам, учил, как правильно перелистывать страницы. В семье все читали. Когда в Благовещенске он получил квартиру в новом доме, соседка хотела купить у него несколько томов Всемирной литературы, чтобы поставить их в стенку. Он не продал, сказав, что книги нужно читать, а не украшать ими интерьер».

Вера Ерёмина,
дочь Игоря Ерёмина

Для меня, немало написавшего для детей, явилось радостным открытием, что Игорь Алексеевич обратился к творчеству для детей. Я хорошо помню, как любил он своих дочерей и особенно младшую – Верочку. Для неё и писал он сказку в стихах «Мишка-никудышка».

Расхворался мишка,
Мишка-никудышка.
Он лежит в постельке белой,
Он лежит и не встаёт.

Невесёлый, неумелый,
Даже лапу не сосёт.
И над ним страдает Света:
Что же это? Как же это?

Так начинается эта удивительная сказка в стихах и тут же возникает вопрос. Почему автор посвятил своё произведение дочери Вере, а первым героем у него выступает Света. Да дело в том, что Вера уехала с отцом, когда он в очередной и последний раз разошёлся с женой. Сейчас он жил с младшей дочерью в Благовещенске, а старшие дочери оставались в Белогорске. И сердце поэта тянулось к тем, кого не было рядом. Это ещё раз говорит о том, что родителю дорог каждый из его детей и для каждого из них хватает родительской любви.

Анатолий Филатов,
писатель, журналист

Успокоение есть в одном: он жил и творил в нашей, Амурской области, большую часть жизни отдал именно ей, полностью посвятив себя Поэзии. По большому счёту, он прожил типичную для многих русских поэтов и не очень упорядоченную (в чём их вины нет), насыщенную вечными трудностями и постоянными переживаниями, нелёгкую в бытовом и материальном смысле жизнь – жизнь подвижническую, бескорыстную и, несмотря на её краткость, плодотворную и не бесследную.

Иван Полтавцев,
педагог

Одиночество

«Я одинок в толпе» – звучит не ново...
Он ненавидел пустоты.
Толпа безлика и сурова
И не приемлет наготы.
А он, душою окрылённый,
Всё шёл во тьме, как света луч,
Людьми не понят, непрощённый,
Для многих – слишком уж колюч.
Иной вопрос – стихосложение, –
Ведь здесь верхом он на коне:
Летел над строчкой в озаренье,
К своей последней он весне.
Промчалась жизнь его ракетой,
Распался дружеский союз.
И все ж оставил он планету
В подарок нам из светлых муз.

Николай Дегтярёв,
прозаик, поэт

Мне вспомнился 1969 год, когда вместе с Игорем Ерёминым мы ехали на прогулочном катере по Амуру. С одной стороны красовался

город Благовещенск, с другой высились кирпичные трубы города поселкового вида Хэйхе. Навстречу шёл пароходик довольно старых времён. За кормой его крутились лопасти, с которых с шумом падала в реку вода. Среди китайцев, толпившихся на палубе, были и те, кто осторожно махал нам рукой. Махали и оглядывались, чтобы не заметили свои же недоброжелатели. И не удивительно. Совсем недавно произошли события на острове Даманском. Отношения с Китаем были очень тревожные.

Как-то рано утром мы стояли с Игорем у парапета набережной. Рассвет ещё только обозначился розовой полоской. В Хэйхе дымило несколько труб. Было лето, и почему они дымили, было непонятно. И кричали горластые петухи. Петушиный крик нёсся с китайской стороны и тут же подхватывался российской стороной. Голосисто и уверенно кукарекала домашняя птица с обеих сторон.

– Ишь ты, – усмехнулся Еремин, – петухам-то и на границу наплевать. – Перепеваются, и ничего тут не сделать.

– Побывать бы там, – кивнул я в сторону другого берега реки. – Интересная, древняя страна.

– Придёт время, побываешь, – сказал Игорь, и мне подумалось, что он подтрунивает надо мной. Но прошло время, и вот когда вышел последний посмертный сборник стихотворений Игоря Алексеевича, я прочёл там стихотворение «Петухи», где продолжается мысль поэта о необходимом добрососедстве двух великих государств.

Анатолий Филатов,
писатель, журналист

Стихи Игоря Ерёмина ладно скроены, при кажущейся простоте и традиционности они выдают и достаточную профессиональную искушённость, и поиск наиболее ёмких выразительных средств.

Читая иные стихи Игоря Ерёмина, начинаешь вдруг ловить себя на мысли, что где-то слышал или читал нечто близкое. Сверстники его, поэты, чьё детство тоже было связано с деревней военных лет, успели сказать в книгах, в коллективных сборниках, на страницах журналов об этом времени. Еремин никого не повторяет, и всё же его стихи порой напоминают картины, события, образы, уже вошедшие в читательский обиход. Появись те же вещи несколькими гола-

ми раньше, тогда, когда они были написаны – такого впечатления не возникло бы.

Стихи Игоря Ерёмина подкупают верой в жизнь, её красоту и осмысленность.

Р. Добровенский,
журналист, литературный критик

Лучшие стихи книги «Сердцевина» свидетельствуют, что в нашу литературу пришёл ещё один поэт, имеющий что сказать читателю и знающий как сказать. Ибо лирический герой Игоря Ерёмина, одновременно ищущий и убеждённо верящий, как искони свойственно русскому человеку, – герой его, наш современник, не может не запомниться, не полюбовиться читателю:

В самом деле, что там у меня –
В сердце, в середине, в сердцевине?!

А в сердце, в сердцевине образов – мужских и женских, созданных поэтом – та вечная основа наша, что живёт и будет жить:

Как страна, в основе мужества
У которой – доброта.

Основа, благодаря которой мы устояли. Основа, благодаря которой мы всегда были и всегда останемся сильными, мужественными, великодушными.

В. Лещенко

В один из вечеров я сидел в квартире у Галины Никитичны – вдовы поэта. Вместе с ней и старшей дочерью Светой мы вспоминали то далёкое время, читали стихи Игоря. А когда умолкали, то каждый, наверное, думал о своём, но если суммировать, то мы думали о бытии человека и бескрайних просторах за тёмным окном. Где-то, далеко, среди северных широт светит сейчас окно избы младшей дочери Веры, у которой растёт сын. Вторая дочь – Наташа живёт в селе под Кемерово. Бог щедро наделил её детьми. Жизнь продолжается...

Анатолий Филатов,
писатель, журналист

Стихам Игоря Ерёмина присущи высокая гражданственность, глубина мыслей, искренность чувств. Поэт любит природу и пишет о ней свежо и оригинально. Стихи И. Ерёмина просты по форме, им чужды вычурность и трюкачество. Видимо, поэтому они и привлекают внимание читателей.

Редакция газеты
«Амурский комсомолец»

Несмотря на большую семью, в личной жизни Ерёмин был несчастлив. Во всех его лирических стихотворениях – неподдельная, искренняя боль человека, так и не встретившего ту единственную, которая стала бы его путеводной звездой. Одно из таких стихотворений – «Свет в окне». Это трогательные воспоминания поэта о детстве, о тёплых, нежных отношениях между его родителями, пронизанные горечью от того, что сам он так и не сумел создать настоящую, крепкую семью.

Ирина Сергеевна Назарова,
доцент кафедры литературы
Благовещенского государственного
педагогического университета

Ерёмин очень ответственно работал со словом. Было время, когда я работал редактором районной газеты в Мазаново. И мы остались без секретаря редакции. Я предложил, вернее, попросил Игоря Алексеевича выручить нас, поработать секретарём. Он согласился. И газета наша, как бы приобрела новое лицо. Смотрелась свежо и интересно. А вот эта его требовательность к слову вызвала недовольство некоторых сотрудников. Одна из сотрудниц стала жаловаться в райком партии, что Ерёмин безбожно кромсает её материалы. По этому поводу меня вызывал первый секретарь райкома партии. Я и говорю ему: что вы хотите? Этот человек профессионал, член Союза писателей, поэт, и уж он то русский язык знает так, как не знаю его даже я – редактор. Я и сейчас, когда перечитываю, написанное Игорем, не устаю восхищаться его языком.

Иван Егорович Дыма,
заместитель редактора газеты
«Ленинский путь» в 1960-1970-е годы

ПАМЯТИ ИГОРЯ ЕРЁМИНА

Над городом снова рассвет,
Но пусто в притихшей квартире.
Темнее становится в мире,
Когда умирает поэт.

Всю жизнь он работал, как вол,
Ночами сидел над стихами,
И строчки в душе не стихали –
Завален бумагами стол.

Он жизнь завещал нам любить,
Её красотой любоваться,
Сам жить собирался, творить,
С поэзией не расставаться.

Он с нами, хотя его нет,
И пусто в притихшей квартире.
Темнее становится в мире,
Когда умирает поэт.

Станислав Демидов,
поэт, журналист

Он был стойким и категоричным в своих убеждениях. Как-то в редакцию газеты «Ленинский путь» принесли стихотворение участника Великой Отечественной войны. Отец отказался его публиковать. Его вызвали в горком и попросили объясниться. Он ответил, что уважает автора как участника войны, но не видит у него творческих способностей. Стихотворение так и не было напечатано в газете.

Вера Ерёмина,
дочь Игоря Ерёмина

Но мы-то помним его талантливые стихи, умные речи, образный язык. Мы – это те, кто знал его. Кто последними унесёт память о нём. Увы, последними, ибо не уверен, что всё изменится и Поэту воздадут по заслугам. Когда-то, провожая его в последний путь, мы были уверены, что, говоря словами классика, к его могиле не зарастёт народная тропа. Что туда будут ходить и стар и млад, как ходят к могилам великих людей. Но кто сегодня помнит, где похоронен Игорь Ерёмин?

Алексей Воронков,
писатель, поэт, журналист

**«СВЕТОМ СТАТЬ И ПЕРЕЖИТЬ СЕБЯ...»:
методические рекомендации к изучению
жизни и творчества Игоря Ерёмина на уроках
литературного краеведения**

*В который раз начну с начала...
И вот, послушная рукам,
Работа лодкой от причала
Идёт к заветным берегам.*

*И вдохновенье, как течение,
Всё убыстряет ход её.
А я-то думал: в ней мученье,
А в ней призвание моё.*

*А я-то начал с неохотой.
А нынче близок к торжеству.
Живу работой, как заботой,
И, значит, правильно живу...*

Игорь Ерёмин

**«Всё, что в жизни было, не около прошло,
а душу зацепило...»: беседа о поэтическом
творчестве Игоря Ерёмина**

В начале урока учитель говорит о том, что талантливый амурский поэт Игорь Алексеевич Ерёмин прожил недолгую жизнь. В 2019 году ему исполнилось бы 85 лет. Он ушёл из жизни совсем молодым, в сорок девять лет. Но успел написать много стихотворений, несколько поэм. Чтобы понять душу поэта, говорят надо заглянуть в неё. Пройти вместе с ним ту дорогу, по которой он шёл.

Живёт дорога век от века,
И миновать её нельзя.
В судьбе любого человека
Она – то стёжка, то стезя.

Далее педагог даёт краткие сведения о жизни поэта (они есть в данном сборнике в разделе «И я судьбы не знаю лучшей...»). На экране проецируются фотографии из личного архива поэта, соответствующие этапам его жизни.

Затем учитель спрашивает школьников о том, чтобы ещё они хотели узнать об Игоре Ерёмине?

Дети задают вопросы, которые их интересуют. Например: *когда и где начал писать? О чём его произведения? Легко ли писать стихи? Кто является литературным кумиром?*

Учитель. Игорь Ерёмина обладал талантом не просто привлечь внимание читателя, а захватить его своей мыслью, заставить увидеть и почувствовать так же, как видит и чувствует он сам. Таково, например, стихотворение «Окоём»:

Лишь солнце в окна заглянет,
Как мне не по себе в избе.
Опять неведомое тянет
Своими тайнами к себе.

И, за руку хватая деда,
Я тороплю его: – Идём!
Как будто нет важнее дела,
Чем в путь, чем видеть окоём...

А он то к лесу льнёт, то к сопке.
Казалось бы. Ещё подъём,
Ещё, казалось бы, по тропке
Шагнуть – и вот, он окоём!

А он подразнит – и где пашней,
Где лугом прочь, как резвый зверь.
Ну, мне ль с походкой черепашей
Гоняться вслед за ним теперь?

Зря, видно, трудности приемлю,
Раз не ступить за ту черту,
Где смотрит небо прямо в землю,
Свою теряя высоту.

Неужто это вроде чуда?..
Но к месту дед даёт понять,
Что окоём – та грань, докуда
Возможно оком мир объять.

И, сунув мне горбушку с солью,
Продолжит в утешенье мысль:
Мол, тем и тянет нас к раздолью,
Что безграничны ширь и высь.

А жив – считай, что нет предела
Людскому поиску ни в чём.
Всё впереди: и даль, и дело.
И, значит, новый окоём.

Учитель. Привлекательность поэзии Игоря Ерёмина объясняется его стремлением к высоте человеческого и гражданского долга, к пробуждению в душе читателя чувства добра, сопричастности к происходящему в мире, постоянством сердечного беспокойства.

Поэтика Игоря Ерёмина отличается строгостью и умеренностью в выборе выразительных средств, стремлением проникнуть сквозь звуковую оболочку к самой сердцевине-мысли. Он даже так и назвал одно из своих стихотворений – «Сердцевина».

Заранее подготовленный ученик читает стихотворение «Сердцевина».

Учитель. Проникнув в мир поэтических образов Игоря Ерёмина, мы начинаем ощущать истинную любовь поэта к родной природе. Несколько лет он прожил в Белогорске. И, конечно, не мог не запечатлеть красоты неширокой илистой реки Томь и просторов Белогорского района.

Я другой не помню
В мире красоты.

Над рекою Томью
Кручи высоки
Ряд смолистых сосен
С краю, и пестра,
Ниспадает осыпь
Глины и песка.
Посмотри на правый
Берег с высоты:
В заливные травы
Брошены цветы.
Посмотри на левый:
Возле белых гор
Вырос белый-белый
Город Белогорск.

Учитель. Ребята, как вы считаете, достаточно ли любить только родные леса и поля, речку и березку? Быть может, есть что-то такое, с чего начинается любовь к родине вообще? *(Любовь к малой родине всегда невозможна и без любви к своему родительскому дому, который каждому очень дорог).*

Учитель. Игорь Ерёмин очень любил своих родителей. Детские воспоминания о тяжёлых военных годах породили целую палитру тонких чувств и переживаний. На протяжении всей жизни Игорь Алексеевич помнил первого учителя, девочку, подарившую измученным бойцам букет сирени, женщин, ждущих письмо с фронта, горесть и радость победы. Эти воспоминания легли в основу многих стихотворений. Послушаем одно из них.

Перед лицом России не солгать...
Смотрели люди горше ликов древних
На них, уставших до смерти солдат,
Без боя оставляющих деревню.

А девочка, должно быть подражая
Обычным встречам довоенных лет,
К колонне запылённой подбежала
И в чьи-то руки сунула букет.

Букет сирени. Белые цветы,
Весёлые и нежные, как детство.
И странным было этой красоты
И боли человеческой соседство.
Солдату слёзы застилали свет,
Ладони жёг пучок сирени бледной,
Эх, как бы кстати был он в день победный,
И как некстати был теперь букет!

Нет, девочка была не виновата,
Что принесла не вовремя сирень,
Что верила по-прежнему в солдата,
А он деревню оставлял в тот день.

Стоял солдат с подарком и, страдая,
Соцветья трогал белые на нём
И утешал, как мог: – Дай срок, родная, –
Мы с силой соберёмся. Мы придём.

Едва ли он похож был на пророка:
В крови лицо и сапоги в грязи.
Но слушали солдата без упрёка
И девочка, и все, кто был вблизи.

И вроде бы надежды проблеск слабый
Скользил по лицам, как сквозная тень.
И молоком бойцов поили бабы,
И хлеб совали в руки, и сирень.

И до конца, пока у поворота
Последний взвод не потонул в пыли,
Всё вслед они смотрели, всё кого-то
Высматривали пристально в пыли.

Учитель. О чём бы ни писал Игорь Ерёмин, в его произведениях всегда были выражены чувства и мысли человека, судьба которого неразрывно связана с судьбой народа, с судьбой всей страны.

Оттого, спустя десятилетия,
После бед, что выпали и мне,
Не могу не думать, не болеть я
За судьбу людскую на земле.

Оттого и память беспокою
И в тревоге, как в дороге весь.
Защитить бы каждою строкою
Всё что в мире дружеского есть.

Учитель. Лучше о Ерёмине, чем сам он сам не скажешь.

Ну кто бы знал, какой огонь
Мог наконец-то в нём родиться!
Он просто ждал, а был он птицей,
Зажатой до поры в ладонь.
И пробует он силу крыл.
Пусть не лететь к другой планете,
И пусть не выше всех на свете,
Но выше, чем он прежде был.

Учитель. Игорь Алексеевич Ерёмин прожил недолгую, но яркую жизнь. Он оставил нам часть своей души — свою поэзию, которую приятно просто читать потому, что он ничего не навязывает читателю, в его поэзии отсутствует назидательность, нет готовых формул и рецептов. Он обращается к разуму и чувствам каждого конкретно-го читателя, от этого его стихотворения приобретают искренность и проникновенность.

ЛИТЕРАТУРА

Произведения И. А. Ерёмина

Отдельные издания

- Большак : поэмы. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1982. – 128 с.
Земные корни : стихи. – Москва : Современник, 1973. – 80 с.
Зрелость : стихи. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. – 128 с.
Ладони : стихи. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1972. – 94 с.
Окоём : стихи и поэмы. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1978. – 102 с.
Сердцевина : стихи и поэма. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1976. – 80 с.

Из публикаций в периодических изданиях и сборниках

Поэзия

- Актриса ; Ночь поэзии ; И впрямь, чего бы это ради... : стихи // Амур. комсомолец. – 1982. – 24 сент. – С. 3.
Армейцы : стихи // Амур. комсомолец. – 1964. – 15 нояб. – С. 4.
Байроны ; Стихи поэтов, павших на войне : стихи // Ленин. путь. – 1964. – 29 июля. – С. 4.
Баллада о трудном пути : стихи // Амур. комсомолец. – 1958. – 16 марта. – С. 3.
Берёза : стихи // Амур. комсомолец. – 1975. – 20 июня. – С. 4.
Бесконечность ; О работе : стихи // Ленин. путь. – 1976. – 4 дек. – С. 3.
Беспокойство : стихи // Амур. правда. – 1975. – 16 нояб. – С. 4.
Большак : поэма // Наш современник. – 1981. – № 2/3. – С. 52–68.
Будни : [отрывок из поэмы] // Ленин. путь. – 1978. – 19 авг. – С. 3.
Будни-праздники ; Работа : стихи // Ленин. путь. – 1976. – 26 окт. – С. 4.
В детстве : [глава 1 поэмы «Жених и невеста»] // Ленин. путь. – 1976. – 7 февр. – С. 3.
В дни войны : [отрывок из поэмы] // Амур. правда. – 1977. – 8 мая. – С. 4.

В дни войны ; Крестоносцы : стихи // Амур. комсомолец. – 1970. – 13 мая. – С. 4.

В дорогу : стихи // Амур. комсомолец. – 1961. – 9 апр. – С. 3.

В октябре ; Овации, как волны... : стихи // Совет. Приамурье. – 1979. – 15 дек. – С. 3.

В первом классе : стихи // Амур. комсомолец. – 1968. – 6 окт. – С. 4.

В последний раз по городу... ; Умереть не страшно... ; На привале... ; Упадёшь немой и охладелый... : стихи // Ленин. путь. – 1972. – 14 марта. – С. 4.

В путь : стихи // Дал. Восток. – 1959. – № 5. – С. 137–138.

В сорок первом : стихи // Совет. Приамурье. – 1971. – 12 авг. – С. 3.

В тревоге, как в трудной дороге... : стихи // Амур. комсомолец. – 1974. – 20 нояб. – С. 4.

В час затишья, в час бешеных гроз ... : стихи // Амур. правда. – 1982. – 28 окт. – С. 4.

В час затишья, в час бешеных гроз... : стихи // Дал. Восток. – 1982. – № 10. – С. 104–105.

Вернулся в город юности моей... : стихи // Ленин. путь. – 1991. – 20 нояб. – С. 3.

Вернулся в город юности моей... ; Дворик ; Ломают старые дома ; Мы забрели с дочуркой... ; Осень на Амуре : стихи // Мой город : стихи и песни. – Благовещенск : РИО, 1998. – С. 32–37.

Верочка : рассказ в стихах // Ленин. путь. – 1965. – 20 марта. – С. 3.

Весенние стихи : стихи // Амур. комсомолец. – 1966. – 18 мая. – С. 3. – Содерж.: Как будто бы из ружей... ; Ночные улицы чисты...

Весть пришла : [отрывок из поэмы] // Ленин. путь. – 1977. – 29 мая. – С. 3.

Вёсны : стихи // Берёзовые окна : сб. стихов. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1963. – С. 3–27. – Содерж.: В час затишья, в час бешенных гроз... ; Уважайте человека ; Давайте верить в лучшее ; Спят девчата ; Предостережение ; Осень на Амуре ; Махорка ; Отъезд ; Сундуки в полкомнаты... ; Деньги ; Дождь ; Напоминание ; От совершенства к совершенству.

Вечен дух первопроходца : стихи // Дал. Восток. – 1982. – № 2. – С. 10–12. – Содерж.: Мать ; Поездка на БАМ.

Вот и всё. Не успел... ; Я-то думал всегда.. : стихи памяти белогор. поэта Д. Цирулика // Ленин. путь. – 1974. – 12 июня. – С. 4.

Возвращение : стихи // Амур. комсомолец. – 1970. – 7 янв. – С. 3.

- Возвращение : стихи // Ленин. путь. – 1975. – 29 марта. – С. 3.
Возвращение с войны : стихи // Амур. правда. – 1975. – 25 сент. – С. 3.
Воспоминанье ; Скворечня ; Два маленьких слова «не надо»... :
стихи // Амур. комсомолец. – 1971. – 26 марта. – С. 4.
Всё для фронта : [отрывок из поэмы] // Ленин. путь. – 1976. –
10 июля. – С. 3.
Встреча ; Дождь : стихи // Дал. Восток. – 1961. – № 4. – С. 109–110.
Встреча с детством : стихи // Ленин. путь. – 1975. – 12 дек. – С. 4.
Встреча с детством ; Да, было нелегко, – не скрою... ; Мать ;
Сердцевина ; Утром ; Вот иду я без дороги... : стихи // Дал. Восток. –
1976. – № 4. – С. 13–16.
Гитара : стихи // Амурец. – 1965. – 17 янв. – С. 3.
Годен! ; Хлеб ; В больнице ; Над рекою Томью : стихи // Ленин.
путь. – 1965. – 31 мая. – С. 4.
Голубой автобус : стихи // Ленин. путь. – 1963. – 12 окт. – С. 3.
Город юности : стихи // Амур. правда. – 1979. – 2 сент. – С. 4.
Гроза ; А что мне ясно? : стихи // Красное знамя. – 1962. –
9 июня. – С. 4.
Губная гармоника ; Поездка в город ; Не надо : стихи // Ленин.
путь. – 1975. – 8 янв. – С. 4.
Давайте верить в лучшее ; Берёза : стихи // Амур. комсомолец. –
1960. – 7 авг. – С. 3.
Далёкий свет : поэма // Наш современник. – 1977. – № 9. – С. 52–68.
22 апреля 1870 года : [стихи о В. И. Ленине] // Амур. правда. –
1980. – 22 апр. – С. 4.
День Победы : стихи // Амур. комсомолец. – 1975. – 7 нояб. – С. 3.
День Победы : стихи // Наш современник. – 1975. – № 2. – С. 73–75.
Дождь : стихи // Амур. правда. – 1960. – 20 сент. – С. 3.
Дорога : стихи // Амур. комсомолец. – 1970. – 4 февр. – С. 4.
Естественность ; Мониторщик ; Дворик ; Махорка : стихи //
Коммунист. труд. – 1972. – 22 авг. – С. 3.
Есть у сердца свойство : [отрывок из поэмы] // Ленин. путь. –
1976. – 19 июня. – С. 3.
Женщины : стихи // Амур. комсомолец. – 1983. – 6 марта. – С. 1.
Живопись : стихи // Амур. правда. – 1970. – 6 сент. – С. 4.
Зал ожидания : стихи // Амур. правда. – 1965. – 14 апр. – С. 4.
Земля : [глава из поэмы] // Амур. правда. – 1983. – 6 февр. – С. 4.
Земля : [глава из поэмы] // Амур. правда. – 1982. – 23 нояб. – С. 4.

Земля : стихи // Амур. комсомолец. – 1979. – 22 июля. – С. 4.

Земля : стихи // Ленин. путь. – 1981. – 16 апр. – С. 3.

Из детства : стихи // Совет. Приамурье. – 1970. – 10 янв. – С. 3

Из первой книги : стихи // Дал. Восток. – 1971. – № 6. – С. 3–5. –

Содерж.: Молодая пора ожидания... ; Скворечня ; Кино ; Русская печь ; Опять бессонница ночная... ; Перед встречей ; Как будто бы из ружей...

Ильич в пути : [глава из поэмы] // Амур. правда. – 1978. – 30 апр. – С. 4.

Искра : [отрывок из поэмы] // Ленин. путь. – 1978. – 21 янв. – С. 3.

Июнь-Корань : стихи // Амур. правда. – 1982. – 12 февр. – С. 4.

К жизни : стихи // Амур. комсомолец. – 1959. – 1 июля. – С. 4.

Как любит женщина?... ; Уж не сам ли Бог нам помог!.. : стихи // Ленин. путь. – 1972. – 5 авг. – С. 3.

Какая ясная погода!... ; В октябре ; Ты вновь дорожным занят сбором... : стихи // Амур. комсомолец. – 1972. – 10 сент. – С. 4.

Кино : стихи // Ангара. – 1966. – № 1. – С. 55.

Кино в селе : стихи // Совет. Приамурье. – 1971. – 1 мая. – С. 3.

Комбайнёр ; Сосед ; Опять весь день снаружи... ; Подснежник : стихи // Приамурье моё – 1974 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабаров. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1974. – С. 3–8.

Красно солнышко : поэма // Ленин. путь. – 1973. – 31 марта. – С. 3 ; 3 апр. – С. 4 ; 30 мая. – С. 3 ; 26 июня. – С. 3 ; 15 сент. – С. 4 ; 1 дек. – С. 3.

Красные следопыты ; Встреча : стихи // Амур. правда. – 1975. – 28 июня. – С. 4.

Куда идёт двадцатый век ; Овации, как волны, хлынут к сцене... ; Зимы заснеженные виды ; Из таёжного блокнота ; Моторщик : стихи // Приамурье моё – 1972 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабаров. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1972. – С. 136–140.

Ладони ; В лесу : стихи // Совет. Приамурье. – 1971. – 16 марта. – С. 3.

Ленин за работой : стихи // Наш современник. – 1977. – № 11. – 105–107.

Ленин за работой ; Отец ; Работа : стихи // Приамурье моё – 1977 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабаров. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1977. – С. 5–8.

Ленин за работой ; Шофёр обедает ; Дожил!.. сам себе противен... : стихи // Ленин. путь. – 1977. – 23 апр. – С. 3.

Луноход : стихи // Ленин. путь. – 1977. – 26 февр. – С. 3.

Любовь : стихи // Наш современник. – 1970. – № 3. – 111.

Любовь и жалость : стихи // Наш современник. – 1988. – № 8. – С. 107–115. – Содерж.: Не хватало тишины... ; Возвращение ; Солдатик ; Возвращение с войны ; Губная гармоника ; Русские икары ; Лампа ; Работа ; Ладони ; Ленин за работой ; Родился сын ; Санная дорога ; Повестка срочная пришла... ; Любовь ; Берёза ; Ты вновь дорожным занят сбором... ; Письмо с фронта (из поэмы «Солдатка») ; Русская душа (из поэмы «Большак»).

Любовь ; Перед встречей ; Над рекою Томью : стихи // Амур. правда. – 1966. – 19 марта. – С. 4.

Май : [отрывок из поэмы] // Ленин. путь. – 1978. – 20 мая. – С. 3.

Мастер : стихи // Ленин. путь. – 1975. – 26 нояб. – С. 3.

Материнская кровь : стихи // Ленин. путь. – 1975. – 1 марта. – С. 3.

Мишка-никудышка : поэма-сказка : [глава 1] // Ленин. путь. – 1982. – 22 янв. – С. 4.

Мишка-никудышка : поэма-сказка : [глава 2] // Ленин. путь. – 1982. – 5 февр. – С. 4.

Мишка-никудышка : поэма-сказка : [глава 3] // Ленин. путь. – 1982. – 6 февр. – С. 4.

Мне говорят ; Куда идёт двадцатый век... : стихи // Амур. комсомолец. – 1971. – 10 нояб. – С. 4.

Мне нравилась кудрявая красавица : стихи // Амур. комсомолец. – 1959. – 5 июля. – С. 3.

Мой герой ; Вернулся в город юности моей : стихи // Совет. Приамурье. – 1979. – 9 авг. – С. 3.

Мой герой ; Земля : стихи // Дал. Восток. – 1979. – № 8. – С. 3–4.

Мосты : стихи // Амур. комсомолец. – 1981. – 21 авг. – С. 4.

На берегу пустынных волн... : стихи // Амур. комсомолец. – 1957. – 1 мая. – С. 4.

На Зее-реке : отрывок из поэмы «Большак» // Амур. правда. – 1980. – 6 нояб. – С. 4.

На охоте : [из стихов о Ленине] // Ленин. путь. – 1975. – 17 мая. – С. 4.

На привале ; Так он медлителен и важен... : стихи // Сов. Приамурье. – 1980. – 10 янв. – С. 3.

На уроке и на перемене: [глава 2 поэмы «Жених и невеста»] // Ленин. путь. – 1976. – 27 марта. – С. 3.

Над рекою Томью ; Мальчики : стихи // Амур. правда. – 1974. – 24 марта. – С. 4.

Напоминание ; Беспокойство : стихи // Ленин. путь. – 1962. – 4 нояб. – С. 3.

Никаноровна : поэма // Ленин. путь. – 1977. – 28 мая. – С. 3 ; 29 июня. – С. 3.

Ночь поэзии : стихи // Ленин. путь. – 1981. – 11 июля. – С. 3.

Ночью в поезде : стихи // Ленин. путь. – 1964. – 1 авг. – С. 4.

Ну, кто б догадался о том... : стихи // Амур. комсомолец. – 1972. – 5 сент. – С. 4.

О детстве ; Ночью в поезде : стихи // Амур. правда. – 1976. – 6 февр. – С. 4.

О детстве ; Сердцевина : стихи // Ленин. путь. – 1975. – 22 июля. – С. 3.

О Ленине ; Память детства : стихи // Знамя Ленина. – 1971. – 14 июля. – С. 4.

О хлебе ; Ночная смена : стихи // Совет. Приамурье. – 1979. – 29 дек. – С. 4.

Однажды вечером : стихи // Ленин. путь. – 1966. – 31 мая. – С. 3.

Окоём : стихи // Ленин. путь. – 1977. – 27 авг. – С. 3.

Осень на Амуре : стихи // Хрестоматия по географии Амурской области. – Благовещенск : Хабаров. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1986. – С. 65.

Отец ; Красные следопыты ; Плотник ; Работа // Наш современник. – 1978. – № 1. – С. 122–126.

Отцы ; Печник ; Ладони : стихи // Амур. комсомолец. – 1970. – 15 марта. – С. 3.

Своими называют города... ; Отъезд : стихи // Амур. правда. – 1975. – 14 нояб. – С. 4.

Охота ; На Зее реке ; Возвращение с войны ; Грибы ; Сердцевина : стихи // Приамурье моё – 1975 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабаров. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1975. – С. 82–89.

Памяти матери ; Мой герой : стихи // Амур. комсомолец. – 1979. – 25 февр. – С. 4.

Первая ссылка ; В октябре : стихи // Тихоокеан. звезда. – 1970. – 23 янв. – С. 4.

Первая ссылка ; Естественность, естественность во всём... : стихи // Дал. Восток. – 1970. – № 4. – С. 100–101.

Первая ссылка ; Прост, как правда ; На съезде : стихи о Ленине // Амур. комсомолец. – 1970. – 21 янв. – С. 4.

Перед встречей ; У лесного ручья ; На север, – сказал он, – на север?... ; На асфальте ; В тишине ; Ни одиночества, ни страха... : стихи // Ленин. путь. – 1971. – 6 авг. – С. 3.

Песня : стихи // Амур. комсомолец. – 1972. – 19 марта. – С. 3.

Петухи : стихи // Наш современник. – 1974. – № 1. – С. 90–94.

Петухи : стихи // Стоят на Амуре русские сёла. – Благовещенск : Хабаров. кн. изд-во, 1978. – С. 122–125.

Петухи ; Солдатик ; Грибы ; Возвращение с войны : стихи // Кадры – селу. – 2004. – 8 сент. – С. 7.

Письмо : стихи // Приамурье : альм. для детей. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1958. – № 1. – С. 11.

Письмо : стихи // Амур. правда. – 1956. – 15 нояб. – С. 3.

Письмо с фронта : стихи // Победа. – 1972. – 12 февр. – С. 4.

Пленный : стихи // Ленин. путь. – 1981. – 2 окт. – С. 3.

Плотник : стихи // Лит. Россия. – 1979. – 23 марта. – С. 4.

По грибы : стихи // Ленин. путь. – 1975. – 28 мая. – С. 3.

Повестка срочная была : стихи // Совет. Приамурье. – 1974. – 9 февр. – С. 4.

Поездка на БАМ : стихи // Ленин. путь. – 1981. – 12 сент. – С. 3.

Полёт : стихи // Амур. комсомолец. – 1970. – 9 авг. – С. 3.

Посвящение дочери : стихи // Амур. правда. – 1979. – 29 апр. – С. 4.

Приамурье : стихи // Ленин. путь. – 1964. – 29 авг. – С. 4.

Прилив любви : стихи // Дал. Восток. – 1983. – № 2. – С. 39–40. – Содерж.: Ротный ; Женское участие ; А я прождал тебя так долго... ; Ранний снег.

Пройду по Родине ; В поезде : стихи // Ленин. путь. – 1975. – 6 авг. – С. 4.

Пуляли пробитые стихи : стихи // Алые паруса. – 2005. – № 10. – С. 46. – Содерж.: Перед войной ; Стихи поэтов, павших на войне... ; Я жил на траурной земле...

Пулями пробитые стихи ; В купе, с гитарой наготове... ; Кино в селе : стихи // Наш современник. – 1970. – № 9. – С. 3–5.

Пшеничная волна : рассказ бывшего моряка Ивана Егорова о своей новой профессии : стихи // Ленин. путь. – 1964. – 26 авг. – С. 3.

Пышка : [отрывок из поэмы] // Ленин. путь. – 1977. – 10 авг. – С. 3.

Расстрел ; Мосты ; Подлесок ; Ночью в поезде : стихи // Ленин. путь. – 1981. – 30 мая. – С. 3.

Родился сын : стихи // Приамурье : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1957. – № 6. – С. 136–137.

Родник : стихи : [памяти белогор. поэта Д. Цирулика] // Ленин. путь. – 1974. – 12 июня. – С. 3.

Романтика : стихи // Амур. правда. – 1965. – 17 янв. – С. 4.

Россия ; Губная гармошка ; Печник : стихи // Совет. Приамурье. – 1970. – 7 июля. – С. 3.

Россия ; Любовь : стихи // Совет. Приамурье. – 1970. – 24 окт. – С. 3.

Россия с хлеба началась... ; Что же вы дурачитесь, ребята... : стихи о хлебе // Амур. комсомолец. – 1970. – 25 окт. – С. 3.

Россиянки ; Душу трогает : стихи // Наш современник. – 1988. – № 8. – С. 2.

Ротный ; Водоём : стихи // Ленин. путь. – 1981. – 16 апр. – С. 3.

Русская речь ; Россиянки ; Хлеб ; Воспоминанье ; Любовь : стихи // Знамя труда. – 1971. – 24 июля. – С. 4.

Русские Икары ; Лампа : стихи // Ленин. путь. – 1977. – 30 июля. – С. 3.

Русские Икары ; Луноход : стихи // Амур. правда. – 1977. – 4 дек. – С. 4.

Рязанец : стихи // Амур. правда. – 1979. – 17 июня. – С. 4.

Свет в окне : стихи // Амур. комсомолец. – 1975. – 5 янв. – С. 4.

Светлячок ; Девочка : стихи // Амур. правда. – 1976. – 5 мая. – С. 4.

Своими называют города... ; Отъезд : стихи // Ленин. путь. – 1975. – 14 нояб. – С. 3.

Сирень : стихи // Дал. Восток. – 1968. – № 1. – С. 83.

Скрипка ; Ремесло ; Петухи ; Есть в марте оттепель такая... : стихи // Наш современник. – 1974. – № 1. – С. 90–94.

Славный путь : стихи // Амур. комсомолец. – 1957. – 3 марта. – С. 4.

Слово Ленина : стихи // Амур. правда. – 1974. – 24 февр. – С. 4.

Снег : стихи // Амур. комсомолец. – 1970. – 23 дек. – С. 3.

Снег, всюду снег : стихи // Совет. Приамурье. – 1981. – 7 янв. – С. 3.

Снимите шапки, как в священном храме! : стихи // Знамя Октября. – 1972. – 17 февр. – С. 3.

Солдат : [отрывок из поэмы] // Ленин. путь. – 1977. – 22 янв. – С. 3.

Солдатик ; Возвращение с войны ; Завещание ; Красные следопыты ; Осень на Амуре ; Ты опять говоришь о другой... : стихи // Дал. Восток. – 1975. – № 9. – С. 3–6.

Солдатка : поэма // Наш современник. – 1975. – № 5. – С. 90–95.

Сосед ; Грибы ; Губная гармоника ; Возвращение с войны ;
Мать ; Солдатик ; Пройду по Родине : стихи // Наш современник. –
1977. – № 1. – С. 18–26.

Спасибо, жизнь : стихи // Ленин. путь. – 1963. – 4 янв. – С. 3.

Справедливость : стихи // Амур. комсомолец. – 1962. – 31 авг. – С. 4.

Справедливость : стихи // Дал. Восток. – 1964. – № 3. – С. 20–21.

Спят девочки : стихи // Дал. Восток. – 1961. – № 4. – С. 118.

Средь жары полдневной... ; В пригороде, в старом парке... :
стихи // Совет. Приамурье. – 1980. – 16 авг. – С. 3.

Старые дома : стихи // Совет. Приамурье. – 1969. – 5 дек. – С. 3.

Стихи о песне : стихи // Амур. правда. – 1981. – 13 сент. – С. 4.

Стихи поэтов, павших на войне : стихи // Амур. комсомолец. –
1964. – 11 сент. – С. 4.

Судьбы не знаю лучшей ; Плотник : стихи // Амур. правда. –
1977. – 16 янв. – С. 4.

Сумерки : стихи // Амур. комсомолец. – 1967. – 15 марта. – С. 3.

Талантливые мальчики ; Весеннее : стихи // Совет. Приамурье. –
1970. – 27 авг. – С. 3.

Тёзка : поэма // Амур. комсомолец. – 1982. – 7 нояб. – С. 3.

Тронет вожжи отец... : стихи // Амур. комсомолец. – 1979. –
5 янв. – С. 4.

Ты вновь дорожным занят сбором... : стихи // Ленин. путь. –
1972. – 10 июня. – С. 4.

Ты вышла замуж... : стихи // Амур. комсомолец. – 1959. – 4 сент. – С. 3.

Ты не только в объятьях мила... : стихи // Амур. комсомолец. –
1979. – 23 февр. – С. 4.

Тында ночью ; Вот живёшь один и маешься... : стихи // Ленин.
путь. – 1982. – 17 июля. – С. 3.

Уж не помню, как мы дотянули... : [отрывок из поэмы «Жених
и невеста»] // Ленин. путь. – 1977. – 8 янв. – С. 3.

Утром ; Девочки : стихи // Амур. комсомолец. – 1964. – 28 окт. – С. 4.

Утром ; Мать : стихи // Амур. правда. – 1975. – 23 нояб. – С. 4.

Уходят поезда ; В последний раз быстрее стрижей... : стихи //
Амур. комсомолец. – 1967. – 29 нояб. – С. 3.

Учитель ; Капель ; Дворик ; Русская печь : стихи // Амур. комсо-
молец. – 1972. – 30 янв. – С. 3.

Хлеб ; Письмо с фронта ; Собкор ; Мне говорят: упрямство вы-
кинь... ; Снимите шапки, как в священном храме... : стихи // Дал. Во-
сток. – 1972. – № 1. – С. 7–9.

Ходоки ; В дни войны ; Санная дорога ; Из детства : стихи // Наш современник. – 1969. – № 7. – С. 3–5.

Ходоки ; Дочери ; Уходят поезда ; Русская печь : стихи // Амур. правда. – 1970. – 9 янв. – С. 4.

Человек : стихи // Дал. Восток. – 1988. – № 12. – С. 3.

Что такое счастье : стихи // Амур. комсомолец. – 1961. – 27 авг. – С. 3.

Школа : стихи // Дал. Восток. – 1979. – № 2. – С. 88–90.

Школьница : стихи // Амур. комсомолец. – 1960. – 15 мая. – С. 4.

Шли к Ленину, – и другу, и вождю... ; Естественность, естественность во всём... ; Снег ; Капель ; Припомним её бытие... ; Санная дорога ; Кино ; В моём окне с утра видна... : стихи // Приамурье поэтическое. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1970. – С. 36–43.

Юность моя : стихи // Амур. правда. – 1958. – 3 авг. – С. 1.

Я люблю тебя, Приамурье : стихи // Ленин. путь. – 1964. – 4 авг. – С. 3.

Я люблю этот мир : стихи // Амур. правда. – 1959. – 21 нояб. – С. 3.

Проза, публицистика, критика

В поисках горной малины : [о прозе Н. Фотьева] // Амур. правда. – 1981. – 7 окт. – С. 4.

Галя : очерк // Амур. комсомолец. – 1959. – 9 сент. – С. 3.

Где золото роют в горах : очерк : [о Красноармейском прииске] // Амур. комсомолец. – 1958. – 21 сент. – С. 1–2.

Два выходных дня и ...скука : очерк // Биробиджан. звезда. – 1967. – 29 сентября. – С. 3.

История 18-ти выговоров : очерк // Амурский комсомолец. – 1958. – 23 нояб. – С. 3.

Когда поют соловьи : [заметка о кинофильме «Когда поют соловьи...»] // Амур. комсомолец. – 1957. – 12 мая. – С. 4.

Когда нет желания : очерк // Амур. комсомолец. – 1957. – 31 мая. – С. 2.

Люди преградили путь к стихии : [о наводнении летом 1958 г.] // Амур. комсомолец. – 1958. – 27 июля. – С. 3.

Марк Гофман и К° : фельетон // Амур. комсомолец. – 1958. – 19 марта. – С. 4.

На переднем крае земли : [о романе П. Халова «На краю земли»] // Амур. правда. – 1981. – 8 дек. – С. 4.

От спички загорается костёр : о поэте Д. Цирулике // Амур. правда. – 1980. – 13 авг. – С. 3.

Первая весна : очерк // Амур. комсомолец. – 1958. – 14 мая. – С. 1.

Самый первый день работы : рассказ // Ленин. путь. – 1964. – 5 мая. – С. 4 ; 6 мая. – С. 4.

Сплав мысли и чувства : очерк : [о творчестве хабаровского поэта М. Асламова] // Дал. Восток. – 1981. – № 8. – С. 154–157.

Счастье Владимира Малого : очерк // Амур. комсомолец. – 1964. – 16 сент. – С. 3.

Товарищи : очерк // Амур. комсомолец. – 1959. – 9 дек. – С. 2–3.

Ток высокого напряжения : Игорь Ерёмин о творчестве Игоря Игнатенко : [выступление на Амур. радио, 1979 г.] // Игнатенко, И. Д. Избранное : в 3 т. Т. 3. Воспоминания. Очерки. Статьи. Рецензии / И. Д. Игнатенко. – Благовещенск : Зея, 2012. – С. 473–476.

30 минут из жизни Лёни Мацкевича : очерк // Амур. комсомолец. – 1959. – 14 окт. – С. 3.

У опасной черты : [о пьесе В. Любимовой] // Амур. комсомолец. – 1957 год. – 2 июня. – С. 4.

Этот древний жанр... : о баснях Н. Фотьева // Дал. Восток. – 1980. – № 12. – С. 145–148.

Этот древний жанр... : заметки о баснях Н. Фотьева // Ленин. путь. – 1974. – 20 дек. – С. 3 ; 27 дек. – С. 4.

Я о жизни вот какого мнения... : [о жизни и творчестве Д. Цирулика] // Амур. комсомолец. – 1974. – 3 апр. – С. 4 ; 5 апр. – С. 3 ; 7 апр. – С. 3.

Я о жизни вот какого мнения... : [о жизни и творчестве Д. Цирулика] // Ленин. путь. – 1973. – 11 мая. – С. 3 ; 12 мая. – С. 3 ; 16 мая. – С. 4.

Литература о жизни и творчестве И.А. Ерёмина

Белогорск помнит своего поэта [Электронный ресурс] : [в г. Белогорске установили мемориал. доску памяти И. Ерёмина]. – Режим доступа: <https://ampravda.ru/2004/10/02/018065.html>.

В Благовещенске увековечили память двух амурских литераторов [Электронный ресурс] : [в г. Благовещенске установили мемориал. доски памяти И. Ерёмина и Б. Машука]. – Режим доступа: <https://www.amur.info/news/2015/06/04/94996>.

Вейцман, З. Беспокойство : [о кн. «Земные корни» И. Ерёмина] / З. Вейцман // Зейс. огни. – 1974. – 30 янв. – С. 4.

Викулов, С. Доверяясь естественному чувству : [о кн. «Земные корни» И. Ерёмина] / С. Викулов // Ерёмин, И. А. Земные корни : стихи / И. А. Ерёмин. – Москва : Современник, 1973. – С. 3–4.

Викулов, С. Не из глубинки – из глубины : [об И. Ерёмине] // Амур : лит.-художеств. альм. – 2005. – № 4. – С. 91–92.

Викулов, С. Не из глубинки – из глубины : [об И. Ерёмине] / С. Викулов // Наш современник. – 1988. – № 8. – С. 105–106.

Викулов, С. Не из глубинки – из глубины [Электронный ресурс] : [об И. Ерёмине] / С. Викулов. – Режим доступа: <http://amurpoet.ru/pages/eremin/about=0002.php>.

Воронков, А. Игорь Ерёмин : слава и забвение / А. Воронков // Амур. дилижанс. – 2004. – 20 сент. – С. 6, 11.

Воронков, А. Сердце поэта : [об И. Ерёмине] / А. Воронков // Амур : лит.-художеств. альм. – 2007. – № 6. – С. 87–91.

Воронков, А. Сердце поэта : [об И. Ерёмине] / А. Воронков // Кадры – селу. – 2004. – 8 сент. – С. 6–7.

Воронков, А. Энергия сердца : [о кн. «Сердцевина» И. Ерёмина] / А. Воронков // Амур. комсомолец. – 1976. – 6 авг. – С. 4.

Воронков, А. Это был поэт с большой буквы : [об И. Ерёмине] / А. Воронков // Проспект Пушкина. – 2004. – 2 апр. – С. 2.

Гуркин, В. По плечу серьёзные задачи : о развитии современ. поэзии Дал. Востока : [есть материал о творчестве И. Ерёмина] / В. Гуркин // Дал. Восток. – 1978. – № 10. – С. 134–142.

Дегтярёв, Н. Одиночество : стихи : [памяти И. Ерёмина] / Н. Дегтярёв // Проспект Пушкина. – 2004. – 2 апр. – С. 2.

Дегтярёв, Н. «Светом стать и пережить себя...» : 17 сент. 2019 г. дальневост. поэту И. Еремину исполнилось бы 85 лет // Просто газета. – 2019. – № 37. – С. 4.

Дегтярёв, Н. «Светом стать и пережить себя...» [Электронный ресурс]: 17 сент. 2019 г. дальневост. поэту И. Еремину исполнилось бы 85 лет. – Режим доступа: <http://xn---8sbakll9bahkmmg.xn--plai/news/media/2019/9/17/svetom-stat-i-perezhit-sebya/>.

Демидов, С. Верность традиции : [о поэме «Солдатка» И. Ерёмина] / С. Демидов // Амур. правда. – 1975. – 31 окт. – С. 4.

Демидов, С. Мир открытый и радостный : [о кн. «Ладони» И. Ерёмина] / С. Демидов // Амур. комсомолец. – 1972. – 10 сент. – С. 4.

Демидов, С. Памяти Игоря Ерёмина : стихи // Демидов, С. М. Под пеплом искра золотая : стихи разных лет / С. М. Демидов. – Благовещенск : Радуга, 2005. – С. 105.

День памяти «Я люблю тебя, Приамурье», посвященный 85-летию И. А. Ерёмина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ok.ru/domofits/topic/70856199951687>.

Добровенский, Р. Быть первооткрывателем : [о кн. «Ладони» И. Ерёмина] / Р. Добровенский // Дал. Восток. – 1976. – № 6. – С. 148–149.

Ерёмин Игорь // Игнатенко И. Неумолкающее эхо : амур. поэты о Великой Отечеств. войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье-2015 : альманах. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 18–19.

Ерёмин Игорь Алексеевич (1934–1983) : [некролог] // Амур. комсомолец. – 1983. – 27 апр. – С. 4.

Ерёмин Игорь Алексеевич : [биогр. справка и список лит.] // Амурская писательская организация, 1977–2007. – Благовещенск : РИО, 2007. – С. 17.

Ерёмин Игорь Алексеевич : судьба Родины и народа : [тема Великой Отечеств. войны в творчестве И. Ерёмина] // «За счастье Родины моей...» : амурские писатели и поэты о Великой Отечеств. войне : информ.-библиогр. обзор / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьёва-Амурского ; сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2016. – С. 101–114.

Ерёмин Игорь Алексеевич [Электронный ресурс] : [биогр. справка и список лит.]. – Режим доступа: <http://www.aodb-blag.ru/counter/counter.php?book=9>.

Ерёмин Игорь Алексеевич [Электронный ресурс] : [биогр. справка и список лит.]. – Режим доступа: <https://www.turkaramamotoru.com/ru>.

Ерёмин Игорь Алексеевич [Электронный ресурс] : [биогр. справка и список лит.]. – Режим доступа: <http://xn--80afg3aiou.xn--plai/sources/peoples/culture/culture-x=40.php>.

Ерёмин Игорь Алексеевич [Электронный ресурс] : [биогр. справка и список лит.]. – Режим доступа: <https://peoplelife.ru/103336>.

Ерёмин Игорь Алексеевич [Электронный ресурс] : публикации в периодических изданиях. – Режим доступа: <https://licht.ovh/tonen/tab/ru>.

Ерёмин, И. «Гражданственность – талант нелёгкий буквы» : [интервью с И. Ерёминым] / провёл С. Демидов // Амур. комсомолец. – 1974. – 4 янв. – С. 3.

Ерёмин, И. Земные корни : [И. Ерёмин о создании сб. стихов «Земные корни»] // Авангард. – 1974. – 12 янв. – С. 4.

Ерёмин, И. Ленинская тема в сердце навсегда : [в творчестве И. Ерёмина] / И. Ерёмин // Ленин. путь. – 1980. – 22 апр. – С. 3–4.

Ерёмин, И. Мне говорят... ; Куда идёт двадцатый век... : [стихи ; краткая биогр. справка И. Ерёмина] // Амур. комсомолец. – 1971. – 10 нояб. – С. 4.

Ерёмин, И. Пуляли пробитые стихи : [в г. Белогорске установили мемориал. доску памяти И. Ерёмина] // Алые паруса. – 2005. – № 10. – С. 46.

Имя белогорского поэта будет увековечено [Электронный ресурс] : [в г. Белогорске установили мемориал. доску памяти И. Ерёмина]. – Режим доступа: <http://www.tvsv-media.ru/news/2004/09/22.html>.

Кабушкин, И. Большак, вместивший судьбу народа : [о кн. «Большак» И. Ерёмина] / И. Кабушкин // Амур. комсомолец. – 1982. – 18 апр. – С. 3.

Кадомцев, С. Поэма о солдатке: [о творчестве И. Ерёмина] / С. Кадомцев // Ленин. путь. – 1975. – 6 авг. – С. 4.

Камышникова, И. О сборнике «Земные корни» И. Ерёмина // И. Камышникова // Неделя. – 1973. – 3 авг. – С. 14.

Колыхалов, В. На крыльях таланта : [о творчестве амур. литераторов; есть о И. Ерёмине] / В. Колыхалов // Комсом. правда. – 1975. – 20 февр. – С. 4.

Кузнецов, А. Дань памяти : в обл. центре установят мемориал. доски трём амур. литераторам : [Б. Машук, И. Ерёмин, В. Яганов] / А. Кузнецов // Благовещенск. – 2015. – 22 мая. – С. 4.

Лебедев, Б. Тема Родины и народа : [о кн. «Большак» И. Ерёмина] / Б. Лебедев // Амур. правда. – 1982. – 16 мая. – С. 4.

Лещенко, В. Жизни основа : [о кн. «Сердцевина» И. Ерёмина] / В. Лещенко // Ленин. путь. – 1977. – 10 сент. – С. 4.

Маслов, О. В круге горизонта : [о кн. «Окоём» И. Ерёмина] / О. Маслов // Амур. правда. – 1978. – 2 апр. – С. 4.

Маслов, О. Живое слово : [о кн. «Земные корни» И. Ерёмина] / О. Маслов // Амур. комсомолец. – 1973. – 9 дек. – С. 4.

Назарова, И. С. Восприятие русско-китайских отношений в литературном творчестве амурских писателей 60-х годов XX века / И. С. Назарова // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия : сб. ма-

териалов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. П. Забияко. – Вып. 9. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2010. – С. 301–311.

Назарова, И. С. «Всё, что в жизни было, не около прошло, а душу зацепило...» : вспоминая Игоря Ерёмина / И. С. Назарова // Амур : лит.-художеств. альм. – 2019. – № 18. – С. 59–64.

Назарова, И. С. Ерёмин Игорь Алексеевич : [биогр. справка и список лит.] / И. С. Назарова // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 142–145.

Назарова, И. С. Образ ладоней в лирике И. Ерёмина / И. С. Назарова // Лосевские чтения – 2010 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. – Вып. 3. – С. 87–96.

Назарова, И. С. Несколько штрихов к недописанному портрету Игоря Ерёмина / И. С. Назарова // Лосевские чтения – 2018 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. – Вып. 11. – С. 32–43.

Недельский, Н. Величие мыслей и дел современника : [есть о творчестве И. Ерёмина и его кн. «Сердцевина»] / Н. Недельский // Амур. правда. – 1976. – 6 февр. – С. 4.

Недельский, Н. Вехи : [есть о творчестве И. Ерёмина] // Недельский, Н. Очерки поэзии Приамурья. – Благовещенск : [б.и], 1994. – С. 9–12.

Недельский, Н. Новая встреча с поэтом : [о кн. «Сердцевина» И. Ерёмина] / Н. Недельский // Амур. правда. – 1976. – 20 авг. – С. 4.

Недельский, Н. С любовью к Родине, к России : [о кн. «Большак» И. Ерёмина] / Н. Недельский // Амур. правда. – 1981. – 27 июня. – С. 4.

Полтавцев, И. Дни и годы с Игорем Ерёмным / И. Полтавцев // Амур : лит.-художеств. альм. – 2005. – № 4. – С. 91–92.

Полтавцев, И. Игорь Ерёмин – друг, человек, поэт и гражданин / И. Полтавцев // Амур. дилижанс. – 2003. – 23 апр. – С. 6.

Потапова, С. Творчество писателей и поэтов Дальнего Востока / С. Потапова // Ленин. путь. – 1973. – 31 марта. – С. 3.

Страна поэзия : [о жизни и творчестве И. Ерёмина] // Амур. комсомолец. – 1971. – 10 нояб. – С. 4.

Тема Великой Отечественной войны в творчестве И. Ерёмина // Десять книг о войне : беседы с родителями о кн. амур. писателей / сост. О. А. Барсова. – Благовещенск : АОНД, 2009. – С. 11–15.

Туркин, В. По плечу серьёзные задачи : развитию современной поэзии Дал. Востока / В. Туркин // Дал. Восток. – 1978. – № 10. – С. 134–142.

Установлена мемориальная доска памяти Игоря Ерёмина [Электронный ресурс] : [в г. Белогорске установили мемориал. доску памяти И. Ерёмина]. – Режим доступа: <http://www.tvts-media.ru/news/2004/09/24.html>.

Филатов, А. Здравствуй, Поднебесная [Электронный ресурс] : [есть о поэте И. Ерёмине] / А. Филатов. – Режим доступа : <http://www.ytro-rossii.ru/2006/06/14>.

Филатов, А. Памяти Игоря Еремина : стихи // Ленин. путь. – 1991. – 20 нояб. – С. 3.

Филатов, А. Светом стать и пережить себя : страницы воспоминаний о поэте И. Ерёмине / А. Филатов // Дал. Восток. – 2006. – № 2. – С. 161–167.

Филатов, А. «...светом стать и пережить себя» : [о поэте И. Ерёмине] / А. Филатов // Приамурье : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2003. – № 6 (№ 24). – С. 111–117.

Филатов, А. Стихи моих друзей. Игорь Ерёмин [Электронный ресурс] : [о поэте И. Ерёмине] / А. Филатов. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2006/08/15-637>.

Филатов, А. Убегающий горизонт : размышления над писател. судьбами : [есть об И. Ерёмине] / А. Филатов // Ленин. путь. – 1991. – 20 нояб. – С. 2–3.

Филатов, А. «Чтоб светом стать и пережить себя...» [Электронный ресурс] : [о поэте И. Ерёмине] / А. Филатов. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2006/01/21-55>.

Фотьев, Н. В добрый путь! : И. Ерёмин и Б. Машук приняты в члены Союза писателей СССР / Н. Фотьев // Амур. правда. – 1976. – 6 февр. – С. 4.

Фотьев, Н. Зрелость : [о кн. «Земные корни» И. Ерёмина] / Н. И. Фотьев // Амур. правда. – 1974. – 6 янв. – С. 4.

Фотьев, Н. И. Жизнь, отданная творчеству : [предисл. об И. Ерёмине и его кн. «Зрелость» И. Ерёмина] / Н. И. Фотьев // Ерёмин, И. Зрелость : стихи / И. Ерёмин. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. – С. 3–4.

Фотьев, Н. И. Неразрывность судьбы : [предисл. об И. Ерёмине и его кн. «Окоём»] / Н. И. Фотьев // Ерёмин, И. Окоём : стихи и поэмы. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1978. – С. 5–8.

Чеботина, Л. Ф. Особенности лирики И. Ерёмкина / Л. Ф. Чеботина // Лосевские чтения – 2008 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2008. – Вып. 1. – С. 116–124.

Черныш, Ю. Г. «Земля амурская талантами богата...» : о работе лит.-краевед. кружка «Ли́ра» : [есть об И. Ерёмине] / Ю. Г. Черныш // Лосевские чтения – 2015 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2008. – Вып. 8. – С. 186–197.

Черныш, Ю. Г. «Земля амурская талантами богата...» [Электронный ресурс] : о работе лит.-краевед. кружка «Ли́ра» : [есть об И. Ерёмине] / Ю. Г. Черныш. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2006/01/21-55>.